

Н. Кальма
ДЖОН БРАУН

Annotation

Н. Кальма — автор многих романов и повестей для юношества. Основные из них: «Большие шаги», «Тетрадь Андрея Сазонова», «Дети Горчичного Рая», «Девушка-кавалерист», «Серебряный щит».

Близкое знакомство автора с учительницей-негритянкой Ф. Аткинс побудило Н. Кальму написать повесть о судьбе этой женщины — «Черная Салли». Эта повесть вышла в Издательстве детской литературы в 1939 году.

В 1940 году издательство «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» выпустило научно-художественную биографию мужественного борца за освобождение негров США — «Джон Браун».

Настоящее издание книги переработано и дополнено.

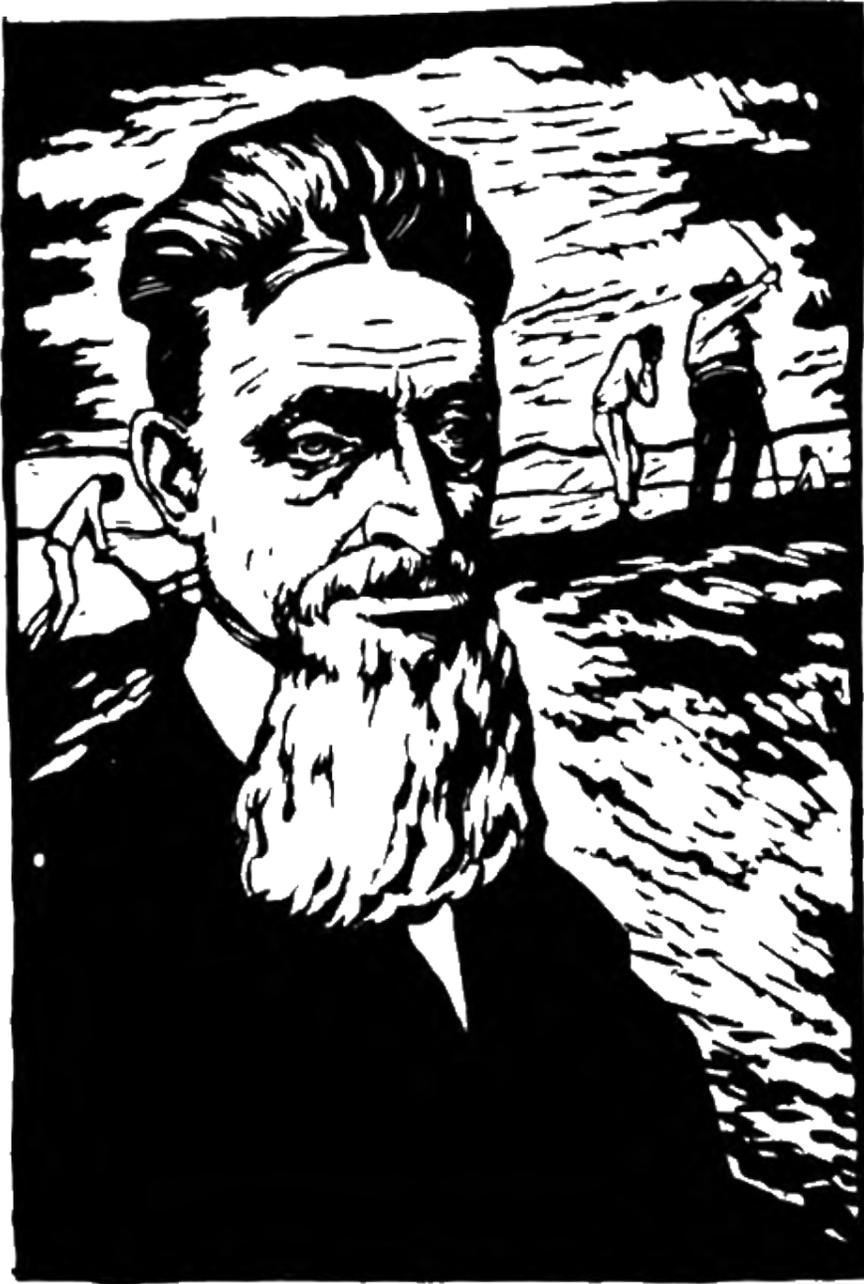
[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал *mefysto*

-
- -
 - [1. ИМЕНИТЫЙ ЗАЛОЖНИК](#)
 - [2. ЗАОКЕАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА](#)
 - [3. СЕВЕР И ЮГ](#)
 - [4. «ГОЛУБЫЕ ЗАКОНЫ КОННЕКТИКУТА»](#)
 - [5. ДЕТСТВО](#)
 - [6. ВОЙНА](#)
 - [7. КЛЯТВА АННИБАЛА](#)
 - [8. ДАЙАНТ](#)
 - [9. ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ](#)
 - [10. СКИТАНИЯ](#)
 - [11. ОБЩЕСТВО БОРЬБЫ С РАБСТВОМ](#)
 - [12. «ПОДПОЛЬНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»](#)
 - [13. «МИССУРИЙСКИЙ КОМПРОМИСС»](#)
 - [14. ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ](#)

- [15. КАНЗАС](#)
 - [16. «ВРАГОВ НАДО УНИЧТОЖАТЬ»](#)
 - [17. ФЕРМЕР-БОЕЦ](#)
 - [18. ОСОВАТОМИ](#)
 - [19. КАПИТАН СОБИРАЕТ СИЛЫ](#)
 - [20. ШЕСТИФУТОВЫЕ ПИКИ](#)
 - [21. «ПОЛКОВНИК» ФОРДЗ](#)
 - [22. ДЕСЯТЬ «СТУДЕНТОВ»](#)
 - [23. ВРЕМЕННАЯ КОНСТИТУЦИЯ И УСТАНОВЛЕНИЯ](#)
 - [24. ФОРДЗ ДЕЙСТВУЕТ](#)
 - [25. ПИКИ ГОТОВЫ](#)
 - [26. «МАТЬ ШТАТОВ»](#)
 - [27. ОНИ ГОЛОСУЮТ](#)
 - [28. СОЛДАТЫ СВОБОДЫ](#)
 - [29. ПРОБУЖДЕНИЕ](#)
 - [30. АРСЕНАЛ ХАРПЕРС-ФЕРРИ](#)
 - [31. ГОРСТКА ОБРЕЧЕННЫХ](#)
 - [32. ПОМОЩЬ НЕ ПРИХОДИТ](#)
 - [33. «СЫНЫ ВИРГИНИИ»](#)
 - [34. СУД](#)
 - [35. КАЗНЬ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
 - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 -
 - [ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!](#)
 - [INFO](#)
 - [В серии «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

John Brown

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Н. КАЛЬМА

Джон БРАУН

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ”
1957**

*

М., «Молодая гвардия», 1957

1. ИМЕНИТЫЙ ЗАЛОЖНИК

Карета провалилась вниз, потом внезапно подпрыгнула и остановилась. Полковник Льюис Вашингтон больно ударился головой о потолок. «Проклятые дороги!» — процедил он сквозь зубы и открыл дверцу. Вокруг кареты стеной нависла черная осенняя ночь. У лошадей, стоя по колена в жидкой грязи, уже возились негры — кучер и его подручный. Полковник раздраженным голосом велел поторопиться. Наконец карета снова двинулась в путь, ныряя и кренясь, как судно в бурном море: по топкому виргинскому болоту были настланы поперек огромные стволы деревьев. В довершение всего полил дождь. Вашингтон был недоволен собой: не следовало так долго сидеть за криббеджем у сенатора Мейсона, а главное, не следовало втягиваться в этот бесконечный спор о Бьюкенене. Всем и так известна бесхарактерность президента, а его страх перед противниками рабства входит в поговорку. Сенатор передал слова Бьюкенена: «Пусть делают, что хотят, лишь бы не в мое президентство».

И еще выплыл этот Линкольн, которого так усиленно выдвигают янки и который вот-вот пройдет на ближайших президентских выборах! Полковник сердито усмехнулся.

Карету еще раз сильно встряхнуло, и лошадиные копыта мягко застучали по деревянному настилу. Это мост, значит дом близко. С тех пор как на берегу Потомака, в Маунт-Верноне, был похоронен Георг Вашингтон, все члены семьи Вашингтонов считали Виргинию чем-то вроде своего наследственного штата и покупали поместья неизменно в этих местах.

Дом полковника, двухэтажный, с черепичной крышей и длинной верандой во весь верхний этаж, стоял в двух милях от города Харперс-Ферри, на берегу реки. В окнах и во дворе забегали огоньки. Это слуги-негры, услышав шум экипажа, выбежали встречать хозяина. Полковника бережно высадили из кареты. В кабинете уже были приготовлены горячая вода, сахар, виски и ящик сигар. Но Льюис Вашингтон слишком утомился, да и час был поздний. Он только выкурил сигару; намереваясь утром ехать на табачные плантации, приказал пораньше оседлать свою Фрину и лег спать.

В середине ночи громкий стук разбудил весь дом. Стучали в наружную дверь. Сам полковник в ночном белье и туфлях на босу ногу спустился вниз

— узнать, в чем дело.

Четыре вооруженных человека, два белых и два негра, одновременно вошли в дом и загородили собой выход. Один из белых, высокий чернобородый человек в зеленой охотничьей куртке и кожаных брюках, распорядился запереть ворота. Его товарищ, коренастый и сумрачный, в буйволовой куртке шерстью вверх, спокойно глядел на испуганную челядь, окружившую полковника.

— Может быть, вы будете любезны объяснить мне, что все это значит?

Полковник был «джентри» и выражался изысканно. Чернобородому человеку тоже не хотелось ударить лицом в грязь.

— Это значит, сэр, что мы пришли освободить всех негров Юга. Харперс-Ферри занят нами сегодня ночью. Вы видите перед собой офицеров первого американского отряда аболиционистов^[1]. Будьте любезны, одевайтесь, мы подождем, — добавил он.

Другой был не столь галантен. Пока полковник одевался, он хмуро оглядел стены. Весь кабинет был увешан старым дорогим оружием. В Харперс-Ферри каждый мальчишка знал, что у полковника Вашингтона в кабинете хранится сабля, подаренная его деду Фридрихом II, и пистолет — подарок Лафайета. Пришедший не сводил глаз с сабли Фридриха, сделанной из миланской стали. «Зачем такому хилому цыпленку такая знатная сабля? — рассуждал он про себя, поглядывая на тонкие ноги и выступающие лопатки Вашингтона. — Я знаю человека, которому эта сабля больше по руке».

Наконец он решился.

— Я конфискую это оружие, — сказал он нарочито грубо, снимая со стены обе реликвии.

Полковник хотел протестовать, но, взглянув на мускулистые плечи и руки посетителя, промолчал. Он был уже одет и, стиснув зубы от напряжения, натягивал сапоги. Обычно одевать его сбегались многочисленные невольники, но сейчас никто не пришел на его зов. По всему дому шла какая-то невидимая, но оживленная суэта. Негры, явившиеся с двумя белыми, вероятно, сообщили своим товарищам о том, что делается в Ферри. На дворе появился экипаж полковника, запряженный четверкой лучших лошадей. За ним стояла внушительная кучка невольников. У некоторых в руках были вилы и косы, почти все держали зажженные факелы. Увидев своих черных слуг, полковник нахмурился. Чернобородый между тем продолжал занимать его разговором.

— Вас хочет видеть Браун Осоватоми. Это он прислал нас сюда.

— Кто такой? — отрывисто спросил Вашингтон.

— Вы не слыхали о Брауне Осоватоми? — удивился чернобородый. — Стало быть, вы не интересовались канзасскими событиями?

— Я ненавижу все, что связано с Канзасом, — со злобой сказал полковник. — Стоит мне увидеть это слово в печати, как я перестаю читать.

— Отлично, — сказал с ликующим видом чернобородый, — сегодня на рассвете вы увидите нашего командира.

Он помог Вашингтону взобраться в экипаж. Его товарищ уже сидел на козлах. Кучер хриплым от волнения голосом закричал на лошадей. Снова потянулась болотистая дорога, которую полковник проезжал каких-нибудь три часа назад. Он все еще не мог прийти в себя.

Тряска в темноте, грязь, хлюпающая под копытами лошадей, — ему упорно казалось, что он все еще едет из гостей домой. И только винтовки в руках его спутников возвращали его к действительности и напоминали о том, что он пленник.

Внезапно чернобородый приказал остановиться. Они были у дома плантатора Олстэда. Оставив полковника под надзором двух негров и собственного его кучера, оба белых ушли в дом. В ночи гулко разнесся стук. По-видимому, все шло так же, как в доме Вашингтона. Вскоре они вернулись, ведя за собой обоих Олстэдов — отца и сына.

Перепуганный Олстэд причитал и слезливо жаловался. Сын его молча подсел к Вашингтону.

Болотистая дорога кончилась, экипаж начал подниматься в гору. Полковник догадался, что его везут в Харперс-Ферри. Начинало светать, можно было уже разглядеть тяжелые разорванные облака, стремительно бегущие по небу. Серый, холодный рассвет растекался по неровным безлюдным улочкам Ферри. Все ставни были закрыты, двери на запоре.

— К арсеналу, — коротко сказал чернобородый.

Показалось длинное низкое здание арсенала, хорошо знакомое полковнику. С начальником охраны он часто встречался в Ричмонде. Скрипя, растворились тяжелые ворота, и экипаж въехал во двор.

Старший, тот, что сидел рядом с кучером, проворно соскочил-с козел и подошел к высокому седому человеку, стоявшему посреди двора.

— Вот, капитан, возьмите-ка эту штуку, — сказал он, неловко переминаясь, — сна вам как раз под стать. — И он протянул саблю Фридриха II.

Льюис Вашингтон с неприязнью, смешанной с любопытством, смотрел, как тот, кого называли капитаном, опоясался саблей его знаменитого деда. Что-то в лице этого человека заставляло каждого

останавливать на нем взгляд. Он был хорошо виден в холодном свете этого утра. Очень высокий, костистый, с бледным, замкнутым лицом и волнистыми волосами свинцового цвета. У него был крючковатый нос и большой тонкий рот, прячущийся в седой неровной бороде.

Костюм его представлял странную смесь городского и деревенского, духовного и светского. Из-под пасторского сюртука виднелись брюки цвета соли с перцем, заправленные в короткие и удобные сапоги, шея повязана черной шелковой косынкой. Шляпы на нем не было, и волосы, растрепанные ветром, падали свободными прядями на широкий морщинистый лоб.

Чернобородый подвел к нему пленников. Капитан внимательно оглядел полковника.

— Льюис Вашингтон? Очень рад... Войдите в караулку. Там разведен огонь. Сегодня утром холодно.

Он говорил очень ясным, молодым голосом. Вашингтон колебался.

— Позвольте, с кем имею...

Ему не хотелось говорить слово «честь» этим людям: Он считал их разбойниками. Ясный голос перебил его:

— Я капитан первого американского отряда аболиционистов. Мое имя — Джон Браун, Джон Браун Осоватоми.

2. ЗАОКЕАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Джон Браун был один из самых замечательных персонажей американской истории XIX века. О нем слагали песни, писали исторические исследования и романы, у одних, передовых людей, он вызывал восторженное поклонение как отважный, самоотверженный, до конца идущий к своей цели революционер, у других, следующих за реакцией, мракобесствующих, — самую жгучую ненависть.

Почти сто лет прошло со дня казни Джона Брауна, но и сейчас о нем спорят — страстно и непримиримо. Он герой для негров и всех угнетенных, его «рейд» послужил сигналом к войне Севера с Югом, но для американской реакционной историографии, для сторонников дискриминации он ненавистная фигура, и нет такой грязной клеветы, которую не выдумали бы эти людишки для того, чтобы опорочить память Джона Брауна.

Джон Браун родился на рубеже нового, XIX века — в 1800 году. К тому времени Соединенные Штаты окончательно определились как самостоятельная политическая единица. В 1800 году были достроены главные здания в новой столице Соединенных Штатов — Вашингтоне. Президент перенес туда свою резиденцию из Филадельфии, и вслед за ним в новый город переехали все правительственные учреждения Штатов.

Здания новой столицы были выстроены в пышном и холодном классическом стиле. Мрамор, бронза, богатые лепные украшения — все должно было показать иностранцу, что молодая республика ведет свое независимое политическое существование.

Родина Джона Брауна добилась этой независимости путем длительной борьбы. До 1776 года Северная Америка представляла собой ряд колоний, принадлежавших различным европейским странам.

В колонизации Северной Америки в XVII и XVIII веках принимали участие почти все страны Европы: Франция, Англия, Швеция, Испания, Голландия и даже Россия. Быстрее остальных росли и развивались колонии Англии. Бурное развитие промышленности усилило в Англии обезземеливание крестьянства, в стране становилось слишком много «лишних ртов». Безземельные отправлялись в колонии искать счастья. Колонии Франции, Испании и России росли не так успешно. В этих странах крестьянство оставалось прикованным к своему клочку земли. Фактически колонии этих стран в Америке представляли собой либо

военные форпосты, либо торговые фактории. Но Англия смотрела далеко вперед, и даже это мирное соседство казалось нетерпимым для английских промышленников и купцов. С помощью оружия Англия изгнала из Америки почти всех своих конкурентов. Оставались две главные соперницы Англии — Испания и Франция.

В течение всей первой половины XVIII века в Америке происходили бесчисленные столкновения англичан с французами. В 1754 году вспыхнула война, которая продолжалась до 1759 года. Эта война, как и Семилетняя война в Европе 1756–1763 годов, была вызвана не только борьбой Англии и Франции за американские территории: решался вопрос о мировом торговом и промышленном первенстве.

В результате этих войн Франция лишилась всех владений в Америке. Теперь Англии принадлежали также и земли от Аллеганских гор до реки Миссисипи — огромный, богатый и малозаселенный край. Георг III, король английский, объявил эти земли собственностью короны. Большую их часть король присоединил к канадской колонии Квебек, в которой издавна поселялась верноподданная аристократия, а меньшую объявил индейской резервацией и запретил колонистам переселяться на западные земли. Указ этот вызвал сильное возмущение среди фермеров, ремесленников и даже плантаторов.

Политика Англии по отношению к колониям вызвала в Америке всеобщее недовольство. Политика эта состояла в том, чтобы использовать американские колонии как сырьевые базы и рынки сбыта. Развитие промышленности в Америке задерживалось искусственным путем. Англия категорически воспретила колониям строить железопрокатные и сталелитейные заводы. Металл из Америки вывозили в Англию только в виде чугуна или железа, но ни в коем случае не в виде изделий. Колонии должны были покупать и ввозить все товары только из Англии и только на английских кораблях. Английская буржуазия бешено наживалась за счет колоний, а крупное английское дворянство привыкло смотреть на колонии как на свою вотчину. Налоги, насильственное подавление промышленности, стеснение морской торговли — все это вызывало острое недовольство колонистов.

Непрерывные стычки с индейцами заставили колонистов создать собственную милицию: английских правительственных войск было недостаточно. В колониях образовалась довольно значительная военная сила. Каждый поселенец-фермер был в то же время и воином. Суровые условия жизни закаляли людей, делали их стойкими и мужественными. Фермеры одинаково хорошо владели заступом и ружьем. В борьбе с

индейцами разрозненное население колоний сплотилось. Колонии начали рассматривать себя как известную силу и все труднее мирились с английским владычеством.

Особенно сильное возмущение росло в северных колониях. Однако и монархически настроенный Юг также проявлял недовольство по отношению к метрополии. Губернаторы, посылаемые из Англии, налоги, взимаемые Англией, — все это рассматривалось как посягательство на исконные права помещичьей аристократии Юга.

Но главное недовольство южан политикой Англии вызывал вопрос о торговле рабами. Вывоз негров из Африки и торговля ими была выгоднейшей статьёй дохода. С начала XVIII века Англия монополизировала эту торговлю. Виргинские плантаторы, поставлявшие негров для других колоний, терпели большие убытки: ввоз негров из Африки снижал на них цену. Роптали и американские судовладельцы: весь «черный товар» перевозили на английских кораблях. Отношения между колониями и метрополией обострялись все более и более.

Из Европы шли предреволюционные веяния. Культурная молодежь читала Вольтера и Монтескье. В Америке начали появляться брошюры, призывающие к борьбе за независимость.

В марте 1770 года вспыхнуло кровавое столкновение между жителями Бостона и английским гарнизоном. В борьбе с метрополией колонии теснее сближались между собой. В 1772 году в Массачусетсе был создан первый, так называемый Корреспондентский комитет для связи между колониями, а в следующем году такой комитет появился и в Виргинии. В организации его играл большую роль Томас Джефферсон — выдающийся демократ, тогдашний правитель Виргинии, а в будущем один из наиболее прославленных президентов Соединенных Штатов.

В декабре 1773 года весь мир был взбудоражен известием о так называемом «Бостонском чаепитии». Английское правительство под давлением колоний отменило в то время почти все пошлины, кроме пошлины на чай. Когда английские корабли привезли в гавань Бостона большую партию чая, возмущенные бостонцы напали на суда и выбросили весь чай в море. Чтобы наказать мятежных бостонцев, английское правительство запретило всякую торговлю через бостонский порт. Кроме того, англичане воспользовались этим инцидентом и разгромили центр революционного движения — Массачусетс. В Бостоне было введено осадное положение, отменена колониальная хартия и для усмирения восставших посланы новые войска.

Судьба Массачусетса вызвала волнение в остальных колониях и

подняла повстанцев. В связи с этим в 1774 году в Филадельфии собрался так называемый Континентальный конгресс, на котором присутствовали представители всех колоний, кроме Джорджии. Одним из острых вопросов, поднятых конгрессом, был вопрос о прекращении ввоза рабов.

Представители колоний, выдвинутые из наиболее обеспеченных кругов, хотели уладить все недовольства мирным путем. Послали в Лондон делегацию с ходатайством об отмене запретительных законов внешней торговли. Но в Англии делегаты были встречены как мятежники. Правительство не желало идти ни на какие уступки. В ответ на требования колоний Англия ввела новые пошлины и сборы. В отдельные города были посланы правительственные войска, и теперь уже на все сколько-нибудь ответственные посты в колониях назначались чиновники из Лондона.

Политическая атмосфера накалялась.

Чтобы изыскать новые меры борьбы с английским влиянием, в мае 1775 года в Америке был созван второй Континентальный конгресс. На конгрессе представители колоний избрали главнокомандующего и постановили создать собственную федеральную армию. Томас Джефферсон от имени конгресса сообщил об этих решениях английскому правительству.

Англия выслала в Америку карательную экспедицию. Английский генерал Гейдж должен был примерно наказать непокорных и снова привести колонии к подчинению английской короне. Английские войска расстреливали «мятежных колонистов» и сами подвергались постоянным нападениям. Для усмирения Америки Англия намеревалась послать целую армию.

Но колонии не собирались дешево отдавать свою независимость. Началась война 1775–1783 годов за независимость, или так называемая первая американская революция, о которой Ленин писал в письме к американским рабочим:

«История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных, подобно теперешней империалистской войне, дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку, как угнетают, как держат в колониальном рабстве еще теперь эти «цивилизованные» кровопийцы сотни миллионов людей в Индии, в Египте и во всех концах мира»^[2].

Война за независимость была подлинно народной войной; англичане не ожидали от колоний такого решительного отпора. Они слишком верили в свою мощь.

Главной силой Англии был флот, тем более, что почти все порты принадлежали англичанам. Английская армия, хорошо вооруженная, снабженная продовольствием и оружием, состояла в основном из профессиональных наемных солдат.

Английский флот у берегов колоний.

Колониальная армия, плохо обутая и одетая, мало дисциплинированная, состояла главным образом из фермеров, рабочих, ремесленников и рыбаков. Ею командовали офицеры-землевладельцы или

бывшие торговцы, малознакомые с военной техникой. Жалованье американским армейцам выплачивали нерегулярно, паек был плох и скуден. Но в воззваниях и документах армии говорилось о равенстве всех граждан, о торжестве демократии в Америке, и это казалось бойцам достойной наградой за все лишения. Они были полны ненависти к английским тиранам, с ожесточением отстаивали свою землю и отлично дрались в партизанских боях.

Баррикады, сооруженные американскими фермерами, мешали движению английской армии. Земледельцы бросали свои поля, брались за карабины и шли сражаться с английскими наемниками.

В 1776 году тринадцать североамериканских колоний, или, как они теперь именовались, штатов, вступили в союз и приняли Декларацию независимости. Декларация была составлена тем же талантливым деятелем революции Джефферсоном. Эта декларация впервые в мире провозгласила основные положения буржуазно-демократических свобод: равенство граждан, свободу совести, уничтожение сословных привилегий. Кроме того, в ней было раз навсегда заявлено, что колонии отделяются от Англии и что «всякая связь между ними и Великобританским государством порывается».

Декларация послужила прообразом для «Декларации прав человека и гражданина», принятой во время Великой французской революции.

В 1781 году была принята конституция Соединенных Штатов Америки. Однако по этой конституции правительству было дано чересчур мало власти. Оно могло выносить только отдельные пожелания, а выполнение их целиком зависело от штатов. Вот эта слабость центральной власти, нерешительность в военных и внутренних делах сильно затягивали войну.

В начале войны перевес был на стороне англичан. Под командованием генерала Хоу англичане выиграли несколько крупных сражений и заняли Нью-Йорк и Филадельфию. Английские офицеры праздновали победу, устраивали турниры в подражание средним векам и украшали взятые города триумфальными арками. Английские леди слали победителям венки и гирлянды с торжественными надписями. А молодой заокеанской стране приходилось все хуже.

Подтачивало американскую армию и противодействие изнутри: в колониях было много сторонников короля Георга III. Это были владельцы крупных земельных участков в прибрежных местностях, торговцы мехами, чиновники, королевские губернаторы. Их называли «тори» или «лоялистами». Против тори подымались промышленники Севера, мелкие

фермеры, некоторые плантаторы и торговцы, стоявшие за решительную борьбу с английским владычеством. Они получили название «виги» или «революционеры».

Вооруженные сторонники короля нападали на патриотов, и одновременно с войной против англичан разгоралась гражданская война внутри штатов. В штатах были созданы комитеты безопасности, которые руководили борьбой как против метрополии, так и против сторонников короля. Главнокомандующим американской армией был назначен Джордж Вашингтон, виргинский плантатор, показавший себя в войнах с индейцами и Францией талантливым полководцем. Вашингтону удалось, с помощью партизан, добиться успеха.

На побережье англичане одерживали победу за победой, но, едва они начинали продвигаться в глубь страны со своими обозами и тяжелой артиллерией, как тотчас на них нападали легкие отряды колонистов. В ходе войны американская революционная армия начала широко пользоваться рассыпным строем. Это сбивало с толку англичан, а тяжелая артиллерия не давала им возможности перестраиваться с нужной быстротой. Однако на окончательный удар у американцев еще не было достаточно сил: флот противника стоял надежным прикрытием.

В октябре 1777 года американские войска одержали серьезную победу в штате Нью-Йорк, у Саратоги. Этой победой они помешали плану англичан отрезать Новую Англию и вести военные операции на побережье, где мог действовать английский флот. Англичане перенесли центр борьбы на Юг, но и там их ожидало поражение. Революционная американская армия начала завоевывать симпатии Европы, ее престиж поднялся, и на помощь пришла Франция, которой к тому же важно было подорвать мощь своей постоянной соперницы Англии.

Вениамин Франклин заключил с Францией военный союз и торговый договор. Американская армия получила от Франции оружие. Французский флот появился у американских берегов и принял участие в морских боях на стороне Америки, и затем в 1778 году Франция признала Соединенные Штаты как самостоятельное государство.

Из Европы в Соединенные Штаты прибывало множество добровольцев. Среди них были: Костюшко — борец за национальное освобождение Польши, французский офицер Лафайет и социалист-утопист Сен-Симон. Испания, с которой Англия была во враждебных отношениях, также начала помогать американцам. По инициативе России многие государства в Европе объявили «вооруженный нейтралитет», создали «Лигу нейтральных» и тем также нанесли косвенный удар Англии. В самой

Англии виги вели антивоенную пропаганду, и английский народ с неодобрением относился к этой войне.

В 1781 году английская армия сдала американским войскам важнейший укрепленный пункт — город Йорктаун. Капитуляция англичан означала конец войны. После сдачи Йорктауна в Англии пало правительство тори, и к власти пришли виги, которые начали переговоры о мире.

3 сентября 1783 года Англия подписала мирный договор. По этому договору она отказывалась от всех своих владений в Северной Америке, за исключением Канады. Война за независимость окончилась полной победой Соединенных Штатов. Была организована первая в мире демократическая республика.

Карл Маркс придавал этой войне огромное значение. Он назвал ее «набатным колоколом для среднего класса Европы».

И действительно, для Франции и Англии, как и для других стран, американская революция послужила огромным толчком в развитии демократического движения. В самой же Америке революция уничтожила привилегии аристократов и феодальные пережитки среди колонистов. Однако победа в этой войне не принесла сторонникам демократических свобод всего того, на что они надеялись. Война разорила многих фермеров, ремесленников и рабочих, они оказались во власти предпринимателей и часто лишались своих земель, которые переходили к буржуазии. Новые земли к западу от Аллеган штаты продавали только крупными участками, поэтому мелким фермерам они оказались недоступны. Земли же, которые государство конфисковало у бежавших тори, сами штаты, нуждаясь в средствах, начали продавать по высоким ценам. Земельные участки опять-таки попадали не фермерам, а в руки спекулянтов.

Рабство негров там, где оно не имело большого значения, например в северных штатах, было постепенно уничтожено, но в южных штатах оно полностью сохранилось. Расовое неравенство и цензовое избирательное право также остались во всех штатах незыблемыми.

Все это вызывало сильное недовольство мелких фермеров и рабочих, в стране вспыхивали многочисленные восстания.

Чтобы предотвратить угрозу таких восстаний, буржуазия Соединенных Штатов решила централизовать власть, создать единый государственный аппарат. Крепкая единая структура нужна была и для развития экономики страны. В Европе еще не верили в прочность нового государства и старались разобщить отдельные штаты, поддерживая в них недовольство объединенной властью.

В мае 1787 года в Филадельфии был созван Конституционный конвент из делегатов штатов. На этом конвенте делегатами были представители торговой и промышленной буржуазии Севера и помещичьей аристократии, плантаторов Юга — люди в большинстве своем чуждые истинной демократии.

Конвент выработал конституцию США и передал на утверждение штатам. По новой конституции США превращались в Федеративную республику с центральной властью, финансами и вооруженными силами. Президенту, который избирается каждые четыре года, предоставлялось право назначать министров и других высших чиновников с ведома и согласия сената и руководить армией и флотом. Законодательная власть передана была конгрессу, состоящему из двух палат: сената, в который должны входить по два представителя от каждого штата на шесть лет, и палаты представителей, избранных на два года гражданами, имеющими избирательное право. Однако все неимущее или малоимущее население штатов было лишено избирательного права из-за установленного высокого избирательного ценза.

Избирательная система была построена так, что правом выборов не пользовались ни женщины, ни рабочие, ни негры, ни индейцы. Из фермеров и средних классов только самые зажиточные имели право выбирать. В конституции ничего не было сказано о свободе слова, печати, собраний и совести.

Девять штатов из тринадцати должны были утверждать конституцию, но разгорелась борьба, которая длилась три года. У конституции были сторонники и ярые противники. Сторонникам конституции — федералистам — она была выгодна потому, что утверждала права централизованной власти, давала им возможность получить обширный рынок и лишала всякой власти народные массы. Федералистов поддерживали крупные торговцы, плантаторы, судовладельцы, земельные спекулянты и финансисты. Антифедералисты-демократы были против конституции, потому что она урезывала права народа. Они требовали демократизации страны и представляли интересы фермеров и части плантаторов. В то время как борьба достигла своей кульминации, из Франции возвратился Томас Джефферсон. При поддержке народа и Джефферсона в конституцию были внесены десять дополнений, говоривших о свободе личности, слова, собраний, печати и вероисповеданий. По сравнению с политическим строем, господствующим в то время в Европе, конституция США была большим шагом вперед, несмотря на ограниченный характер ее «свобод».

Первый президент Америки Георг Вашингтон, избранный 4 марта 1789 года, занял президентский пост за несколько месяцев до начала французской революции. Когда революция вспыхнула, против опасности, идущей из Франции, единодушно объединились все правители Европы. Англия и Франция вступили в жестокую борьбу, и в эту борьбу были постепенно втянуты все крупнейшие европейские страны.

Весь конец XVIII и начало XIX века продолжались войны. Все это время молодая заокеанская республика с вниманием следила за борьбой Старого Света. Джефферсон ратовал за то, чтобы революционной Франции была оказана помощь. Демократическая молодежь организовала во многих городах Америки нелегальные клубы, наподобие якобинских, и требовала всеобщего избирательного права. Зато партия федералистов относилась к революции не только сдержанно, но и враждебно. Весной 1793 года Вашингтон опубликовал декларацию о нейтралитете. Эта декларация расторгала франко-американский союз, заключенный в период войны за независимость. Отношения с Францией все обострялись, вместе с тем федералисты вели страну к сближению с Англией. Внутренняя и внешняя политика федералистов вызывала все большее недовольство в стране. Был издан «Закон о мятежах», грозящий репрессиями республиканцам, критикующим правительство, налоги на землю, дома и рабов, увеличение армии и флота, — все это вызывало возмущение среди малоимущей части населения.

Фермеры, рабочие, плантаторы — все были недовольны политикой федералистов. На выборах 1800 года федералисты потерпели поражение, и президентом был избран Томас Джефферсон — представитель республиканцев. Избрание это показало всему миру, что демократические силы могут побеждать.

Из утомленной войнами Европы в Америку потянулись эмигранты. Среди них были революционеры, искавшие в молодой республиканской стране свободы и равенства, бежавшие от европейской реакции. Кроме «чаявших свободы», в Америку, захватив свои ценности, спасались бегством от войн и революций аристократия и буржуазия. Искатели приключений, путешественники, люди, которым пребывание в Старом Свете стало почему-либо неудобным, также устремились в новую страну.

По первой официальной переписи 1790 года в Америке насчитывалось около четырех миллионов жителей, а в 1800 году — уже пять миллионов триста тысяч человек.

3. СЕВЕР И ЮГ

Вначале XIX столетия на первое место в Америке выдвинулся вопрос, которому суждено было стать самым острым и жгучим в течение последующего полувека. Это был вопрос о взаимоотношениях северных и южных штатов, в первую очередь вопрос о рабовладении.

«Юг и Север — это было как бы столкновение средних веков с новыми временами, — писал журналист и путешественник Вильям Диксон. — Средние века и новое время не могли мирно ужиться вместе, каждая сторона хотела главенствовать в великой республике; с одной стороны — рыцарство с его славой и пороками, а с другой — демократия со своими надеждами и запасом сил».

«По одну сторону стояли южные штаты, населенные людьми воинственными и надменными, представителями привилегий, людьми, у которых понятия о правах рождения и власти были развиты в высшей степени.

По другую сторону находились северные штаты, населенные опытными купцами, искушенными промышленниками, представителями гения предприимчивости; здесь добродетелями признавались честолюбие и успех. На Юге жил человек, не привыкший к труду, со своим томным видом, с утонченными вкусами и традициями. На Севере — ремесленник, ум которого был полон мыслей и рука не нуждалась в поддержке».

«Праздношатающийся путешественник из Старого Света чувствовал себя как дома в помещичьих домах Юга. Дома были хорошо построены, мебель в них отличалась богатством, стол и вино были превосходны, книги, газеты, музыка — те же, что и в Европе. Путешественник находил множество лошадей и прислуги, обширные земли, прекрасные леса, много дичи. Тут он мог поохотиться, там половить рыбу. Почти все молодые женщины прекрасно ездили верхом, танцевали, пели. Мужчины отличались отвагой, силой, надменностью. То, что казалось неблагоприятным, удалялось с глаз иностранца или выставлялось в комическом и живописном свете. Он слышал, как шутя говорили о рабовладении, и шел на плантацию, как на комическое представление. Хозяева вызывали черного Сэма и заставляли его петь и ломаться. После кругового обхода пуншевой чаши, пока негры пели и прыгали, путешественник отправлялся домой, приятно смущенный, вынося убеждение, что черный человек даже любит свои цепи.

Бездельнику в северных штатах немного пришлось бы по вкусу. Дома

не так обширны и великолепны, как на Юге, климат гораздо холоднее и удовольствий гораздо меньше. У мужчин все внимание обращено на дела, они не занимаются ни охотой, ни рыбной ловлей, ни танцами и едва ли о чем-нибудь говорят, кроме своих фабрик, копей, дорог, рыболовных предприятий; они всегда торопятся, заняты, поглощены делом, как будто на их руках весь мир и они боятся его уронить. Женщины также заняты делами, после завтрака тотчас же отправляются в школу, садятся за письменный стол или за швейную машину. Они начитаны, знакомы с последними течениями в литературе и науке и привыкли свои познания немедленно обращать на пользу другим».

Однако первые годы нового столетия протекли в относительном мире между «средними веками» и «новым временем».

«Крепкая» власть, установленная в Америке, была по сердцу и капиталистам Севера и плантаторам Юга. Она охраняла их социальные привилегии и не допускала «чернь» вмешиваться в управление страной.

В 1776 году в союзе было тринадцать штатов с населением свыше двух с половиной миллионов человек. К 1800 году Союз состоял уже из шестнадцати штатов — восьми южных рабовладельческих и восьми северных, где рабство было уничтожено. Население Севера и Юга распределялось почти поровну — около двух с половиной миллионов в каждой части. Но сорок процентов населения на Юге составляли бесправные негры. Поэтому в палате депутатов от свободных штатов было больше представителей, а от рабовладельческих меньше. В сенате же силы уравновешивались: там на шестнадцать южан было шестнадцать северян. Север и Юг сближались туго, однако в продолжение европейских войн торговля на море, общие интересы сбыта как-то объединяли северные и южные штаты. Промышленность Юга в первые годы нового столетия еще не слишком отставала от Севера. Кроме того, в центральном правительстве еще преобладали крупные виргинские землевладельцы. Поэтому начало XIX века — время сравнительно мирного сожительства Юга с Севером.

Но мир не мог длиться долго: пропасть, разделявшая Север и Юг, была слишком велика, слишком различны были экономические интересы обеих сторон.

Из Европы продолжали тысячами прибывать иммигранты. Прибрежная полоса была уже вся заселена, поэтому новоприбывшие начинали продвигаться в глубь страны.

Помещики-южане хищнической эксплуатацией истощали свои земли на Юге. Им нужны были новые земли под плантации, и они также двинулись на поиски свободных территорий.

В движении на запад помещики, которых сопровождали толпы черных невольников, столкнулись с свободными, сильными людьми, привыкшими жить трудами своих рук. Встреча двух миров неизбежно должна была закончиться решительным взрывом. Поводов для столкновений было очень много. Довольно было искры, — чтобы вспыхнуло пламя взаимной ненависти. И такой искрой явился вопрос о рабстве. Он стал формулой борьбы, которая за полстолетие приняла всемирно-исторический размах.

В конце XVIII и начале XIX века рабовладение еще не было ни особенностью политической системы, ни отличительным признаком южных штатов.

В северных штатах рабство было отменено в 1777–1804 годах; в южных оно, казалось, также приходило к концу.

Труд невольников становился все менее выгодным для плантаторов. Лучшие земли были истощены. За исключением Южной Каролины и Джорджии, где были рисовые плантации, успешно обрабатываемые неграми, подневольный труд не окупался. На хлопковых плантациях ручная очистка хлопка обходилась слишком дорого, и невольник не оправдывал даже тех затрат, которые на него производились. В конце XVIII века цены на невольников сильно упали: взрослый, сильный негр стоил около ста долларов. Вскоре на Юге появились люди, которые публично и в печати высказывались за постепенную отмену рабства. Конечно, при этом умалчивали об экономических причинах, а приводили лишь доводы высокоморального порядка.

В 1793 году квакер из Коннектикута Уайтни изобрел хлопкоочистительную машину. До этого один негр мог очистить в день не больше одного фунта хлопка; после изобретения и усовершенствования машины даже неопытная негритянка могла очистить больше ста фунтов в день. Отношение к рабству резко изменилось.

В этот период в Англии происходил бурный переворот в текстильной промышленности и смежных с нею областях.

Текстильные центры Англии — Манчестер и Ливерпул — молниеносно росли. На английских фабриках работали десятки тысяч рабочих. Англия становилась страной дешевой бумажной ткани.

Но промышленный подъем в Англии был возможен только благодаря хлопководству в южных штатах Америки. Юг сделался почти единственным поставщиком хлопка для Англии. В 1781 году в Англию было вывезено всего тринадцать тысяч кип хлопка, а в 1820 году — пятьсот семьдесят две тысячи кип.

В короткое время хлопок почти вытесняет с плантаций рис, сахар и

табак. За семь лет разведение хлопка увеличилось в сто раз, и хлопок сделался подлинным золотом Юга. От урожая хлопка в Америке зависели судьбы английской биржи. Отныне триста тысяч плантаторов Юга строили свое благосостояние на хлопке.

Карл Маркс в статьях о гражданской войне в Америке говорит, что монополия южных штатов в снабжении Европы хлопком создавалась не особыми естественными, а особыми социально-историческими условиями. Пригодные для хлопка климат и почва существуют и в других странах, как, например, в Индии. Но нигде не сохранилось в таком виде и в таких размерах рабство, как это было в южных штатах. Расцвет и богатство Юга основывались на невольничьем труде, и только бесчеловечная эксплуатация негров позволяла выбрасывать на рынок такое огромное количество дешевого сырья.

Южные порты Чарлстон и Новый Орлеан процветали. Тысячи кораблей, груженных хлопком, шли в порты Старого Света, и в Америку широкой струей текло золото из Европы.

«Под влиянием этой внезапно хлынувшей волны богатства, основанного преимущественно на подневольном труде, отношение Юга к рабовладению радикально изменилось, — пишет один американский историк. — Между 1808 и 1820 годами представители южан согласились на ряд законов, ограничивающих торговлю невольниками. После того как хлопок стал диктатором, цена на рабов быстро поднялась, давно заброшенные земли вновь стали обрабатываться, хлопководство быстро распространялось по югу и юго-западу».

В 1825 году стоимость взрослого негра колебалась между двумя и тремя тысячами долларов. Некоторые штаты, как, например, Виргиния и Мэриленд, занялись «рабоводством», то есть выращиванием негров-рабов для того, чтобы поставлять их в хлопководческие штаты.

Разумеется, теперь уже никто не говорил об уничтожении рабства. Простая петиция филадельфийского общества борьбы с рабством подняла в палате представителей целую бурю, хотя в этой петиции говорилось лишь о том, чтобы конгресс подумал, какими мерами приостановить дальнейшее развитие рабства.

Представители штатов, расположенных южнее Потомака, поспешили заявить по этому поводу, что для Юга рабство гораздо важнее самого Союза. Это заявление сделалось лозунгом крайней рабовладельческой партии.

Вопрос о новых территориях и невольниках отныне решал судьбу крупных помещиков-землевладельцев. Поэтому так нетерпимо относились

южане к малейшей попытке добиться уничтожения или даже смягчения законов о рабстве.

Вот что писал Карл Маркс:

«Все растущее злоупотребление Союзом со стороны рабовладельцев, действовавших в союзе с северной демократической партией, является, так сказать, общей формулой' истории Соединенных Штатов с начала текущего столетия. Последовательные компромиссные меры знаменуют последовательные этапы превращения Союза в раба рабовладельцев. Каждый из этих компромиссов означает новый захват со стороны Юга и новую уступку со стороны Севера. В то же время ни одна из последовательных побед Юга не была одержана без горячей борьбы с враждебной ему силой на Севере, которая выступала под именами различных партий, с различными лозунгами и под различными знаменами. Если положительный и окончательный результат каждого отдельного спора говорил в пользу Юга, то внимательный наблюдатель исторических событий не мог не заметить, что каждое новое продвижение рабовладельцев является шагом на пути к их окончательному поражению»^[3].

На Севере в этот период шло быстрыми темпами развитие крупной машинной текстильной и металлургической промышленности. Успехи промышленности определялись в большой степени прогрессом техники. Механический ткацкий станок, введенный Лоуэллом на своих фабриках в 1814 году, сильно способствовал усовершенствованию текстильной промышленности. Введение паровой машины и освещение угольным газом вызвали спрос на каменный уголь. Появились механическая молотилка, жатвенная машина.

Но особенный расцвет промышленности на Севере наступил с развитием средств передвижения. Сооружение в 1825 году канала Эри, соединившего озеро Эри с рекой Гудзон и Атлантическим океаном, сделало Нью-Йорк самым крупным портом США. Вслед за этим целой сетью искусственных каналов покрылась Пенсильвания.

В тридцатых годах строительство железных дорог произвело целую революцию. Железные дороги дали мощный толчок колонизации Запада, облегчили переселенцам продвижение в глубь страны, к обширным свободным западным территориям. Обосновавшиеся за Аллеганскими горами переселенцы открыли движение на Дальний Запад, к Тихому океану. Долина реки Огайо стала одним из основных путей колонизации Запада, наряду с северным путем, через Гудзон, и южным, в обход Аппалачских гор. Заселение Запада началось еще до постройки железных

дорог и пароходов. С покупкой в 1803 году у Франции Луизианы, которую Наполеон получил от Испании, для переселенцев стали доступными обширные плодородные земли в бассейне Миссисипи.

Первыми поселенцами Запада были фермеры, они «расчищали» путь следующим за ними плантаторам. И те и другие искали новых земель. Но плантаторы жаждали новых территорий, пригодных под хлопковые плантации, фермеры же бежали на Запад от налогов, от притеснительных законов Востока. Клич «Westward ho!» — «На Запад!» — сделался лозунгом всех недовольных и разочарованных «свободным» Востоком. В необъятных прериях Запада каждый фермер чувствовал себя хозяином своей судьбы; он не боялся ни чиновников, ни законов, ни податей, ни тюрем.

В годы промышленного подъема Америки усиливалась иммиграция из Европы. Иммигранты стремились устроиться на новых свободных землях и тоже отправлялись на Запад.

Богатые плантаторы и просто спекулянты приобретали тысячи акров плодородной западной земли.

Вначале правительство даже не продавало мелких участков, так что покупать новые земли могли только обеспеченные люди. Таким образом, поток малоимущих переселенцев задерживался и оседал в промышленных городах Востока, увеличивая собой армию труда. Но едва разразился первый кризис, буржуазия сама спешно принялась избавляться от голодного и угрожающего ей люда. Было создано несколько комитетов помощи переселенцам. Земля стала продаваться небольшими участками и по удешевленной цене.

Крытые брезентом фургоны потянулись по дорогам. Из фургонов выглядывали обветренные лица женщин и детей. Впереди шагал отец семейства, рослый, бородатый человек в высоких сапогах и широкополой шляпе. За фургоном плелись привязанные корова и овцы.

«Американцы, бесспорно, из всех народов самый непоседливый, — пишет очевидец этого движения. — Между Балтиморой и Филадельфией более тысячи повозок, заваленных огромным грузом, тянулись с другой стороны Аллеганских гор к Западу. Число пешеходов и лошадей отвечало числу повозок и может дать понятие о ходе таких переселений на пространстве более трехсот миль. Едущие с востока Соединенных Штатов часто оставляют своих лошадей в Питтсбурге и спускаются по реке Огайо, тогда как с запада на восток приезжают в дилижансах.

Женщины часто едут верхом, в рединготах, с зонтиками, вместе с детьми своими и таким образом делают по четыреста миль».

Период колонизации в истории Северной Америки так и называется «движением на Запад».

Газеты были полны самых заманчивых сведений о Западе, железные дороги тратили огромные суммы на рекламу, побуждавшую людей стремиться на Запад и селиться там. Все были охвачены' каким-то безумием — бежать, бежать в свободные, цветущие, вольные степи.

Поток переселенцев. — рабочих и фермеров — столкнулся с таким же потоком помещиков-плантаторов. Плантаторы захватывали лучшие участки земли и теснили людей все дальше и дальше. Там, где плантатор ставил пограничную черту, доступ фермеру был закрыт. Фермер отвечал на это непримиримой враждой.

Самым уязвимым местом плантаторов было рабовладение. И в тех северо-западных штатах, где у власти стояла мелкая фермерская буржуазия, рабовладение было запрещено.

На Западе создавались все новые и новые штаты. При создании каждого нового штата возникал вопрос, каким должен быть этот штат — свободным или рабовладельческим.

Север хотел экономически ослабить Юг и старался уничтожить рабство — основу экономики Юга. В то же время, для того чтобы сохранить свое значение, иметь возможность влиять на политику Соединенных Штатов, вожди рабовладельческого Юга должны были добиваться введения рабства и в новых штатах. Таким образом, вопрос о власти непосредственно упирался в вопрос о сохранении или уничтожении рабства. Именно вокруг этого вопроса и разгорелась борьба, в которой одним из вождей партии, добивавшейся отмены рабства, был Джон Браун.

4. «ГОЛУБЫЕ ЗАКОНЫ КОННЕКТИКУТА»

Серые каменистые холмы со всех сторон обступали хижину Браунов. Сеять здесь было почти невозможно, даже скот с трудом находил себе корм.

У матери часто пропадало молоко, и тогда ребенка, по индейскому обычаю, подвешивали в корзинке к большому дереву, чтобы он слушал пение птиц и не плакал. Но мальчик все-таки плакал от голода, и отец с горя проклинал этот гиблый Коннектикут, где семейному человеку впору удавиться.

Страна была сурова, и поселенцам приходилось туго. Холодные речки, глубокие ущелья с черными, словно обугленными, деревьями, серые овраги, откуда по вечерам поднимался плотный белесый туман, — такова была родина Джона Брауна.

Люди здесь были под стать природе — грубые, неразговорчивые, упорные. В непрерывной борьбе за существование они почти утратили способность мечтать о чем-нибудь, кроме сытой жизни и закромов, полных пшеницы и кукурузы. Их чувства были так же просты и примитивны, как орудия в их руках — топор, молоток, пила.

Трудились здесь упорно, стиснув челюсти, поливая потом каждую пядь земли, выкорчевывая деревья, сбрасывая в пропасть камни, чтобы хоть как-нибудь приспособить эту землю для посева. Ели грубую пищу — кукурузные лепешки, бобы с салом, размоченные в воде сухари.

Спали тяжелым сном без сновидений, не сняв с себя той одежды, в которой работали весь день, спали в сырых, еще неоконченных срубах. Возмужав, брали в дом женщину потому, что нужно кому-нибудь стряпать, шить и стирать, и потому еще, что библия не велит человеку жить в одиночестве. В каждой хижине на почетном месте лежала эта толстая книга, единственная книга, которую здесь читали. Люди верили в рай и в геенну огненную. По воскресеньям в церкви проповедник грозил курильщикам вечными муками. Потом все — мужчины и женщины — пели простуженными, не привыкшими к пению голосами заунывные псалмы. В воскресный день было запрещено громко говорить, смеяться и целовать жену. Так гласили «Голубые законы Коннектикута», установленные первыми поселенцами-пуританами.

В этих же законах говорилось, что «какие бы то ни было лица,

носящие золотые или серебряные шнуры, золотые или серебряные пуговицы, шелковые ленты или другие какие-либо излишние украшения, будут подвергнуты налогу в размере 150 фунтов стерлингов».

Творцы законов не подумали о том, что в Коннектикуте нет людей, одевающихся в золото и серебро, и что этому штату гораздо более подходит другой «Голубой закон», гласящий, что каждый неоплатный должник может быть продан за свои долги в рабство.

Уже вся Америка втихомолку смеялась над «Голубыми законами», уже давно истлели в земле кости их творцов, а в Коннектикуте продолжали слепо им повиноваться, и жители даже гордились тем, что их штат называют «штатом суровых законов».

Типичным, коренным жителем этого «штата суровых законов» был отец Джона — Оуэн Браун. Немногословный, сумрачный, мощный как дуб, с обветренным скуластым лицом, он был горд своей силой, выдержкой, неприхотливостью своих вкусов. Иногда он нарочно, может быть для примера своим детям, упражнял волю: после целого дня работы хотелось много и жадно есть, а он умерял себя, ел только самую малость. Хотелось лечь отдохнуть — он шел работать, и туда, где было потруднее. Он не курил, не играл ни в какие игры, не пил ничего, даже домашнего пива; его богами были труд, суровая простота и физическая сила. Он говорил, что создан природой для борьбы и для борьбы именно с нею же, то есть с самой природой, и при этом с усмешкой показывал свои стальные мышцы, весь свой огромный сильный костяк, узловатые, как сучья дерева, руки. С зари до поздней ночи он был на ногах: корчевал, валил, пилил деревья, пахал землю, строил, стриг скот, жег уголь, дубил кожи. Все кругом в семье Оуэна Брауна должно было подчиняться непрерывному ритму этого труда. Даже у самых маленьких были свои обязанности: например, младший сынишка Сэмюэль должен был приносить сухую щепу для очага. Если щепка была сырая, он обязан был ее высушить. Иногда за играми Сэмюэль забывал о своих обязанностях: щепка оказывалась сырой. На заре безжалостная рука отца подымала сынишку, ставила его, босого, на ледяной пол и задавала основательную трепку.

— Будь суровой с детьми, Рут, — говорил Оуэн жене. — Приучай их к труду. Помни, что в жизни их ждет только труд. Не изнеживай их.

Только к одному члену семьи Оуэн Браун относился с бережной нежностью — к своей жене Рут. Это была маленькая, хрупкая женщина с двумя длинными темными косами, висящими по плечам, как у девочки. Оуэн еще помнил дни их молодой любви, встречи в церкви, долгие прогулки по темным деревенским улицам. Она любила его и все-таки не

хотела стать его женой. Почему? Это была тайна, стена, которую он никак не мог преодолеть. Что ей мешает? Она любит другого? Она обещана кому-нибудь?

Рут отрицательно качала темной головой с тяжелыми косами. Тогда что же?

— Я не могу, — говорила она. — Я не могу. Оставь меня, не спрашивай.

Оуэн Браун не знал тогда, что Рут считает себя не вправе выходить замуж, иметь детей. Она была дочерью пастора. Мать ее умерла в безумии, одна из сестер — тоже, оба брата бывали периодически подвержены приступам психической болезни. И бедная девушка жила в постоянном страхе, что вот-вот и на нее налетит безумие, вот-вот и ее захватит черный недуг. А тут еще младшая сестра ее вышла замуж и родила ребенка-идиота.

— Я не могу выйти за тебя, — твердила она Оуэну. — Не могу.

Тогда Оуэн отправился к ее отцу. Не сможет ли отец уговорить Рут? Если она не выйдет за него замуж, он уйдет из здешних мест, он погибнет, он так ее любит. Неизвестно, о чем говорил с дочерью пастор в летнюю ночь, благословлял ли он ее на брак, успокаивал ли, обещал ли, что безумие не повторится в ее детях. Но после этого разговора Рут дала Оуэну согласие. Отец-пастор сам их обвенчал. Через год у них родилась девочка, которую они назвали Энн. Она была безумна и страдала буйными припадками.

Все это рассказывается здесь так подробно не для того, чтобы придать живость и интерес повествованию, а чтобы пояснить то, что произошло много лет спустя, во время суда над Джоном Брауном. Тогда и враги и друзья Джона Брауна по-разному воспользовались этим наследственным недугом в семье матери: одни для того, чтобы добиться оправдания Джона, другие, чтобы оклеветать его, представить всю его борьбу за права угнетенных, как вспышки сумасшествия.

После Энн родилось еще двое сыновей — Джон и Сэмюэль. Эти были здоровы, крепки, хотя немного дики, под стать природе, среди которой они росли.

В Коннектикуте давно шел слух о хороших землях в штате Огайо. Спустя четыре года после рождения Джона отец его, Оуэн Браун, запряг свою единственную лошадь в фургон, посадил туда жену, детей и, погрузив все свое нехитрое имущество, двинулся в Огайо.

Он разбил палатку в долине реки, у поселка Экрон. Здесь была черная, жирная земля, хорошие пастбища. По долине тянулись огромные фруктовые сады, и весной старые узловатые деревья цвели пышным

розовым цветом.

В долине жило немного немцев-фермеров, большинство же населения состояло из исконных обитателей Америки — индейцев. Индейцы и белые почти не общались? Но Оуэн Браун не разделял предрассудков своих соотечественников. Он вовсе не считал, что только белые должны управлять миром и повелевать людьми иных рас. Он полагал, что если человек честен, мужествен и славно работает, то цвет его физиономии никого не касается.

Такие речи он нередко вел у себя дома и при этом прибавлял, что американцам еще придется расплачиваться за свое отношение к индейцам и неграм. Одних они лишили родины и гонят с места на место, других и за людей не считают.

Слова у Оуэна Брауна не расходились с делом.

Когда у соседа-индейца Джонатана Две Луны заболел ребенок, Оуэн Браун дал ему молока от своей единственной коровы, а жена его лечила ребенка. За это благодарный индеец помог Оуэну срубить деревья для хижины. Потом заболела корова Браунов, и другой индеец, по прозвищу Красный Буйвол, вылечил ее.

Индейцы были великолепными охотниками, рыболовами и земледельцами. Они знали свойства местной трав и умело ухаживали за скотом. У них был свой способ разведения маиса и табака, дающий богатый урожай. Индейские женщины выделывали из оленьей кожи превосходные куртки и штаны, шили обувь — словом, с такими соседями было приятно и полезно дружить.

Маленький Джон быстро свел дружбу с индейцами. Он рос замкнутым, молчаливым ребенком. Редко смеялся, редко играл с белыми мальчиками. Зато в хижине Джонатана Две Луны он был частым гостем и свободно объяснялся на скупом гортанном языке индейцев.

Индейские мальчики дарили Джону разноцветные каменные шарики, а однажды подарили ему живую белку. Белка сделалась совсем ручной, спала у него за пазухой и царапала ему грудь острыми коготками. Джон понес ее в лес — «понюхать сосны», и тут вдруг белка убежала. Она взобралась на дерево, скрылась в густой листве и, как ни звал ее Джон, как ни манил, больше не показалась.

Это было первое горе в его жизни. Дома Джон сказал матери, что белка его предала и что отныне он знает, что в жизни его ждет несчастье.

Мать была суеверна и приняла предсказание вполне серьезно: ее мальчик был так не похож на остальных детей! Те были откровенными деревенскими сорванцами, и мать шлепала их за разорванные в драке

штаны, а этот всегда держался особняком и в семь лет говорил вещи, от которых взрослым становилось не по себе. Он был смугл, не по летам высок и мускулист. Индейцы научили его управлять легкой пирогой и ловить рыбу на сырое мясо. Он знал, как ставить силки на птиц и капканы на мелких животных. Он умел на всем скаку накидывать лассо на бегущую лошадь. И одевался он, как индейцы: мягкие мокасины, штаны из оленьей кожи и козья куртка. Старая сквау Джонатана вышила ему на штанах красной и синей шерстью красивый узор.

— Теперь ты совсем наш, мальчик из Коннектикута, — сказал ему Джонатан Две Луны.

Этот старый индеец еще помнил битвы у форта Дюнен, он мог бы кое-что рассказать о скальпах, снятых им в молодости с врагов — «бледнолицых», о водке, которой, в обмен на землю, поили индейцев пришедшие завоеватели. Но Две Луны только хмурился, когда «мальчик из Коннектикута» пытался его расспрашивать: раны были еще слишком свежи, они еще не успели затянуться. Теперь Джонатан был по виду таким же скотоводом и земледельцем, как и его соседи, но его сквау продолжала бережно хранить в углу хижины старый карабин и обрывок материи с вышитыми знаками войны.

Слухи почти не обманули Оуэна Брауна: в Огайо действительно была земля, но каждую пядь ее приходилось отвоевывать у леса. Лес был всюду, он стоял сплошной зеленой стеной, в нем водились медведи, и волки, и олени, и барсуки. Каждый фермер был в то же время и охотником, и когда люди возвращались с охоты, то всю принесенную добычу ели сообща, как в тех индейских племенах, что жили поблизости. Надо было очистить место для хижины, и у маленького Джона Брауна надолго остались в памяти голоса людей, валивших лес, огромные костры, на которых смолили деревья, жгли ветки и пни. Оуэн построил низкий бревенчатый дом с чердаком, где помещались дети, и большие сараи для скота и хранения зерна. В доме была комната, где спали отец и мать и где вся семья собиралась за трапезой. Стены из балок, обмазанных глиной, проконопаченные мохом, чтобы не продувало жестким зимним ветром, широкий камин из глыб песчаника. Грубо сколоченные столы и стулья, нары для спанья — вот и вся обстановка. Зимой стены для защиты от холода завешивались одеялами и оленьими шкурами. Внизу за оленьей занавеской спала Энн. Наверху, вместе с Джоном, спали Сэмюэль и Леви, — сын умершей подруги Рут, которого она приютила, — хрупкий, болезненный мальчик года на четыре старше Джона: в свои одиннадцать лет он был не выше семилетнего Джона.

5. ДЕТСТВО

Джона природа тоже растила в борьбе, не щадила его, помогала становиться крепче, выносливее, смелее. Семилетнему сыну отец поручал уже настоящие «взрослые» дела: зажигать костры в поле для защиты посева от мороза, сторожить стадо, готовить топливо для дома.

Несколько лет подряд были хорошие урожаи, и дом Браунов начал «поправляться», как говорил Оуэн. Скоро у Браунов было несколько коров, много овец и коз. Мать еле справлялась с домашней птицей и огородом. По совету индейцев, отец начал дубить кожи. Это оказалось выгодным, и он подумывал уже о том, чтобы отдать Джона в школу. Мальчик сам выучился читать по этикеткам в лавке Бернса. Бернс продавал поселенцам сало, соль, сахар, муку; по надписям на этих товарах Джон научился различать буквы. Мать заставляла его читать Ветхий завет, но мальчик предпочитал пасти скот.

С утра до вечера он в полях. Коровы лениво пережевывают жвачку, овцы жмутся друг к другу, как будто им холодно, хотя с неба расплавленным потоком льется зной. Джон мчится на неоседланной лошади по зеленой долине. Горячий ветер свистит у него в ушах, он кричит что-то дикое, восторженное и босыми пятками бьет бока вспотевшего коня.

И вдруг однажды этот мальчишеский мир, полный труда и постоянного общения с природой, померк, перестал существовать. Это случилось зимой, в декабрьский вечер, когда уже начинал темнеть. Джон только что задал коровам и быкам корм, запер хлев и пошел было к дому, как из дверей, навстречу ему, выбежал отец без шапки и куртки:

— Скорее, Джон, скорее, она умирает!.. Скачи к Тюллигер, Джон, скажи, что роды начались раньше времени... Скачи, Джон, твоя мать умирает...

Джон не помнил, как добрался в бешеной скачке до соседей, как привез с собой Бесс Тюллигер, принимавшую роды у всех женщин-переселенок. Дрожа, лежал он на чердаке, прислушиваясь к тому страшному, что происходило внизу. Шептались, суетились отец и Бесс. Вот какой-то стон, вот, кажется, слабый, еле различимый голос матери. Она говорит? Сказала она что-то или это стучит кровь в ушах? За стеной дома гудела, ходуном ходила бурная декабрьская ночь.

И вдруг звериный отчаянный вопль хлестнул по дому — это бедная безумная Энн почувала смерть матери.

Рут зарыли на пологом холме, в земле Огайо, в той обетованной земле, к которой так стремился Оуэн — ее муж. Соседи с удивлением и страхом смотрели на этого могучего, отважного человека, который бродил теперь по целым дням без дела, по целым дням бесцельно пропадавал в лесу или сидел на склоне холма, у свежей могилы Рут. Он почти не замечал притихших детей, а если они попадались ему на дороге, смотрел на них с нескрываемой враждебностью. Они как будто стояли между ним и Рут, он их теперь ненавидел. А земля между тем требовала хозяйского глаза, хозяйской руки, в кленах уже начинал бродить сок, надо было готовить семена, пахать, сеять, приближалась пора самых горячих работ. Но Оуэн проходил, не глядя, мимо мотыг, и лопат, и топоров, и всех своих любимых орудий труда. Не интересовал его и скот, он словно оглох и ослеп, стал бесчувственным ко всему, кроме своей печали.

И тогда за дело взялся его старший девятилетний сын Джон. Это Джон приготовил семена для посева, это он вспахал и засеял землю, это он теперь сидел за столом на месте отца и прерывающимся, совсем еще детским голосом читал молитву, благословляющую их скудную пищу. Часто это бывало только молоко и немного сухого хлеба, но приходилось довольствоваться и этим. А по воскресеньям, умывшись сам и умыв детей, Джон читал им библию, как это делала мать. Он многого не понимал в этой черной большой книге, он коверкал слова, но упорно не давал книгу Леви. Тот, правда, мог бы прочитать лучше, ведь он был старше и больше понимал, но книга эта была связана с памятью матери, и, читая ее, Джон как бы ближе соприкасался с умершей, как бы выполнял ее несказанную волю. К тому же слова библии звучали так торжественно!

Приезжая к Браунам, Бесс Тюлпгер удивлялась мужеству и выдержке Джона. А мальчик рос, созревал, и крепнул его характер, характер того, кому суждено было стать борцом и вести за собою других.

— Ты непременно должен жениться, — сказала Бесс Оуэну. — У тебя дети, а ты забыл о них. Ты должен дать им мать.

Оуэн вспылил, но Бесс не отступила. Она повторяла и повторяла, что Оуэн должен позаботиться о детях, что в доме должна быть женщина. И в следующую зиму Оуэн Браун привел в дом крупную, жизнерадостную Сэлли Бул, вдову такого же фермера-переселенца, каким был он сам.

— Это ваша новая мать, — сказал Оуэн детям.

Сэлли Бул-Браун хотела непременно подружиться со старшим своим пасынком. Она видела перед собой угрюмого, нахохленного, упорно глядящего в землю крепыша-подростка, ей хотелось поднять его голову, заглянуть в глаза. Она пыталась взять его нехитрой лестью. Сказала, что,

по слухам, он уже настоящий работник, что ничем не уступает взрослым, что она знает, как благодаря именно его усилиям был собран урожай и сохранился прежний уклад дома. Но Джон не поддавался. Он не желал видеть на месте умершей матери никакую другую женщину. Он уже ненавидел Сэлли Браун. Теперь, с водворением этой женщины, он стал пропадать по целым дням в лесу и в поле, нарочно старался работать подольше, только бы не видеть, как в доме хозяйничает мачеха. Он становился все выше, все мускулистее, и вместе с тем росла его молчаливость, его замкнутость.

А Сэлли преобразила дом, наполнила его блестящей посудой, какими-то чисто женскими мелочами. Она вымыла стены хижины, и они вдруг посветлели. Она повесила занавески на окна, и хижина стала нарядной и веселой. Теперь в ней часто пахло вкусными яблочными пирогами, жареной говядиной, и маленький Сэмюэль, стосковавшийся по женской ласке и домашнему уюту, скоро совсем предался своей новой матери и отошел от брата. Даже больше: угрюмость Джона начала пугать его, он неохотно подходил, неохотно отвечал на вопросы Джона. И Леви — старший из мальчиков — хоть и не брат, тоже признал эту чужую женщину, потому что она заботилась о нем, взяла ему теплые шарфы и энергично принялась лечить его слабую грудь медвежьим растопленным жиром. Джон сам видел, как улыбается ей Леви, как спешит он ей помочь, когда она несет что-нибудь тяжелое. Джон видел все это и не мог простить мальчишкам «предательства», как он называл это про себя. Только одна Энн его радовала: она ничем не отвечала на ласки мачехи, по-прежнему молчала по целым дням и таилась у себя в нише, за оленьей занавеской, как какой-нибудь дикий зверек. Джон злорадствовал, видя, как сопротивляется Энн всяким попыткам Сэлли приблизиться к ней, завоевать ее расположение. Он забывал, что и к родной матери бедная умалишенная относилась с такой же недоверчивостью.

Теперь Джон чаще бывал на могиле матери: мысленно он как бы давал ей клятву ничего не принимать от мачехи, не изменять памяти умершей.

Но и его победила Сэлли Бул-Браун.

Это случилось, когда Оуэна Брауна ужалила змея. В лесу было много гадюк, и летом их укус считался смертельным. Джон был дома, когда в дверь протиснулся без кровинки в лице отец, крикнул, что его укусила гадюка, и опустился на корточки. Мачеха, нахмурилась, молча сунула в огонь кочергу. Джон, собрав всю свою выдержку, помог отцу обрезать раскаленным ножом часть мяса вокруг ранки, сделанной ядовитым змеиным зубом. Мачеха все держала на огне кочергу, пока железо не стало

красным. Потом она деловито уложила Оуэна, велела Джону держать наготове сало и чистую тряпку и нагнулась над мужем.

— Ты не сможешь, Сэлли, — попробовал возразить Оуэн. — Я должен сам.

Она, бледная, но все такая же спокойная, решительно отвела его руки и приложила раскаленное железо к ране. Оуэн выгнулся всем своим огромным телом, но даже не застонал. Сэлли с трудом оторвала железо от дымящегося мяса, смазала рану салом, перевязала. Джон, которого била дрожь, следил за ее ловкими сильными руками, за ее склоненным над отцом крупным и свежим лицом. Невольно он подумал, что мать растерялась бы, не смогла бы сделать того, что сделала мачеха. И с этого дня Сэлли завоевала его уважение.

6. ВОЙНА

Однажды жители долины заметили, что их соседи-индейцы чем-то сильно взволнованы. Когда Джон зашел в хижину Джонатана, Две Луны сидел у стола, мурлыча какую-то песню, и чистил свой старый карабин.

— Что случилось? — спросил его мальчик.

— Мои братья поднялись по ту сторону границы, — ответил Джонатан.

Это означало, что американцы снова обманули индейцев, посулив им новый договор о свободе племен и неприкосновенности границ, но не выполнили этих обещаний. Теперь война, видимо, завязывалась не на шутку. Все взрослые индейцы ушли из селения, и Две Луны сказал Джону, что их ведет сам «Пророк».

«Пророком» индейцы племени шауни называли одного из братьев Текумсе. Вождь племени Текумсе хотел образовать великий индейский союз из воинов всех племен. По его замыслу, воины должны были созвать индейский конгресс, который распорядился бы всеми индейскими землями. Текумсе начал переговоры об этом с губернатором Индианы Гаррисоном. Однако Гаррисон поступил с индейцами так же, как всегда поступали с ними все «бледнолицые братья».

Когда Текумсе явился для переговоров в Винсенн, резиденцию губернатора, Гаррисон приказал заманить индейцев в помещение и арестовать всю делегацию. Текумсе, почуяв недоброе, предложил вести совещание на открытом воздухе, в саду. Индейцы и американские офицеры уселись на траве. Статный, мускулистый и великолепный в своем расшитом плаще и перьях, Текумсе изложил требования племен. Но тут из-за деревьев выросли солдаты и окружили безоружных индейцев. Губернатор сам руководил избиением «дикарей».

Текумсе удалось ускользнуть, и предательство Гаррисона подняло против американских поселений все северо-западные индейские племена. Решительное сражение произошло на берегах реки Типпекану в ноябре 1811 года.

Больше тысячи индейцев сражалось с восемьюстами хорошо вооруженных и обученных солдат, которыми командовал Гаррисон. «Пророк» сам вел своих соплеменников в бой. Он громко пел воинственные песни, и индейцы верили, что он заговаривает их от пуль. Они дрались как одержимые. Долгое время исход сражения был гадателям.

Победили белые, и Гаррисон разгромил и сжег дотла селение «Пророка». Индейцы обратились за помощью к Англии. Англия была в это время занята войной с Францией, и США, воспользовавшись удобным моментом, объявили ей войну.

Началась кампания 1812 года, неудачная для Америки и приведшая даже к взятию и сожжению столицы Союза — Вашингтона.

Война эта не была вовсе «войной из-за рыбных ловель», как писали потом в американских учебниках, а продолжением борьбы США за независимость и освобождение из-под английской опеки. Кроме того, США стремились захватить Канаду, принадлежавшую Англии.

Отец Оуэна Брауна — дед Джона — был бойцом девятого отряда коннектикутских добровольцев и умер, сражаясь с англичанами. Память об этом хранилась в семье, и когда мимо дома Браунов начали двигаться отряды оборванной милиции, среди которой, рядом с молодежью, шагали старики, Оуэн Браун сказал:

— Надо помочь своим. Многие наши уже ушли, пойду и я. Говорят, на севере, у наших, мало продовольствия. Мы со здешними ребятами решили подогнать им туда скот. Конечно, если будет нужно, придется и подраться.

Он взял свою винтовку, сказал, что хлеба хватит семье на всю зиму, что он надеется на Джона, поцеловал жену и ушел.

И началась страшная, с невиданными морозами зима. На долю Джона приходилась самая тяжелая работа: Леви был слаб, ни к чему не приспособлен, он все сильнее кашлял, все чаще сидел у камина с книгой. Подрос и окреп Сэмюэль, вместе с Джоном он рубил и валил деревья, но и он часто уставал и, кроме того, ленился и отлынивал от работы. Мачеха управлялась с хозяйством дома, и, когда иззябший, промерзший до костей Джон возвращался, она освобождала ему лучшее место у огня и давала еду, как настоящему хозяину в доме. Она тоже уважала этого мальчика, но про себя жалела, что он никогда не видел детства и не знал детских радостей.

Вьюги заметали дороги и тропинки к дому. Становилось все труднее добывать топливо. С каждым днем все беспокойней делалась Энн, все сильнее кашлял Леви. Скучными стали трапезы. Сэлли старалась изо всех сил, чтобы поддержать жизнь семьи, но видела, что девушка, порученная ей, тает. Энн умерла в середине зимы, и они с трудом выкопали ей могилу на холме, рядом с матерью.

Потом началась эпидемия лихорадки. Заболевали взрослые и дети, и много соседей умерло. Сэлли настороженно следила за детьми: она не сумела сберечь Энн до прихода Оуэна, сумеет ли она сохранить остальных?

И Джон видел, что она с тревогой провожает глазами его и Сэмюэля каждый раз, как они уходят из дому.

И вдруг заболела сама Сэлли. Она лежала в жару. Дети видели, что она борется со смертью. В бреду ее мучили несделанные домашние дела, и она беспрерывно двигала руками, будто что-то прибирала или стряпала. Несколько дней казалось, что Сэлли умирает, но ее сильный организм победил. К тому же в ней была такая неистребимая воля к жизни!

И вот она встала, но была слаба, как первая травка. Теперь Сэлли во всем зависела от Джона, от его заботы, распорядительности, внимания. Он был единственным кормильцем в доме, к нему обращалась она со всеми просьбами. И эта ее зависимость от мальчика сразу породила между ними какие-то новые отношения. Он приносил ей молоко и свежие яйца, она штопала его носки и чинила оленью куртку, и он принимал ее заботы очень серьезно и спокойно. Не было и помина прежней враждебности, Джон чувствовал к мачехе даже какую-то теплоту и привязанность.

Осенью вернулся отец. Он был сильно ранен в голову и хромал. Война еще не кончилась, но Оуэну Брауну не хотелось больше бороться за то, во что он не верил. Поэтому, когда истек срок его службы, он попросился домой. Он нашел дом в порядке, урожай был убран, Сэлли здорова. Джон с гордостью докладывал ему о домашних делах, и отец с удовольствием увидел возникшую между его женой и сыном дружбу.

— Ты теперь стал совсем взрослый, — сказал он Джону. — Я вижу, ты можешь во всем заменить меня. Ребята решили отправить еще скота нашим солдатам. Теперь я останусь дома, а ты пойдешь вместо меня.

Так Джон Браун отправился на войну.

7. КЛЯТВА АННИБАЛА

Как все мальчики его возраста, Джон Браун мечтал воевать. Отец послал его гуртовщиком с полком, отправившимся к месту военных действий. Это поручение сразу ставило Джона в непосредственную близость к войне. Правда, его стадо находилось в самом конце обоза, но все же и здесь пахло порохом, и он мог сколько угодно болтать с солдатами.

Конский навоз, солдатская ругань, застревающие в грязи пушки, вытоптанное поле, опустошенные фермы — о, какой страшной и будничной стороной повернулась к Джону война!

Такая война не вызывала в нем ничего, кроме отвращения. На его глазах расстреляли нескольких безоружных индейцев. На тряских телегах провозили раненых. Среди солдат свирепствовала тифозная горячка. Дух их слабо поддерживался порциями виски и только что сочиненным гимном о знамени, усеянном звездами. Толковали, что английские корабли захватили весь американский флот.

На границе, у Ниагары, происходили кровавые бои. Англия отправила в Канаду несколько лучших отрядов Веллингтона. Американские солдаты ругали правительство и разбегались по домам.

«Мальчик из Коннектикута» гнал свое стадо и внимательно слушал, о чем говорили окружающие.

Как-то раз проезжий капитан на почтовой станции подарил ему книжку. Это была первая книжка в его жизни, не считая Ветхого завета. Он прочел ее залпом на бивуаке, задыхаясь от волнения, негодуя на солдат, которые орали у него над ухом, требуя от кашеваров обычной порции овсянки. Книга рассказывала о жизни великого карфагенского полководца Аннибала. Отец взял девятилетнего Аннибала на войну. Отправляясь в поход, он заставил мальчика дать перед алтарем клятву, что всю свою жизнь он, Аннибал, будет непримиримым врагом Рима. С тех пор жизнь Аннибала была посвящена выполнению этой клятвы. Он учился бегать, стрелять, управлять колесницей — все с единственной целью сделать себя пригодным для войны с римлянами.

Когда Джон кончил читать книгу, его захватил такой мощный поток новых чувств и мыслей, что в этом потоке навсегда потонул прежний маленький фермер, любивший белок и коров. Кипучий мир, мир героических подвигов, открылся перед ним.

Как вспышка молнии, появилась перед Джоном на мгновение

великолепная и далекая жизнь древних героев. Но Аннибал был таким же мальчиком, как и он, Джон, даже моложе Джона. Клятва Аннибала не давала ему покоя. Сейчас тоже шла война, и американский мальчик мог бы поклясться в непримиримой ненависти к англичанам. Но, к удивлению Джона, Англия не вызвала в нем враждебных чувств, а пленные солдаты-англичане, которых он видел, скорее даже нравились ему: у них был забавный говор, и они ловко свистели на самодельных свистульках.

Джон Браун завернул книжку в старый шейный платок, спрятал ее за пазуху и занял свое место в обозе рядом с фуражирами и коровами. Спутники не заметили в нем перемены. Он был одет в те же олени штаны и высокие сапоги с отворотами, у него были такие же неподвижные и внимательные глаза под широкими бровями, и он так же, как всегда, молчал и слушал, что говорится кругом. Но они не подозревали, что «мальчик из Коннектикута» исчез навсегда и что теперь с ними едет на неказистой лошаденке сам юный Аннибал!

Американский эскадрон продвигался все дальше на юг. Теперь на пути у него было мало ферм и мелких крестьянских хозяйств. По обеим сторонам дороги тянулись обширные табачные и маисовые поля. Сотни негров работали на полях. Табак, маис, негры — все это принадлежало богатым плантаторам. Иногда эскадрон останавливался на ночлег вблизи плантаторского дома, и тогда неизменно прибегали посыльные-негры покорнейше просить джентльменов пожаловать к хозяину. Разумеется, приглашение относилось только к офицерам. Но однажды посланные явились за Джоном. Плантатор хотел спросить у гуртовщика что-то о коровах, выписываемых из Огайо.

Мальчик с любопытством переступил порог помещичьего дома, построенного в староанглийском вкусе, с большим холлом и открытой площадкой, где висели гамаки. Джентльмены были навеселе. В густом табачном тумане плавали красные физиономии полковника и двух младших лейтенантов. Мундиры были расстегнуты, сабли составлены в угол. Негры-слуги подавали лимоны, сахар, виски.

В кресле, положив на стол огромные ноги в желтых сапогах, полулежал хозяин.

— Вам следует выпить, молодой мастер, — сказал он Джону, — война требует жертв.

Мальчик отказался, и хозяин недовольно сморщил нос.

— Помяните мое слово, этот парень будет методистским проповедником.

Джон потихоньку дотронулся до книги, лежавшей у него в кармане.

Аннибал был всегда с ним. Офицеры смеялись, глядя на его решительный вид и сжатые губы.

Тут произошло нечто такое, что навсегда решило судьбу Джона Брауна. На первый взгляд незначительный эпизод. Маленький негр-слуга оступился и пролил зеленый ликер на новый жилет полковника.

Негр был приблизительно одних лет с Джоном. Его не бранили, на него даже не закричали: это считалось неприличным. Хозяин просто взял хлыст с железным наконечником и несколько раз ударил негра по голове. В комнате было совсем тихо. Офицеры рассеянно глядели по сторонам, полковник оттирал салфеткой пятно на жилете. Свист хлыста, впивающегося в человеческое тело, мычащий от боли мальчик — это было все.

Хозяин просто взял хлыст с железным наконечником и несколько раз ударил негра по голове.

Джон с силой вырвал у хозяина хлыст. Плантатор и «мальчик из Коннектикута» смерили друг друга взглядами. Оба тяжело дышали. Потом старший отвел глаза:

— Я же говорил: мальчишка хочет быть проповедником, — сказал он с принужденным смехом.

В тот же вечер, стоя на опушке леса под шумящим кленом, Джон поклялся быть непримиримым врагом рабовладельцев и посвятить всю свою жизнь борьбе против рабства.

Луна, одиночество, шелест трав настраивали романтически воображение мальчика. Он хотел бы разрезать себе руку, чтобы кровью скрепить свою клятву, но вспомнил, что взрослые клянутся на библии. Тогда, положив правую руку на книгу «Жизнь Аннибала», он громко произнес свой обет.

В августе 1814 года пять тысяч англичан под командой генерала Росса высадились в устье реки Потомак. Они обратили в бегство корпус американской милиции и вошли в Вашингтон. Столица Соединенных Штатов, существовавшая всего каких-нибудь четырнадцать лет, запылала. Англичане подожгли Белый дом, Капитолий — славу и гордость молодой республики. На море американцы потеряли два лучших фрегата и, в свою очередь, захватили несколько английских военных судов.

Через три месяца был заключен мир. По этому миру обе стороны возвращали друг другу все завоеванное. Причины, которыми была вызвана война, обходили молчанием. С индейскими племенами на северо-западе был также заключен договор. Индейцы отказывались от двух третей своих земель и обязывались поселиться в резервации, то есть на специально отведенной для них территории.

В резервациях были установлены специальные законы для индейцев. Все индейцы были обязаны сдать имеющееся у них оружие, их обложили тяжелыми податями и пресекли всякие их попытки на самоуправление. Резервации наводнили ловкие и пронырливые миссионеры, которые с помощью «огненной воды», то есть водки, успешно обращали «дикарей» в «истинную» веру.

8. ДАЙАНТ

Война была окончена.

Солдаты возвращались домой. Возвратился домой и Джон Браун. Отец и мачеха едва узнали своего сына в этом худом, загорелом подростке, от которого пахло конским потом и дешевым табаком. Вся семья с изумлением слушала его рассказы о походе. Он говорил кратко и точно, употребляя новые, по-видимому, книжные слова. Простому фермеру из Огайо льстило, что у него такой сын. Он приглашал соседей послушать и подивиться мальчику. Джон по-новому зачесывал волосы, каждое утро он просил горячей воды для мытья и морщился, если при нем говорили непристойности: слишком много наслушался он их в эскадроне.

Ты должен стать священником, — сказал Джону отец. Это было самое лучшее, что мог придумать для сына простой дубильщик кожи. Его фантазия не простиралась дальше заведения преподобного Мозеса, где учились сыновья самых богатых в округе фермеров. Джону было все равно: все его сверстники-индейцы давно ушли из долины, он чувствовал себя одиноким и чужим в этих местах, где все после войны казалось ему каким-то ненастоящим.

В осенний день в заведении преподобного Мозеса появился новичок — высокий, слегка сутулый юноша в длинном сюртуке и белой косынке на шее.

Мозес преподавал богословие и катехизис фермерским наследникам в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. В классе сидели здоровенные парни, привыкшие копать землю и объезжать лошадей. Скрепя сердце они выслушивали заповеди блаженства, а затем мчались в салун — залить священную жажду вином. После псалмов им было просто необходимо прочистить глотку застольной песней. Но звание священника было выгодным и почетным, и они мужественно смиряли себя на занятиях.

Новичок не понравился им. Он не ходил с ними в винный погребок, не пел песен и не волочился за служанками. Вместе с тем он не был и тем, что они называли «ханжой» и «постником». Занятия, по-видимому, мало интересовали Брауна. Он сидел, пристально глядя перед собой, и если преподобный Мозес спрашивал его, Браун отвечал с некоторой запинкой, как будто ему надо было сделать усилие, чтобы вспомнить то, о чем только что говорилось.

Молодые люди искоса поглядывали на Брауна. Новичок был

чистоплотен до щеголеватости, его сапоги блестели, он чистил их куском замши, которую выделал сам в дубильне отца. Рядом с плохо вымытыми юношами в грубых фланелевых рубашках он выглядел франтом. Но когда они пробовали звать его с собой на танцульки, Браун отказывался.

— Мне больно смотреть ему в глаза, — говорил маленький Спид, первый забулдыга и весельчак, — у этого малого глаза, как сверло.

И ученики преподобного Мозеса почти не удивились, когда спустя полгода на утренней переключке выяснилось, что Джона Брауна нет и что он навсегда ушел из школы.

Дома он сказал отцу, что священное писание он изучил, но что его больше интересует дубление кож. Оуэну Брауну было жаль расстаться с мечтой об ученом сыне, кроме того, церковные проповеди приносили верный доход. Он хотел настоять на своем, но почему-то, поглядев на суровое лицо сына, ничего не сказал.

На берегу реки, неподалеку от дубильни Оуэна Брауна, была заброшенная хижина. Тут поселился Джон вместе с Леви. Обоим юношам хотелось самостоятельной жизни, обоих тяжело давил патриархальный семейный уклад. Им нравилось по утрам, прямо с постели, бежать к реке и плескаться в ледяной воде, самим стряпать себе еду, придумывая фантастические кушанья из бобов, яиц, молока и сахара. Впрочем, они содержали свою хижину в безукоризненной чистоте, и Леви, который был теперь значительно здоровей, уверял, что ни одна женщина не побрезгует поселиться в таком доме.

Маленькое кустарное дело процветало. Кожы Брауна шли в Кливленд и в Питтсбург, и Оуэн Браун начинал думать, что, не сделавшись священником, сын его поступил в общем правильно.

Позади дома в дубильных чанах мокли кожи. Джон сам пересыпал их дубовой корой и заливал водой. Он лучше всех умел очищать шкуры от шерсти и обрабатывать сырье. Теперь руки его постоянно были желтыми, платье и волосы пропитались острым запахом кожи. Но Джон не обращал на это никакого внимания, и когда Леви говорил, что девушки не станут любить его, потому что от него пахнет кожей, он только усмехался в ответ.

Ему исполнилось двадцать лет. Черты его лица окончательно определились: под большим лбом глубоко сидели светлые холодные глаза, рот был постоянно сжат. Он по-прежнему мало говорил и редко смеялся. Леви, бесхитростный парень, с некоторой робостью взирал на своего названного брата. Брат не интересовался девушками, и Леви не мог понять его.

Однажды только он увидел Джона взволнованным и разгоряченным.

Это было в ту ночь, когда беглый негр из Виргинии постучался к ним в дом. Джон сам спрятал беглеца в амбаре и всю ночь караулил возле хижины. Негр был молодой и весь трясся, уверяя, что за ним гонятся. Каждый шорох казался ему подозрительным. Когда в темноте послышался лошадиный топот, беглец чуть не умер от страха, а Джон схватил карабин и сказал Леви, что намерен биться за негра до последнего издыхания. У него горели глаза, дрожал голос, и Леви не узнал своего всегда сдержанного брата.

После оказалось, что мимо дома гнали стадо и никакой погони не было. Джон выпустил негра из амбара, запряг лошадь и сам повез беглеца к надежным людям на озеро Эри. А там уж негра переправили в безопасное место, и Джон, делаясь с Леви своей радостью, сделался вдруг красноречив и многословен.

Молодым людям пекла хлеб соседка Ласк. Она приносила теплые булки, и с ней часто приходила дочь, маленькая бледная девушка с непомерно большими глазами. У девушки был свежий, высокий голос; она охотно пела священные гимны и псалмы. По вечерам, пока мать разговаривала с Леви об урожае и ценах на хлеб, она сидела с Джоном на крыльце и пела ему. Юноша слушал чистый, звенящий звук ее голоса и смотрел на поднятое к луне бледное маленькое лицо. Любил ли он ее? Вероятно, он и сам не смог бы ответить на этот вопрос. Во всяком случае, когда он сообщил Леви, что Дайант переезжает к ним в дом, он был убежден, что женится по любви.

Маленькая девушка, сделавшись женой Брауна, не стала ни хозяйкой в доме, ни помощницей в деле. Не такая жена нужна была дубильщику или фермеру. По целым дням Дайант с безразличным видом сидела у порога. По временам она куда-то исчезала, и родные не могли найти ее. Однажды Джон увидел ее в лесу. Дайант стояла на коленях и громко молилась. Лицо ее морщилось, как у плачущего ребенка, и она кулаками била себя в грудь. Джон ужаснулся: ханжа или помешанная — это было одинаково скверно.

Он надеялся, что первый ребенок вылечит жену от ее причуд. Но появился Джон-младший — их первенец, за ним Джезон, Оуэн, Фредерик, Рут, а жена все продолжала служить молебны в лесу и петь по ночам псалмы.

Джон махнул на нее рукой: от нее было мало пользы в доме. Он сам выхаживал детей, когда они заболели, и сам укачивал их, когда им нужно было спать. В этом высоком, костистом и холодном на вид человеке хранился огромный запас нежности, и он щедро тратил ее на детей.

От детей в доме стало тесно. Джон пристроил несколько комнат, но и этого оказалось недостаточно.

К тому же уменьшился заработок Брауна. Дубление переставало быть прибыльным делом: в больших городах появились кожевенные фабрики, которые выделывали кожи быстрее и лучше маленькой кустарной дубильни. Кроме того, в городах людям, по слухам, жилось легче, они быстрее наживали деньги.

Совсем недавно был изобретен паровоз. Железнодорожная горячка охватила страну. Как в начале столетия все предприимчивые люди занимались морской торговлей, так в тридцатых годах все устремились на строительство железных дорог. Рельсы, шпалы, кирки, лопаты — все стало предметом спекуляции. Ходили слухи о баснословных барышах, получаемых железнодорожными компаниями. Слухи эти смущали покой мирных фермеров Огайо. Многие из них поместили свои сбережения в строительство дорог и надеялись получить немалую прибыль.

Мать Дайант приходила рассказывать об этом и норовила попасть в те часы, когда зять был дома. Джону становилось не по себе: вдова Ласк сверлила его маленькими злыми глазами и презрительно фыркала каждый раз, когда он заговаривал. Зять был ни к чему не способным увальнем, он не мог даже приодеть жену, а дети его вынуждены бегать босиком.

Дайант пела псалмы и, казалось, ничего не слышала из того, что говорила мать. Однако она сама предложила Джону переехать в Крофорд — селение близ Ричмонда, где у нее были родственники. Ричмонд становился большим городом, и там легче было искать заработка.

Весной 1828 года семья Джона Брауна трогается в путь. Родители и дети едут на одном из первых американских поездов, описание которых нам оставил Диккенс:

«Здесь нет вагонов первого и второго класса, но зато существуют вагоны для мужчин и для женщин. А так как белые никогда не ездят с черными, то есть еще вагоны для негров — род длинных неуклюжих сундуков.

Тряски, шума и стен много, окон мало. Вагоны похожи на omnibusy: в них помещается от тридцати до пятидесяти человек. Места крест-накрест, и сидят на них по двое.

Среди вагона — печь, которую топят докрасна каменным углем, так что от жары в вагонах стоит туман. Много газет в руках, но их мало читают. Каждый говорит с кем хочет — знакомым и незнакомым. Говорят преимущественно о политике, о банках и о хлопке. Люди тихие избегают говорить о политике, так как новые выборы президента будут через три с

половиной года, а партийные страсти горячи уже и теперь.

Полотно железной дороги очень узко. Поезд останавливается среди лесов, куда так же трудно забраться, как и выбраться оттуда, пересекает шоссейные дороги, на которых нет ни застав, ни полисменов — ничего, кроме деревянной арки, на которой написано: «Когда раздастся звонок, берегись локомотива».

Ремесленники заняты своей работой, многие из жителей высовываются из окон и дверей, мальчики играют в коршунов, мужчины курят, женщины болтают, дети кричат, свиньи роются в песке, испуганные лошади ржут и бросаются к самым рельсам — и вот дракон рвется вперед, разбрасывая кругом ливень искр от своего дровяного топлива, гремит, шумит, завывает и трепещет, пока, наконец, измученное жаждой чудовище не остановится, чтобы напиться, народ столпится вокруг, и вы опять свободно дышите».

Крофорд встретил новых поселенцев не слишком приветливо. Родственники Дайант и сами перебивались случайными заработками. Джону Брауну с трудом удалось получить место почтмейстера. Семья поселилась в большом холодном доме. Младшие дети часто болели. После цветущей долины Огайо природа здесь выглядела жалкой и недоразвитой: низкорослые дубы, чахлые смоковницы, выступающие из земли белые уступы скал, похожие на оскаленные зубы. Джону не нравились новые места. Но здесь жили негры, и это обстоятельство сразу поглотило все его внимание, заставило позабыть о неудобствах собственного быта.

9. ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ

Священник сделал Брауну отеческое внушение: все прихожане возмущены, его поступки непонятны и непростительны. В прошлое воскресенье во время богослужения он привел в церковь целую кучу негров, между тем как неграм полагается оставаться на паперти. Пусть он не говорит, что в этот день была лютая стужа, — в конце концов церковь существует не для цветных... Кроме того, ходит слух, что он собирается организовать для черных школу. Священник предупреждает мистера Брауна: это может плохо кончиться. Жители Крофорда не потерпят, чтобы оскорбляли их чувства.

Браун вышел от священника, упрямо закусив губу. Его отчитали, как мальчишку! Нет, он не даст запугать себя, пусть хоть весь город, весь штат подыметесь против него!

После того воскресенья, когда Браун привел в церковь нескольких полузамерзших негров погреться, Крофорд превратился для него в осиное гнездо. С почтмейстером не здоровались, в почтовую контору не собирались, как обычно, потолковать о местных новостях. Когда Дайант приходила в лавку — ее считали жертвой мужа, на нее смотрели с жалостью. Матери крикливо сзывали детей, если они начинали играть с детьми Брауна. Эти Брауны могут внушить детям какие-нибудь опасные мысли. Подальше, подальше от этого дома! Говорят, там у них с неграми здороваются за руку и сажают с собой за стол! Говорят, что почтмейстер по вечерам читает неграм газету. Говорят, он заставил жену учить грамоте целый десяток черномазых! Бедная миссис Браун, такая набожная и кроткая.

В действительности все было еще хуже, чем предполагали жители Крофорда.

Браун взял в дом двух маленьких негров на воспитание. Он хотел бы открыть большую школу для взрослых черных, но на школу не было денег, а просить у местных богатеев было бесполезно. К тому же закон запрещал обучать грамоте невольников.

Когда он думал об этом, вся кровь в нем закипала. Он приучал себя сдерживаться, но каждый раз срывался: то отказывался пожать руку заведомому работорговцу, то дерзко отвечал богатому плантатору, то на людях говорил что-нибудь желчное и едкое об этой трижды проклятой системе рабства.

В Америке существовало уже два миллиона негров-невольников, и с каждым днем это число увеличивалось.

Виргиния, Каролина, Джорджия с жадностью расхватывали живой товар. Это было «черное золото» штатов; без рабов плантации были бы обречены на гибель.

Научные деятели разрабатывали вопрос о наилучшем использовании силы раба. Было установлено, что работа негра приносит выгоду только в течение десяти лет, поэтому от невольников, перешедших за определенный возраст, спешили избавиться. Больных и старых негров попросту выгоняли или сбывали за бесценок с плантаций, из здоровых торопились выжать все силы. Положение негров ужасало путешественников по Америке.

«Цветные рабочие плантаций, — пишет Вильям Диксон, — в глазах своих владельцев, особенно владелиц, не были людьми, это был не более как рабочий скот, имевший только те права, какие принадлежат лошадям и коровам, — право получать скудное пропитание и помещение за работу. Во многих из этих штатов цветные не смели учиться читать и писать, не могли вступать в брак и быть верными мужем и женой; они не имели власти над собственными детьми и не могли приобретать в собственность ни коров, ни свиней, вообще никаких животных; им не позволялось ни покупать, ни продавать, ни нанимать за себя на работу других, ни носить фамилию. Употребляя выражение главного судьи Тэни, можно сказать, что негры не имеют таких прав, которые белые были бы обязаны уважать; другими словами, они не имеют вовсе никаких прав».

Каждый день почтмейстер из Крофорда читал в газетах объявления о беглых неграх: «Сбежал негр. Имя — Самбо. Рост 6 ф. 15 д., на правой щеке — свежевыжженная буква «У». Доставить за вознаграждение на плантацию Уильсона».

Север охотно торговал рабами, но отказывался от рабовладения: на фабриках и в мелких землевладениях держать негров было невыгодно. Но как не воспользоваться таким удобным случаем?! Как не порисоваться милосердием и свободомыслием! Север цитировал евангелие и библию, и выходило, что христианское учение строго осуждает рабство. И северные штаты, один за другим, отменяли рабовладение.

Но Юг не рисковал говорить возвышенные слова: христианские тексты обошлись бы слишком дорого плантаторам. Здесь старались отыскать в евангелии и библии такие цитаты, которые оправдывали бы рабство. Искали — и находили. В руках помещиков-южан была власть и деньги. Они покупали проповедников и журналистов, которые доказывали, что рабовладение необходимо для цивилизации и прогресса. Они подкупали

полицию и судебных чиновников, которые оправдывали их в случае убийства негра. С ними заодно была церковь, обучавшая негров христианскому смирению, с ними были купцы, контрабандисты, работоторговцы. Это была грозная, а главное, всеми признанная и узаконенная сила.

В Крофорде существовал мост, принадлежавший старой вздорной леди. На мосту красовалось объявление: «За быструю езду — штраф: белые — пять долларов, черные — пятнадцать ударов палкой». Объявление принималось всеми как нечто вполне законное.

В Крофорде же существовал «калабуз» — длинное темное здание, куда хозяева отправляли сечь провинившихся невольников. Мимо окон почтмейстера часто проносили носилки с наказанными жертвами. Браун не отводил от них глаз, как это делали лицемеры, наоборот, он жадно смотрел на засеченных негров: он питал свою растущую ненависть.

Интересы семьи постепенно отодвинулись на второй план. Дайант молилась и жаловалась, что он заставляет ее прислуживать неграм. День и ночь она ныла о корове, о доме, о цыплятах. Она сделалась болтливой, постоянно о чем-то беспокоилась и говорила, что брошена на произвол судьбы.

Одни дети радовали Брауна. Они охотно возились с негритянскими ребятами, а Джон-младший взялся учить грамоте двух взрослых негров. Пустяк? Но этот пустяк мог вырасти в большое дело.

Джон Браун-старший писал отцу в Огайо, что просвещенные негры взорвут на воздух всю систему рабства. Вечером к дому почтмейстера прокрадывались черные тени. Салли и Сэмбо, сложив на коленях узловатые, похожие на сучья сухого дерева руки, с благоговением слушали этого большого, сурового с виду человека. Впервые белый говорил с ними, как равный с равными, горячим и живым языком. Он писал для них письма их близким, проданным «вниз по реке». Негры часто пели протяжно и уныло:

Белому все дано,
Черному — горе одно.
Белый — хозяин земли и неба,
Черный мечтает о корке хлеба.
Белый родился и стал господином,
Черный родился и гнет свою спину.
Белому все дано,
Черному — горе одно...

В феврале 1831 года произошло солнечное затмение. На минуту стало совершенно темно, пронесся холодный и пыльный вихрь, согнувший деревья, скот заблеял и замычал в хлевах, домашняя птица, будто ослепнув, заметалась по углам. Закрывались чашечки цветов, и днем простым глазом можно было увидеть на небе звезды.

Суеверные негры были охвачены каким-то мистическим восторгом. Браун пытался объяснить им причины затмения, но они твердили ему о знамении с неба, о знаке, о небесном голосе, который объявил им, что «последние будут первыми». Шли смутные слухи о каком-то негре, ораторе и проповеднике, который призывал негров взяться за оружие. Спустя несколько месяцев Америка узнала о восстании, поднятом в Виргинии невольником Натом Тернером.

Нат принадлежал виргинскому плантатору. Тайком, самоучкой выучился он грамоте. Природное красноречие сделало его оратором. Он заговорил об освобождении негритянского народа и о том, что негры должны силой добыть себе свободу. Негры стекались со всех плантаций, чтобы послушать нового проповедника. Нат сказал неграм, что они получают знак, когда выступить. Затмение было принято за сигнал и подняло невольников в округе. Восстание черных неизбежно должно было сопровождаться резней белых. Тернер и семеро его ближайших товарищей убили своего хозяина и всю его семью. К отряду Тернера присоединились еще пятьдесят три негра. Нат захватил большую плантацию и некоторое время удерживал ее за собой. Было вырезано около шестидесяти белых. Весь Юг поднялся на ноги. Против Тернера и его сторонников были посланы правительственные войска. Более ста негров было убито. Тернеру удалось бежать, но вскоре его схватили и приговорили к смерти. Шестнадцать человек, включая Ната, были повешены, остальные подвергнуты различным суровым карам.

Восстание Тернера было не первой попыткой негров силой сбросить с себя цепи. От старых времен сохранилась память о восстании 1740 года, когда погибло много белых и еще больше черных. Помнили также о восстании рабов под предводительством негра Габриэля на острове Гаити. В 1822 году свободный негр Денмарк Вези поднял восстание в Чарлстоне. К нему присоединилось всего несколько негров, но следствие обнаружило большой заговор. Вези и еще тридцать четыре негра были казнены.

После выступления Тернера по всему Югу прокатилась волна террора. Законы о невольниках были возобновлены во всей строгости. Теперь негр

мог появляться после захода солнца на улице только с пропуском, подписанным хозяином. Из «калабуза» то и дело выносили носилки с окровавленными телами черных. Пропаганда среди негров каралась смертной казнью, а пропагандой считалось даже чтение газет. Теперь по вечерам черные тени уже не скользили к дому почтмейстера. Негры не хотели подводить своего белого друга, к тому же дом Брауна был нужен им для другого.

Открытая борьба сделалась на время невозможной. Тогда негры начали иным способом избавляться от рабства: они бежали. Бегство в свободные штаты и в Канаду стало массовым. Дом Брауна в Крофорде сделался пристанищем для беглецов.

Как некогда в Огайо, Джон готов был защищать каждого беглого своей собственной жизнью. Он давал приют неграм, и дети его пекли для них пшеничные лепешки. Потом, обогрев и накормив измученных и напуганных гостей, он провожал их до безопасной дороги. Однако жизнь в Крофорде становилась невыносимой. Сотни глаз следили за каждым движением почтмейстера. Ему не простили выходки в церкви, он был под подозрением. Кончились времена либерализма. Юг больше не желал играть с огнем.

Браун ощущал почти физически эту растущую вокруг него стену враждебности и подозрительности. Шериф как бы случайно заходил к нему и шарил глазами по углам. Инспектор полиции будто мимоходом приводил собак, которых специально дрессировали для ловли негров. Это были «дружеские визиты», от которых всем в доме становилось не по себе. Нет, из Крофорда надо убираться, это ясно.

Браун написал отцу, что намеревается вернуться в Огайо. Но тут заболела воспалением мозга Дайант. Больная пела псалмы и не узнавала окружающих. Пятеро детей, из которых старшему было одиннадцать лет, стояли у ее постели. Браун сумрачно глядел на тонкие пальцы жены, беспокойно теребящие одеяло. Через три дня он закрыл ей глаза. Еще через неделю, взяв детей, он уехал назад в Огайо.

10. СКИТАНИЯ

Последующие годы жизни Брауна наполнены судорожными и безуспешными стараниями заработать хоть немного денег, чтобы прокормить и воспитать детей. Он берется за всякое подвернувшееся дело. Кругом него — блестящие примеры быстрого обогащения. За десять лет, что он не был в родном штате, население Огайо возросло с девятисот тысяч человек до полутора миллиона. С каждым годом продолжают прибывать эмигранты из Европы. Идет бешеная спекуляция земельными участками.

Со сказочной быстротой растут города. Чикаго, который в 1832 году был простым фортом, в 1840 году представляет собой большой благоустроенный город. Все в этой молодой стране бурлит, рвется вперед, стремится завоевать первые места, лучшие позиции. Люди охвачены жаждой наживы, опьянения легкими деньгами.

Браун не может уберечься от этой волны. Она захватывает и его. Он то покупает саксонских овец и стрижет их шерсть на продажу, то нанимается пасти овец богатого скотопромышленника.

Пять голодных ртов требуют от него пищи. Пять неразумных голов требуют материнского присмотра. Пока Браун с овчарками и пастухами сторожит стадо, в доме хозяйничает шестнадцатилетняя дочь соседа-кузнеца Мэри Дэй.

Мэри — смуглая и сероглазая, с большими руками и тихим голосом. Она быстро и ловко управляет с хозяйством, и дети смотрят на нее с обожанием. При ней они всегда умыты и накормлены. Когда Джон Браун, усталый, возвращается домой, над очагом уже висит начищенный до блеска медный чайник и жареная грудинка стоит на столе. Он устал, но глаза его ищут смуглую девушку-хозяйку.

Она в сенях сбивает масло. Ее сильные руки крепко держат маслобойку. Темные пряди волос выбились из-под чепца и упали на разгоряченное лицо. Он долго смотрит на нее из-за двери. Мэри Дэй не замечает его, губы ее по-детски выпячены от усилия.

Маленькая Рут вбегает в сени, видит отца и вскрикивает. Он смущен, как пойманный школьник, — обычно он сторонится женщин. Дайант приучила его к мысли, что женщины охотнее общаются с богом, чем со своими мужьями.

Поздно вечером Джон Браун пишет Мэри Дэй письмо. Он вдов и стар, ему тридцать два года, стало быть, он ровно вдвое старше Мэри. Он был

женат, но прожил жизнь без любви. Так случилось. Он просит Мэри Дэй быть женой ему и матерью его сиротам. Если Мэри не хочет его, — пусть ничего не говорит, он сам все поймет.

Мэри Дэй долго носит письмо за корсажем. Ей страшно прочесть его, потому что она заранее знает, что в нем написано. Она любит Джона Брауна и боится его. Он не такой, как все фермеры и скотопромышленники, которых она знает. Он читает большие, непонятные книги, якшается со всеми неграми в округе; никогда не повышает голоса, и все-таки все его слушаются. Он называет себя стариком, но у него детская улыбка, и Мэри любит даже его холодные, «каменные» глаза.

Джон Браун уже решил про себя, что она отказывает ему, когда вдруг она сказала ему «да».

С этих пор его старания заработать побольше денег для семьи еще усиливаются. Пастбища, стада, овцы, шерсть — он берется за все. Но ум его абсолютно лишен коммерческой изворотливости, торгашеской сметки. В нем нет ни капли купеческой крови. Лето 1846 года застает его компаньоном Перкинса, богатого скотопромышленника и дельца. Перкинс приходит в отчаяние от прямоты и честности своего компаньона. Браун готов каждому отдать товар по себестоимости.

Но такого знатока овец не скоро отыщешь, и Перкинс скрепя сердце делает Брауна участником в прибылях.

Когда они открывают в Спрингфилде (Массачусетс) контору по сбыту и покупке шерсти, Перкинс умоляет своего компаньона предоставить ему все переговоры с клиентами. Пусть Браун ведет книги, ездит осматривать стада, а Перкинс как-нибудь сумеет договориться с покупателями. Браун легко уступает ему эту честь. В сущности, дело его мало интересует, он занимается им ради семьи. Теперь в доме прибавилось множество ртов: Мэри Дэй рожала через год. Сначала это были мальчики: Ватсон, Сэлмон, Оливер, потом пошли девочки. Когда старшие сыновья от Дайант кончали школу и уже подумывали о самостоятельной жизни, младшие дети Мэри только начинали ходить.

Но хотя в доме часто не хватало самого необходимого, Браун радовался каждому ребенку. Он сам нянчил маленьких и, несмотря на то, что их было много, знал нрав и привычки каждого из них. И дети любили отца. Он никогда не бранил их за беготню и разорванную в драке одежду; они знали, что он будет беспощадным, только если они солгут. Ложь, зависть, ябедничество в доме Брауна считались наихудшими из пороков. В этих случаях Мэри Дэй всегда поддерживала мужа.

Частые переезды приучили семью мужественно выносить бытовые

невзгоды. Приехав на новое место, Мэри с детьми тотчас же принимались за работу. Из жалкой хибарки они умели создавать уютное жилье. В них всех жило молчаливое упорство и способность применяться к обстоятельствам. Виргиния, Огайо, Массачусетс — они всюду бодро вили гнезда, и никто из них даже мысленно не упрекнул отца за эти постоянные скитания.

Где-то на бесчисленных дорогах Севера фургон Брауна повстречался с щегольской каретой. На миг из кареты мелькнуло лицо с курчавой бородкой и внимательными глазами. То был Чарльз Диккенс, почетный гость Америки, совершавший путешествие по Соединенным Штатам.

Американцы, падкие до знаменитостей, долго зазывали его к себе. Теперь этот всеми признанный и прославленный, знаменитый писатель двух материков осматривал молодую республику. Его мнением дорожили, перед ним заискивали, ему старались показать все самое лучшее, чем в те годы располагала Америка: больницы, университеты, железные дороги, убежища для слепых и престарелых. Американцы лезли из кожи, чтобы доказать знаменитому англичанину, что Новый Свет лучше, культурней и опрятней его старой родины.

Но у гостя был острый, насмешливый и пронизательный взгляд. Он проникал дальше, чем хотелось бы радушным хозяевам; позади прибранных нарядных гостиных он обнаруживал другие комнаты, «для себя»: неряшливые, запущенные, темные.

Ему показывали центр Нью-Йорка, блестящий город банков и магазинов, — он шел в боковые улицы и находил там убогие лачуги и свиней, пожирающих городские отбросы.

«Здесь много переулков почти таких же грязных, как переулки Лондона, — пишет Диккенс о Нью-Йорке. — Камни мостовой до того истерты от ходьбы, что блестят; красные кирпичи зданий сухи донельзя. Омнибусам здесь нет числа. Множество пролетов, карет, колясок и тильбюри на высоких колесах. Кучера — и белые и негры — в соломенных, черных, белых, лакированных шляпах, в драповых пальто черного, коричневого и синего цвета. Есть еще кучера в ливреях; это, должно быть, какой-нибудь южанин одевает своих черных слуг в ливреи и ездит с пышностью султана.

Хорошо содержимых газонов и лужаек здесь нет. Все предметы носят отпечаток новизны. Все строения имеют вид выстроенных и окрашенных в это самое утро. Свиньи — блюстители чистоты в городе. К вечеру они спешат целыми стадами домой».

Диккенс отдает должное деловой предприимчивости американцев, но

ему претит их неукротимое чванство, лицемерие, грубость, внезапные переходы от одной крайности к другой. На американских пароходах пассажиры поют священные гимны и развлекаются стрельбой из пистолетов, в каждом городе идет непробудное пьянство и существует несколько обществ трезвости. На улицах раздают печатные приглашения посетить богослужения бесчисленных церквей. Но главное, что возмущает Диккенса в этой новенькой с иголки стране, — это политическое лицемерие.

«Я нашел здесь много людей, говорящих о свободе, но мало действующих в ее пользу, — пишет он. — Я увидел в них мелочность, портящую всякое политическое здание, необыкновенное мошенничество при выборах, тайные стачки с полицией, трусливые нападения на противников под прикрытием какой-нибудь газеты, с подкупленным пером вместо кинжала, позорное пресмыкание перед наемными плутами, сеющими еще более раздоров и гадостей, — словом, бесчестные сделки в самом обнаженном виде выглядывали здесь из каждого угла.

У них всюду — игра для обращения политики в нечто хищное и разрушительное для самоуважения каждого человека. И таким образом идет эта низкая борьба партий...»

Великий писатель посетил сенат, и в «Американских очерках» появляется насмешливое описание сенатских «бдений»:

«На первый взгляд кажется, что лица у всех членов сената припухли, но причиной этого флюса оказывается табак, которым они набивают обе щеки. Странно также, что очень почтенный джентльмен сидит на председательском месте, положив для большего удобства ноги на письменный стол, и спокойно приготовляет себе при помощи перочинного ножа новую табачную заклепку в рот и, когда она готова, заменяет ею прежнюю. Я был удивлен при виде того, что люди, опытные в деле жеванья и плеванья, не умеют хорошо прицелиться, куда плюнуть: некоторые из джентльменов не могли попасть в плевательницу на расстоянии пяти шагов, а один так даже не попал в окно на расстоянии трех шагов».

В рабовладельческих штатах Диккенсу готовили торжественный прием. Но вид негров-невольников возбудил такое негодование в писателе, что он отказался от чествований, предложенных ему рабовладельцами.

Ничто в заокеанской республике не ускользает от взгляда Диккенса. Портреты Вашингтона на вывесках, морские виды на стенах кабаков, бесцеремонные и самоуверенные американские юноши с холеными бакенбардами, красные занавески на окнах, золоченая отделка на паровозах, праздничные шествия членов общества трезвости с зелеными

шарфами, эмблемами зеленого змия, — он все видит, все замечает.

В «Американских очерках», книге остроумной, едкой, густо пересыпанной юмором, Диккенс изобличает подлинную, а не показную Америку сороковых годов — страну безжалостную и напористую, страну-кормилицу для ловких пройдох и страну-мачеху для тех, кто, подобно Брауну, стремился честно заработать свою кукурузную похлебку.

В августе 1849 года из гавани Галифакса отправлялась к берегам Англии «Кэмбрия». Это было большое товаро-пассажирское судно с красной дымящейся трубой и красными занавесками на окнах кают-компаний. Ветер шевелил снасти, и в темноте резко выделялся силуэт рулевого с освещенной перед ним морской картой. «Кэмбрии» предстояло идти до Ливерпула восемнадцать дней. На борту судна было восемьдесят пассажиров и среди них высокий, уже седеющий человек, который значился в списке под именем мистера Джона Брауна.

Браун ехал в Англию по поручению Перкинса — узнать, нельзя ли сбывать готовую шерсть на английском рынке. Дела «фирмы» шли неважно, и Перкинс хотел, минуя посредников, завязать сношения с лондонскими купцами. Он вручил компаньону образцы шерсти. Разгуливая по палубе, Браун поминутно натыкался на ящики с назойливой жирной надписью: «А. Перкинс, Спрингфилд. Массачусетс». Надпись лезла в глаза, и Браун в глубине души ощущал нечто вроде угрызений совести. Он ехал в Европу с радостью, он нетерпеливо ждал британского берега, но не о шерсти он думал, вглядываясь в морскую даль. В Англию его тянуло желание увидеть родину Кромвеля. Он мечтал побывать во Франции и Германии. Книги, прочитанные им, влекли его посмотреть своими глазами на те места, где происходили великие события, землю, которая хранила следы Наполеона и Веллингтона.

Когда «Кэмбрия» появилась у английского берега, гавань Ливерпула была празднично расцвечена флагами всех стран мира. Но в самой Англии было невесело: народ только еще начинал оправляться после неурожайных лет. По всей Европе шло восстановление реакционных правительств, реставрация монархии и подавление всего, что хотя бы отдаленно напоминало свободную мысль.

Джон Браун пришел в уныние от лондонского тумана и от лондонцев. Английские купцы не желали даже взглянуть на образцы: американская шерсть их не интересовала. Хлопок и только хлопок котировался на лондонской бирже. Английский скот был хорош, но плохо кормлен: на фермах не хватало хлеба.

Браун сообщил Перкинсу, что едет на континент. Компаньон, если угодно, мог думать, что он ищет покупателей во Франции, Германии или Австрии. Но он быстро миновал большие города — Париж и Берлин — и направился к Ватерлоо.

Зачем понадобилось фермеру и скотоводу ехать туда, где некогда решалась судьба Европы и где слава Наполеона получила последний решительный удар? Зачем шагал он под проливным дождем в Кайю — жалкую, маленькую деревушку, где была ставка Наполеона? Что за лихорадочное возбуждение гнало его по глинистому полю к холму, откуда император-полководец наблюдал сражение?

Высоко подняв плечи под непромокаемым плащом, Браун глядел на желтый горизонт, на стога раскиданного там и сям мокрого сена.

Седеющий фермер припоминал столько раз читанные подробности. Наполеон готовился к решительному штурму, он приказал укрепить батареи перед Бель-Альянсом, вон за тем серым холмом. А за этим возвышением стоял со своей артиллерией Ней. Под Неем убило трех лошадей. Центр армий Веллингтона был смят, и если бы Наполеон получил подкрепление, судьба Европы повернулась бы совсем иначе. Но Наполеона подвел Груши, этот робкий и нерешительный полководец. Нет, полководцам не пристала нерешительность, у полководца должен быть твердый план и, главное, негибкая, железная воля.

С этой мыслью Браун спускается с холма и идет в деревню обогреться. Он пишет домой письмо: ему удалось присутствовать на военных учениях австрийцев. Он полагает, что австрийских солдат легко победит армия, привыкшая быстро маневрировать. Французские солдаты, которых он также видел, очень хорошо обучены, но это все мелкий народ и, кажется, не очень-то рвущийся в бой... Армия, маневры, боевое учение — что за темы для американского фермера, который должен интересоваться скотом, шерстью и земледелием? В октябре Джон Браун с ящиками образцов был на обратном пути в Америку.

11. ОБЩЕСТВО БОРЬБЫ С РАБСТВОМ

«М-р Геррит Смит приглашает всех достойных негров селиться на его земле и заняться различными ремеслами. М-р Геррит Смит выделил в северной части штата Нью-Йорк сто двадцать тысяч акров специально для неимущих черных семей».

Такое объявление появилось в середине 1850 года в различных газетах Севера. Имя Геррита Смита было известно далеко за пределами штата Нью-Йорк. Это был либерально настроенный предприниматель, охотно жертвовавший деньги на благотворительные учреждения для негров и один из наиболее выдающихся аболиционистов.

Еще в XVIII столетии квакеры, поселившиеся в Соединенных Штатах, высказывались за отмену рабства, приводя в качестве сильнейших аргументов библейские тексты. В начале XIX века либеральная буржуазия Севера также начинает агитировать против рабства, и по мере промышленного роста страны эта агитация усиливается. Созываются конгрессы, возникают целые организации, созданные буржуазной интеллигенцией. Но когда на арене появляется хлопок, увлечение буржуазии внезапно проходит. Если бы не существовало рабства, не было бы и такого оживления торговли и промышленности. Так рассуждает буржуазия и примиряется с существованием невольничества.

Однако в тридцатых годах движение против рабства снова возрождается и принимает широкие размеры. Теперь к нему примыкают писатели и журналисты Юга.

Появляются статьи и книги, посвященные негритянскому вопросу.

В движении против рабства в Соединенных Штатах различают четыре основных течения: 1) борьба за отмену рабства в северных и северо-западных штатах, 2) движение за уничтожение мировой работорговли, 3) борьба против рабства в новых штатах, завершившаяся Миссурийским компромиссом 1820 года, и 4) освободительное движение среди самих негров с программами их гражданских прав, негритянских съездов, вооруженного восстания и прочее.

В тридцатых годах XIX века эта борьба против рабства приняла характер уже организованного национального движения. В стране уже существовали антирабовладельческие организации, объединявшие не только белых, но и негров. В 1826 году в Балтиморе состоялись конференции обществ борьбы с рабством, которых было уже около

полутора года. В 1828 году такая же конференция была проведена в Вашингтоне.

Официальным началом расцвета аболиционизма в Америке считают выход первого номера журнала «Либерейтор», появившегося 1 января 1831 года. Владелец и издателем этого журнала был Уильям Ллойд Гаррисон — один из выдающихся людей прогрессивной Америки. Еще двадцатитрехлетним юношей Гаррисон примкнул к аболиционистам. Вся его жизнь, весь его талант острого публициста, энергичного организатора, политического оратора и журналиста были отданы борьбе с рабством. Тридцать пять лет возглавлял он журнал «Либерейтор», его подписчиками были сотни негров и белых людей, его слово вдохновляло аболиционистов не только в Америке, но и в Англии. Надо было обладать большим политическим мужеством в те годы, чтобы быть активным аболиционистом. Гаррисон подвергался жесточайшим преследованиям. В 1835 году в Бостоне толпа расистов протащила Гаррисона на веревке по улицам города и намеревалась его линчевать. Его спасли женщины: они встали вокруг него цепью, крепко взявшись за руки, и не подпустили к Гаррисону линчевателей. По свидетельству историка, многие аболиционисты жертвовали своим домом, дружбой, состоянием и иногда даже жизнью за рабов.

Борцов против рабства избивали, арестовывали, обмазывали дегтем и вываливали в перьях.

В первом номере «Либерейтора» Гаррисон писал: «Пусть трепещут южные угнетатели, пусть трепещут их северные защитники, пусть трепещут все враги гонимых черных... Не призывайте меня к умеренности в таком вопросе, как этот. Мои намерения серьезны, я не стану увиливать в трудную минуту, не буду прощать, не отступлю ни на шаг — *и меня услышат*».

Такая декларация Гаррисона вызвала против аболиционистов взрыв яростной ненависти всех сторонников рабовладения. Особенно неистовствовали южане. В южных штатах начали действовать комитеты «бдительных». Некоторые рабовладельцы объявляли о том, что дадут от пятидесяти до ста тысяч долларов вознаграждения за труп или голову того или другого выдающегося аболициониста. На Севере так же начались преследования аболиционистов. В 1837 году в штате Иллинойс был предан линчеванию редактор аболиционистской газеты «Иллинойс Обсервер» Лавджой.

Сторонники рабовладения всеми способами пытались помешать пропаганде свободы. Они разгоняли митинги, препятствовали почтовым

операциям аболиционистов: боялись, что пересланные аболиционистами печатные материалы попадут в руки негров Юга. Дело дошло до того, что президент Джексон внес в конгресс предложение: считать отправку аболиционистской литературы по почте федеральным преступлением. С тех пор почтмейстеры на Юге пользовались правом решать по своему усмотрению, какие печатные материалы задерживать, а какие отправлять по почте.

Разумеется, отныне никакие газеты и брошюры аболиционистов не попадали на Юг по почте. Однако «Либерейтор» и другие аболиционистские издания проникали туда нелегально. Редакции аболиционистов несколько раз громили. И все же, несмотря на всемерное противодействие, Общество борьбы с рабством выросло в мощную организацию, потому что сама борьба эта была вызвана исторической необходимостью. Уже в 1835 году у общества было двести отделений в штатах с четкой структурой, с определенным количеством членов, которые обязаны были регулярно вносить членские взносы, с определенной дисциплиной всех участников. В 1836 году таких отделений было пятьсот, в 1840 году — две тысячи, а еще через десять лет не было поселка в свободных штатах, где не существовало бы кружка сторонников Гаррисона, то есть аболиционистов.

Членами общества были в основном фермеры, интеллигенты, рабочие, среди них много негров и женщин. Фермеры, хорошо знакомые с борьбой за землю с крупными плантаторами, издавна ненавидели угнетателей. На Западе много людей, бежавших от гнета южных помещиков, проникались отвращением к системе угнетения и насилия. Все это были волевые, энергичные, преданные идее освобождения члены общества. В «Декларации принципов» общество так говорило о своих задачах и убеждениях:

«Мы верим и утверждаем, что цветные люди, имеющие те же качества, которые требуются и от белых, должны быть допущены впредь к тем же привилегиям и пользоваться теми же правами, что и белые. Пути к служебному продвижению, к благосостоянию и к образованию должны быть открыты для них так же широко, как и для белых людей». До этой твердой «Декларации» некоторые аболиционисты придерживались взгляда, будто добиться освобождения негров возможно путем парламентской борьбы. Если бы аболиционистам удалось провести на выборах своего президента и получить большинство мест в сенате и конгрессе, уничтожение рабства, по их мнению, произошло бы в законодательном порядке.

Другие сводили задачи движения против рабства просто к улучшению жизни рабов. Они полагали, что можно освободить рабов постепенно, а не единым актом, и при этом считали необходимым компенсировать рабовладельцев за их «убытки» при освобождении работ, то есть предлагали вносить за рабов выкуп их владельцам.

Третьи наивно считали, что освободить негров можно быстрее всего отделением северных штатов от южных.

Когда, мол, рядом с рабовладельческим государством вырастет независимая свободная республика, плантаторам придется туго; негры тысячами побегут в свободную страну, и рабовладельцы станут уходить все дальше на юг, до тех пор, пока им уже некуда будет податься.

Четвертые, наконец, верили, что рабовладельцев можно уговорить добровольно освободить рабов. Они переоценивали силу морального увещания и воспитательной агитации. Правда, некоторые рабовладельцы действительно освободили своих рабов, но число таких «добровольцев» было настолько незначительным, что возлагать на них серьезные надежды было невозможно. Кроме того, излишнее увлечение моральной агитацией привело некоторых аболиционистов к тому, что они осуждали всякое «применение физической силы при отстаивании своих прав», то есть вооруженное восстание. Самостоятельное движение негров внушало им страх. Им уже чудилась расовая война и поголовное истребление белых.

Американское общество борьбы с рабством хоть и не имело очень ясной программы, однако требовало безоговорочного освобождения рабов без всякого выкупа. И умеренные аболиционисты и так называемые «воинствующие» встречали такое бешеное сопротивление рабовладельцев, что вся борьба их сразу приняла революционную окраску. Особенно повлияло на характер этой борьбы то, что аболиционистское движение объединилось с аграрным движением мелких фермеров и что в нем принял участие рабочий класс Соединенных Штатов.

Наиболее активные аболиционисты усиленно собирали средства для материальной помощи неграм, а наиболее состоятельные из них жертвовали в фонд аболиционистских комитетов не только деньги, но и земли. К таким постоянным благотворителям принадлежал и Геррит Смит.

Приглашение Смита, адресованное неграм, не было новинкой для северян. В те годы в различных свободных штатах часто создавались негритянские общины. Доходы в этих общинах распределялись поровну между ее членами. По воскресным дням в общинах происходили так называемые «моральные чтения». В общине «Нашоба», организованной аболиционисткой Фрэнсис Райт, ставили своей целью просвещение негров

и объединение их с белыми. Во всех этих общинах белые брали на себя роль педагогов, охотно обучали негров и помогали им строить жизнь на новых началах.

Поэтому Геррит Смит не слишком удивился, когда в ответ на его объявление пришло письмо от некоего мистера Джона Брауна, который предлагал свои услуги для помощи и обучения негров, для организации негритянских колоний на новых местах. Он обещал приехать переговорить обо всех подробностях с самим благотворителем.

Был снежный вечер, когда Джон Браун сошел с поезда на полустанке в городке Питерборо штата Нью-Йорк. Слуга Геррита Смита уже ожидал его с санями. В двух милях от полустанка среди холмов стоял богатый, обширный помещичий дом, такой, в каких еще не приходилось бывать Джону Брауну.

Геррит Смит, розовый, благожелательный, утонувший в расчесанных бакенбардах, уже ждал гостя в холле. Джон Браун увидел дубовые блестящие панели, громадные кресла и медвежьи шкуры на полу — все то благополучие и уют, которого он никогда не знал в своей собственной жизни. И здесь, в этом богатстве, думают о черных бедняках?

Он обратил к хозяину бледное, резко очерченное лицо с крепко сомкнутыми губами, и Геррит Смит, увидев это лицо, ощутил какую-то смутную еще робость. Гость заговорил сухо, кратко, энергично. Он читал объявление мистера Смита. Он и его семья готовы помочь неграм устроиться на новом месте и бесплатно их обучать. У него, Джона Брауна, уже есть некоторый опыт работы с неграми.

Геррит Смит обрадовался: такой человек был нужен ему, чтобы возглавить новую негритянскую общину. Что-то в госте, в его сжатых губах и крепком подбородке продолжало пугать Смита и вместе с тем привлекало. Он был слаб и нерешителен, ему хотелось опереться на сильную волю, передоверить все хлопоты и переложить ответственность на чьи-то чужие плечи. Теперь такой человек стоял перед ним и сам предлагал свои услуги.

Однако земли в Северной Эльбе, выделенные для негров, были тощи и давали скудный урожай. Зимы там были суровы, с бесснежными, пронзительными ветрами, которые срывали крыши с амбаров и мчали по полям тучи серой пыли. Смит честно сказал об этом Брауну.

— Но ведь вы считаете, что они годятся для негров? — гневно возразил гость. — Стало быть, они годятся и для меня.

12. «ПОДПОЛЬНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА»

Браун не был создан для торговли; это становилось с каждым днем все очевиднее. Перкинс терял терпение: у компаньона не было умения ни продать, ни купить. Дела шли все хуже и хуже; половину овец пришлось распродать по себестоимости. Перкинс пробовал открывать отделения своей конторы в различных поселках Массачусетса. За ним тянулся компаньон, а за компаньоном вся его семья — тринадцать человек детей и мужественная, всегда спокойная жена. Но и Мэри Дэй Браун начинала уставать от скитаний. Детям надо было учиться, хотелось иметь постоянный угол, клочок земли, где они могли бы сеять весной и собирать урожай осенью.

Когда отец сказал им, что намерен бросить торговлю и поселиться с неграми в Северной Эльбе, они обрадовались. Быть может, это окажется последним путешествием их фургона по бесконечным дорогам Америки.

Но прежде чем перевозить свою семью, Браун хотел помочь расселиться неграм.

Зимой 1850 года он отправился в Северную Эльбу. То, что он застал там, на миг лишило его присутствия духа. Горы, поросшие колючим кустарником, каменистая земля и сухой морозный ветер, стегающий людей, как жгучий хлыст. В этой обстановке негры были беспомощны как дети. Они устремились целыми семьями на даровые земли, расставили свои жалкие палатки и в стужу жались друг к другу, согреваясь собственным теплом. Ни один не знал, что нужно делать, как взяться за работу.

Браун появился среди них и вдохнул силы в слабых, надежду в отчаявшихся. Он предложил работать всем сообща. Пока одни валили деревья в горах, другие очищали их от сучьев и пилили, а третьи везли заготовленный лес на место будущего поселка. В неделю выросло несколько домиков, и веселый огонь запылал в очагах.

Но когда кончились строительные работы и в каждой хижине поселилась семья, оказалось, что больше нечего делать и почти нечего есть. Дороги занесло снегом. Браун посылал письма Герриту Смиту, просил прислать продуктов или денег, но ответа не было. Негры приходили к нему и молча смотрели просящими глазами. В конце концов он роздал им все свои деньги и ел один раз в день овсяную кашу. Он жил в доме, который

построил собственными руками. Дом был большой, но еще не отапливался, и ночью ему приходилось укрываться поверх одеял козьей курткой. Но он не жаловался. Его словно согревал внутренний огонь. Он будто впервые открыл себя, постиг, понял, для кого и для какого дела готовила его судьба. Здесь, заброшенный в горах, с горсточкой негров, которых он должен был учить и направлять, которые ждали от него помощи и вверяли ему себя, он вдруг ощутил полноту жизни. Вот оно, настоящее, то, о чем мечталось еще в детстве. Дубленая кожа, овечья шерсть — о, как преступно тратил он лучшие свои годы на ничтожные дела!

Снова Браун вернулся к земле, стал фермером.

Зимой 1850 года в Америке был издан закон о беглых рабах,

позволявший владельцам ловить своих невольников на любой территории и преследовать их укрывателей. Время отнюдь не смягчило нравы, и в 1850 году законы о невольниках были более суровы, чем двадцать лет назад.

В декабре Джон Браун написал семье, ожидавшей его в Спрингфилде: «Кажется, закон о беглых рабах породит больше аболиционистов, чем все собрания и лекции за эти годы. Я, конечно, ободряю моих цветных друзей, советую им «уповать на бога и держать порох сухим». Я сказал это сегодня публично, на митинге».

На том же митинге негритянской общины Джон Браун прочел свое первое произведение: «Ошибки Самбо» — нечто вроде дидактико-политической брошюры.

Негр Самбо исповедуется в своих ошибках: он отлынивал от работы и ученья, вместо серьезных книг читал пустые романы.

«Но самая худшая из моих ошибок состояла в том, что я пытался сохранить уважение белых, покорно принимая все унижения, вместо благородного протеста против жестокости, вместо того, чтобы завоевывать свое место, как подобает человеку и гражданину».

Это наивное и грубоватое произведение быстрее и легче дошло до негров, чем великолепные статьи и речи присяжных журналистов. «Ошибки Самбо» ходили по рукам, их читали вслух, и голос чтецов дрожал в том месте, где Самбо говорит о худшей из своих ошибок. Той же зимой «Ошибки» были напечатаны в аболиционистской газете в Нью-Йорке за полной подписью Брауна.

Когда в горах стаял последний снег, Джон Браун повез жену и сыновей посмотреть на негритянский поселок в Северной Эльбе. Лил дождь. Могаук вышел из берегов, смывая хижины. Из фургона Браунов было видно, как желтая мутная река мчала оторванные от полей маленькие островки: на некоторых из них еще стояла сухая прошлогодняя кукуруза. Мэри Дэй с сомнением разглядывала местность, где ее муж собирался осесть надолго, быть может, навсегда. Сквозь пелену дождя она увидела горы и услышала глухой шум потока.

Все было невесело, и только когда Мэри смотрела на мужа, уходила ее тревога, и она начинала верить, что в Северной Эльбе для него отличная жизнь.

Джон Браун сильно изменился за осень и зиму. Перкинс с трудом узнал бы своего вялого и неспособного компаньона в этом деятельном, всегда радостно возбужденном и подвижном человеке. В Брауне вдруг словно открылся и бил через край сильный и животворящий источник. Он родился борцом. В занесенной снегом хижине он понял это и только

пожалел о том, что ему уже пятьдесят лет и лучшие годы прошли в никчемной погоне за куском хлеба. Он сказал об этом Перкинсу, и тот разорвал их контракт: конечно, без Брауна торговля пойдет удачней.

В Северной Эльбе негры радостно встретили Брауна. Они терпеливо ожидали возвращения своего друга. Снова Браун вернулся к земле, стал фермером. Геррит Смит слал письма, наполненные добродетельными и благочестивыми размышлениями; на его помощь было мало надежды.

Поселок вырастал на глазах. Теперь у каждой семьи был крепкий дом, выстроенный всем «миром», и возле дома — огород.

Джон Браун пристроил к своей хижине сруб.

— Я выстроил моим черным детям лекционный зал, — сказал он сыновьям.

Теперь дома уже не удивлялись тому, что он шутит и смеется, и Мэри думала про себя, что муж удивительно помолодел, живя в Эльбе. Это была правда. Браун вскакивал раньше всех в поселке.

— Сегодня пахота — пора, пора идти на общественное поле!

Он искал выхода своим силам в работе, и работа давала ему только радость. Вечером в «лекционном зале» Браун видел обращенные к нему внимательные черные лица. Он читал истории войн или биографии великих полководцев; негры ловили каждое его слово.

Описаниями знаменитых сражений он хотел бы зажечь кровь в этих недавних рабах. За окнами хижины бесновался ветер, стонали деревья в горах, а в «лекционном зале» кавалеристы воинственно взмахивали саблями, пехота подымала на штыках свои медвежьи шапки, и прославленный полководец скакал на белом коне навстречу врагам. Дым, раскаты пушечных залпов, лязг оружия — и вот, наконец, победа.

Браун вглядывался в лица своих слушателей. Они возбуждены, хотят слушать еще и еще, у них блестят глаза. Браун доволен.

Ночью его будит Джон-младший:

— Отец, Томсон привел двух беглых, они хотят пробраться к Бай-Тауну...

Сон быстро слетает. Вот Браун уже разговаривает с Генри Томсоном и его спутниками. Генри никак не может говорить шепотом; впрочем, здесь нечего стесняться — люди свои. «Подпольная железная дорога» переправляет двух беглых в Канаду. Их доставили к нему на «станцию» из Уильмингтона, а он теперь привел их к Брауну, потому что ему известно, что Браун тоже «кондуктор».

Браун велит сыновьям накормить беглецов. У парней ноги сбиты в кровь, они уплетают похлебку и рассказывают, как за ними гнались собаки

надсмотрщиков.

У одного из них жена осталась в неволе, и он боится, что хозяин выместит на ней его бегство. Только благодаря «подпольной дороге» они добрались до свободного штата. Спасибо «кондукторам», они так добры к бедным неграм, — и оба беглеца протягивают руки своим спасителям.

Кто из негров тогдашней Америки не знал о «подпольной железной дороге» («Underground Railroad») — этой замечательной организации аболиционистов!

Замученные своими хозяевами, невольники стремились на Север, в свободные штаты. Но дороги кишели шпионами, полиция и суд энергично помогали владельцам ловить бежавших. Поэтому негры выбирали окольные дороги через юго-западные и северо-западные штаты. И на всем пути беглецов аболиционисты организовали сеть нелегальных станций «подпольной железной дороги».

Цепь убежищ тянулась от Мэриленда, через Пенсильванию и Нью-Йорк, в Канаду или от Кентукки и Виргинии, через Огайо, к озеру Эри и реке Детройт. Если беглецу удавалось благополучно добраться до первой «станции», он был уверен, что теперь непременно достигнет Канады. Его переправляли в ящике с яблоками, под соломой, в мешках из-под муки до следующей «станции», и энергичные друзья не останавливались до тех пор, пока беглец не оказывался в полной безопасности.

Развивалось состязание, кто остроумнее и скорее доставит негров на место. Многие известные и влиятельные люди были деятелями «подпольной железной дороги».

Жена одного сенатора в Бостоне прятала беглых у себя в доме на чердаке, в то время как ее муж был специально уполномочен проводить в жизнь закон о беглых.

С. Мэй, маршал США в Бостоне, писал впоследствии:

«Когда они заставляли меня искать своих невольников, я всегда говорил: я не знаю, где ваши негры, но я погляжу, не смогу ли узнать. Потом я переждал несколько дней и шел в контору Гарриса. Там я говорил: найдите таких-то и таких-то негров, узнайте, где они. Следующее, что я узнавал, — это то, что парень давно в Канаде».

Филадельфийское отделение «подпольной железной дороги» выпустило нелегальный путеводитель по «станциям» со сведениями о наиболее активных и полезных помощниках в пути.

Некоторые аболиционистские газеты открыто писали о «подпольной железной дороге», а одна из них весело сообщала, что от некоего «кондуктора» получено известие, будто движение на его «линии» за

последнее время быстро увеличивается.

Какую опасность представляла для рабовладельцев эта организация, видно из того, что ежегодно в северные штаты бежало свыше тысячи человек, а захвачено из них с 1850 года, то есть с момента проведения закона о беглых, до середины 1856 года только двести человек. Всего за двадцать лет «подпольная железная дорога» переправила свыше пятидесяти тысяч беглых негров.

Но значение этой организации было не только в той конкретной пользе, которую она приносила. «Подпольная железная дорога», выражая настроение передовых людей того времени, несомненно, оказывала влияние на общественное мнение.

Внимание северян было привлечено к судьбе миллионов негров-рабов, и каждый беглый, которому помогала подпольная организация, приобретал множество сочувствующих, а рассказ о его страданиях будил симпатию к его братьям в неволе. Одни возмущались несправедливостью к черным людям, другие боялись растущего политического влияния Юга, но мало-помалу все приходило к выводу о недопустимости рабства.

Джон Браун с ранней юности помогал беглецам. Он не думал тогда ни о какой организации. Он и его соседи-фермеры как бы безмолвно сговорились между собой наносить ущерб помещикам. Но после закона о беглых нужна была крепкая организация.

Браун собрал в «лекционном зале» негров и некоторых белых соседей-фермеров. Беглых становится все больше. Рабовладельцы озверели; на границе Виргинии они линчевали двух «кондукторов». Здесь, на пути беглецов, необходимо создать «Лигу освобождения», написать обращение к беглецам.

Так в Северной Эльбе появилась «Лига освобождения», объединившая негров и белых — противников рабства. Среди негров распространилось воззвание Лиги, названное «Слова совета». В воззвании Джон Браун советовал беглецам прибегать к помощи влиятельных белых, чтобы делать из них своих соучастников. Этим способом к движению привлекались многие нужные люди. Под воззванием подписались восемь белых и сорок четыре негра Северной Эльбы.

Голодная зима бушевала в Северной Эльбе. Снег косо скользил по обледенелым склонам гор и острыми сугробами скапливался по оврагам. Все работы приостановились.

Молодежь в доме Брауна томилась и удивлялась отцу: он был по-прежнему деятелен и оживлен и до поздней ночи занимался с неграми.

Мимо поселка беспрестанно шныряли разные люди: меховщики, охотники, фермеры, солдаты, просто бродяги. Они шли на Запад.

Молодые Брауны видели, как целые обозы переселенцев переваливали через Аллеганские горы и двигались по течению рек в пышные зеленые степи. Земля там, по их словам, была баснословно дешева, и не нужно было платить почти никакой ренты. Там не существовало ни чиновников, ни налогов, ни полиции.

Постепенно слово «Запад» начинало звучать магически. Стремительный человеческий поток двигался к «молочным рекам и кисельным берегам».

Сыновья Брауна тоже начали мечтать о новой земле. Джон-младший и Оуэн съездили в Спрингфилд и вернулись оттуда возбужденные: им narассказали разных чудес о землях Запада. Сначала там тянутся степи, одни лишь степи со стадами буйволов, потом идут горы и, наконец, открывается прославленный край сказочного богатства, доступный каждому, кто хочет владеть им. А здесь поля давали плохой урожай, зимой налетали циклоны и вихри, и даже летом часто бывали заморозки.

По вечерам Оуэн напевал новую песню:

На Запад, на Запад,
В свободную страну,
Где мощная Миссури несет к морям волну,
Где хорошо тому, кто любит вольный труд...

13. «МИССУРИЙСКИЙ КОМПРОМИСС»

Лето 1854 года принесло страшную засуху среднему северу. В полях вместо злаков сухо и зловеще шелестела выжженная солома, черви объедали с деревьев последние высохшие листья. Скот ревел от голода, не находя на пастбищах ничего, кроме растрескавшейся земли. Люди выбивались из сил, чтобы сохранить почве хоть какую-нибудь влагу. Но на небе не было ни облачка, и истомленные люди и животные спасались в тени своих жилищ. И как раз тогда, когда уже надвигался призрак голодной зимы, в дом Браунов пришло письмо от их родственника — пастора Эдера. Эдер недавно переселился в Канзас и писал, что для людей, желающих и способных работать, Канзас — золотое дно, что тучные пастбища и черная жирная земля только и ждут хороших хозяйских рук, чтобы давать обильные жатвы.

Письмо Эдера было каплей горячей смолы, а может быть, искрой, упавшей в порох. Молодежь семейства Браунов как будто только ждала такого сигнала. Все сыновья были охвачены волнением: «Ехать, ехать в Канзас, подыматься всем!» Они приступили к старику: ведь и он непоседлив, ведь и он не дорожит этим опостылевшим жильем в Эльбе, этой бесконечной борьбой за жизнь. «Едем в Канзас, отец!» Но Джон Браун-старший упрямо качал головой:

— Нет, дети, у меня другие планы. Быть может, скоро наступит время, когда я должен буду исполнить мой долг. Мне нужно быть готовым к этому.

Сыновья знали: если отец что-то задумал, что-то решил, никакие силы не могут свернуть его с пути, заставить переменить решение. В письме пастора Эдера были многозначительные слова:

«Здесь потребуются хорошие, верные люди».

В семье Брауна знали, что именно подразумевает под этим Эдер.

В США каждая территория с населением не менее пятидесяти тысяч человек имела право требовать приема ее в Союз в качестве самостоятельного штата. К 1820 году в Союзе было двадцать два штата — одиннадцать свободных и одиннадцать рабовладельческих. Но равновесию угрожал новообразованный штат Миссури. Северяне настаивали, чтобы он был введен как свободный штат, южане требовали, чтобы он был рабовладельческим.

Конечно, ни одна «демократическая» конституция не могла установить

закон, по которому число рабовладельческих штатов непременно соответствовало бы числу свободных. Такой закон был немыслим. В результате длительной борьбы рабовладельцам Юга удалось добиться постановления о приеме штатов на паритетных началах: на один свободный штат — один рабовладельческий. Это соглашение, не являвшееся ни договором, ни законом, получило название «Миссурийского компромисса». В силу этого соглашения из старого штата Массачусетс был выкроен новый штат — Мэн. Он вошел в Союз в качестве свободного штата, а Миссури стал рабовладельческим. Чтобы избежать в будущем «недоразумений», конгресс США принял постановление, по которому рабство в территориях и штатах севернее 36° широты запрещалось.

В двадцатых годах прошлого столетия за рекой Миссури лежали огромные пустынные степи, и творцы «компромисса» не предполагали, что степи эти будут вскоре наводнены поселенцами.

«Компромисса» строго придерживались в продолжение тридцати лет. К 1850 году в Союзе прибавилось еще восемь штатов, все на паритетных началах.

Но за тридцать лет Америка сильно изменилась. Север быстро обгонял южные штаты и по населению и по росту промышленности, и Юг понимал, что сохранить «компромисс» незыблемым не удастся. Поток переселенцев, устремившийся на Запад, опрокидывал все политические сделки. На Западе молниеносно росли поселения, они объединялись в штаты и требовали своего признания. Это были в большинстве фермерские штаты, которые не желали вводить у себя рабство.

В то же время рабовладельцы Миссури не ограничивались правом селиться в своем штате, за установленной чертой, они желали распространить рабство до самых Скалистых гор. Во многих штатах возникали тайные общества сторонников рабовладения — «Голубая ложа», «Сыны Юга», «Социальные общины». Вступая в эти общества, новые члены давали обещание помогать плантаторам распространять рабство.

В 1850 году волна переселенцев устремляется в не занятые еще области Луизианы. Такими свободными ат поселений землями являлись бывшие индейские резервации — Канзас и Небраска.

Из них Канзас был самым ценным для переселенцев, так как в нем сходились все главные пути, связывающие Восток с Дальним Западом.

Новые земли быстро заселялись, и вскоре выделились два новых штата — Канзас и Небраска. Сразу возник вопрос, на каких началах будут включены в Союз эти штаты — как свободные или как рабовладельческие? Этот вопрос имел огромное политическое значение. Вожди

рабовладельческого Юга великолепно понимали, что сохранение рабства есть в то же время сохранение политической власти в Соединенных Штатах.

В январе 1854 года сенатор Дуглас, представитель штата Иллинойс в сенате, предложил отменить «Миссурийский компромисс» и предоставить новым территориям возможность самоорганизоваться на основе «народного суверенитета». Другими словами, штаты должны были теперь решать сами, быть им свободными или рабовладельческими.

Формулировка «народный суверенитет» была удобна тем, что каждый мог ее понимать по-своему. Северяне были уверены, что население, которому предоставлен свободный выбор, конечно, решит вопрос против рабства, южане, как всегда, рассчитывали действовать путем террора и во что бы то ни стало добиться введения рабства в новых штатах.

В июне 1854 года «Миссурийский компромисс» был отменен.

Каждый штат отныне мог решать по своему усмотрению, быть ему свободным или рабовладельческим. Первым на очереди был Канзас, и внимание всего Союза сосредоточилось на канзасских выборах.

Все понимали, что решается судьба Соединенных Штатов и что если победят южане, то есть получат перевес в сенате, они постараются распространить свое влияние на весь Союз. Из правительственных Вашингтонских сфер вопрос был перенесен в прерии и долины, на берега полноводных рек и в зеленые леса. Всякому было ясно, что предстоит борьба не на жизнь, а на смерть.

В Массачусетсе был основан Северный комитет помощи переселенцам. Фермеры, учителя, студенты, юристы потянулись к Миссури, дав клятву добиться свободной конституции для Канзаса. В то же время члены «Голубой ложи» уже построили свои бараки в Ливенуэрте и Атчисоне, и когда первый северянин переправился через реку Миссури и объявил, что он против рабовладения, его посадили в лодку и пустили по течению без пищи и весел.

«Сыны Юга» созвали митинг в Уэстпорте, на границе Канзаса, где была принята следующая резолюция: «Общество обязуется мобилизовать своих членов по первому требованию каждого гражданина территории Канзаса для оказания ему помощи и немедленного изгнания всех пришельцев, являющихся туда под покровительством Северного комитета помощи переселенцам».

Газета «Суверенитет скваттеров», издаваемая в Атчисоне, напечатала в одном из первых номеров декларацию плантаторов: «Мы будем по-прежнему придерживаться закона, установленного большинством: будем

вешать, обмазывать дегтем, валять в перьях и топить всякого аболициониста, который осмелится осквернить нашу землю».

В июле 1854 года тридцать сторонников свободных штатов переправились через Миссури. Они были хорошо вооружены и привезли с собой палатки и продовольствие. Поднявшись по реке Канзас, они выбрали громадный, покрытый цветами луг и разбили там лагерь. Так было положено основание городу Лоренсу, вокруг которого суждено было разгореться войне за Канзас.

В августе к новым поселенцам присоединились еще семьдесят хорошо вооруженных северян. Слух о дерзких пришельцах, нарушивших законы территории, взбудоражил всех сторонников рабовладения. Триста пятьдесят «Сынов Юга» на лошадях окружили Лоренс и потребовали, чтобы новые переселенцы немедленно покинули поселок. На сборы им давалось три часа. Но из Лоренса послышались звуки американского рожка: поселенцы готовились обороняться. «Сыны Юга» не ожидали отпора. Увидев, что предстоит сражение и что янки, по-видимому, решили отстаивать свои права с оружием в руках, миссурийцы начали постепенно отступать. К вечеру у нового города уже не было ни одного всадника.

Таков был Канзас — та обетованная земля, куда, стремились сыновья Джона Брауна в поисках счастья.

14. ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ

Для Джона Брауна и его сыновей вопрос о рабстве негров был таким же болезненным и насущным, как вопрос о собственном пропитании. Прадед Браунов погиб за дело свободы и независимости, сражаясь в девятом взводе Коннектикутской колонны. Дед, Оуэн, тот, которого в Огайо звали «Дубовый Браун», сам себя называл аболиционистом, говорил, что умрет аболиционистом, и был одним из организаторов и руководителей переправы рабов по «подземке». И теперь, узнав, что в Канзасе, в этом краю, который звал их своим изобилием, могут понадобиться их силы, чтобы сделать край свободным, сыновья Джона Брауна твердо решили ехать.

К тому же и отец, уехавший в Эйдирондакские горы, в негритянский поселок, писал им:

«Если кто-нибудь из моей семьи склонен уехать в Территорию^[4], чтобы помочь тем, кто хочет уничтожить сатану и его легионы, я ничего не имею против и не стану их отговаривать. Однако сам я чувствую, что должен работать на другом поприще. Если бы я не чувствовал этого долга, я и сам последовал бы за вами в Канзас. Об одном только я вам напоминаю: о постоянном страхе божием, который есть начало всякой мудрости. Всех вас поручаю его вечной благодати. Ваш отец Джон Браун».

Ранней весной 1855 года трое сыновей Джона Брауна — молчаливый и мечтательный гигант Фредерик, покорный отцу, очень крепкий, но с сухой от рождения левой рукой Оуэн и горячий Сэлмон — отправились в Канзас.

Оставшиеся дома братья и их семьи с нетерпением дожидались вестей от этих «разведчиков». И вот, наконец, пришло письмо. Оуэн писал братьям, что местность им понравилась, что, вероятно, можно будет и работать и выращивать хорошие урожаи, что начинать новую жизнь нетрудно. И был в этом письме многозначительный конец: «Если мы сумеем превратить Канзас в свободный штат, это будет большим делом на пользу всего человечества».

Письмо это сняло последние остатки колебаний: прошло несколько дней, и еще два брата, женатые, Джон-младший и Джемсон, были уже в пути вместе со своими семьями.

И оба брата и их семьи чувствовали необыкновенный подъем: всем им казалось, что вот, наконец-то, начинается новая, счастливая жизнь. Они ехали на пароходе по Миссури и вслух мечтали об этой новой жизни.

Джезон — страстный садовод — вез с собой саженцы плодовых деревьев, чтобы сейчас же, как только приедет в Канзас, посадить плодовый сад.

Но с каждым часом мечты их тускнели, умирали. Все мрачнее становились братья, все пугливее их жены. Они прозревали, они видели, что на пароход вваливаются толпы вооруженных, возбужденных южан, они слышали, как говорилось о «проклятых янки, которые лезут в Канзас, чтобы воровать негров», они видели, что южане пробираются на Территорию отнюдь не для того, чтобы пахать и мирно пасти свои стада. Все сильнее чувствовалось, что предстоит борьба не на жизнь, а на смерть. К довершению всех бед, на пароходе заболел и умер от холеры маленький сын Джезона Остин. Капитан-южанин потребовал, чтобы они немедленно убрали трупик. Он остановил пароход и предупредил, что такая остановка будет за счет обоих братьев. Где-то на берегу, возле незнакомого миссурийского городка, братья вырыли могилу и опустили в нее маленького поселенца, не доехавшего до обетованной земли. Стеной шел дождь, плакали дети и женщины, а Джезон и Джон стояли с сухими глазами, крепко сжав кулаки и мысленно давая клятву непримиримой ненависти к тем, кто хочет сделать из Канзаса край насилия и злобы.

«Дорогой отец, у нас на пятерых всего один револьвер, один охотничий нож, неважная винтовка, маленький карманный пистолет и праща. Нам необходимы шестизарядный револьвер Кольта, хорошая винтовка и тяжелый охотничий нож. Имея все это, мы сможем управиться даже с теми, кто вооружен пушкой. Мы уверены, что ты достанешь нам оружие. Оно нам здесь нужней, чем хлеб».

Буквы расплзались на грязном клочке бумаги, вырванном из блокнота. Джон-младший все аккуратно подсчитывал, как бухгалтер, но это не помешало ему и его братьям тотчас по приезде в Канзас ввязаться в борьбу.

В Северной Эльбе тоже стояла засуха. Земля потрескалась, и у коров пропало молоко. На пастбищах мычали телята, изнывавшие от зноя. В полях засохшая кукуруза шелестела как бумага.

Негры сидели у своих хижин, с надеждой глядя на небо: не пошлет ли оно дождя. Но небо было все так же безжалостно синее, и вечером Брауну приходилось утешать своих черных друзей. Ему было не лучше, чем остальным: бобы и фасоль в огороде погибли, гусеницы испортили фруктовые деревья, хлеба не было.

А тут еще эти письма от сыновей и смерть внука Остина, его похороны на берегу Миссури, о которых ему сообщили. Сыновья писали также о

богатейших плантациях рабовладельцев, о рабах, которых по вечерам загоняют, как скот, в хлева, о травле аболиционистов. Браун больше не мог читать своим черным слушателям о великих сражениях былого: прошлое заглушалось настоящим.

Там, в Канзасе, борьба разгоралась все жарче. Лоренс переходил из рук в руки. С Юга хлынули вооруженные до зубов плантаторы. Дважды назначались выборы и дважды признавались недействительными. На новых землях росли и рабовладельческие и свободные поселения, и между ними непрерывно шла партизанская война.

Джон-младший писал, что его избрали председателем повстанческого комитета, и снова просил достать оружие.

Письма и засуха. Брауну казалось, что все внутри у него пылает, как земля, сжигаемая солнцем.

Негры приходили спрашивать, правда ли, что в Канзасе воюют за них, за их свободу? Они смотрели на Брауна вопрошающими и, как ему казалось, укоризненными глазами.

Мэри Браун видела его иссохшее лицо и понимала, что он страдает. Больше всего в жизни он ненавидел пустых болтунов, щеголявших одними пышными фразами о свободе и равенстве. Ему казалось, что теперь он уподобился этим болтунам.

Нет, пусть он стар, пусть ему пошел уже шестой десяток, но он не может оставаться в стороне, он должен действовать!

Он собрался быстро. Ни жена, ни дети не удерживали его. Они знали, что это бесполезно.

Он взял с собой в Канзас только самого младшего сына Оливера. Мальчик, тонкий, гибкий и сильный, как стальной хлыст, уже прославился тем, что победил в борьбе самых сильных лесорубов в здешних местах. Но для матери он был все еще малышом, и она впервые взглянула на мужа страдальческими глазами.

— Не бойся, мать, — сказал ей Браун, — с ним ничего не случится. Мальчик должен повидать жизнь, это ему полезно.

Ватсон, которому уже исполнилось восемнадцать лет, страстно завидовал отцу и брату; он так хотел бы быть вместе с ними! Но негры Северной Эльбы не могли оставаться без руководителя, в доме тоже нужен был мужчина для тяжелой работы, и вот Ватсон один на один остался лицом к лицу с жестокой природой.

Мать и две младшие девочки — Энни и Нэл — были не в счет. Мэри, истощенная частыми родами, преждевременно постаревшая от неустроенной жизни, от постоянных переездов и скитаний, была сильна

только своим терпением, своей волей и спокойствием. Она привыкла беспрекословно подчиняться всему, что хочет ее муж. Даже больше: она, как и он сам, верила, что всевышний избрал его для чего-то большого, важного и нужного, что именно ему, Джону Брауну, предстоит стать орудием господ. Джон сумел убедить ее в этом; сам он верил в свое предназначение так крепко, как будто голос с неба сказал ему об этом.

Сухим и знойным августовским утром Джон и Оливер Брауны уехали. Путь Брауна лежал не прямо в Канзас. Он не мог явиться туда с пустыми руками. И потому через сутки он стоял перед Герритом Смитом — такой же неожиданный, решительный и пугающий, как и в первый раз.

Нужны деньги и оружие. Повстанцы в Лоренсе ждут помощи от северян. Тут он прибегнул к лесте: всем известны благородные стремления мистера Смита. Мистер Смит всегда был горячим сторонником освобождения негров. Теперь мистеру Смиту предоставляется случай еще более прославить свою гуманность.

Геррит Смит нервно потирал руки, его толстые щеки дрожали от волнения. Оружие? Война?!

«Впрочем, Браун прав, — рассуждал он про себя. — Мы должны перестать надеяться на победу путем голосования. Было время, когда с рабством можно было покончить при помощи политических действий, но это время прошло, боюсь, что навсегда. Я льстил себя тщетной надеждой, что справедливость медленно, но верно возьмет верх. А теперь я вижу, что американские помещики не обладают достаточной добродетелью, чтобы покончить с рабством бескровным путем. И все, что остается, — это покончить с ними путем насилия».

Все это Геррит Смит несколько позже написал в аболиционистских газетах. А теперь он смотрел на Джона Брауна и все больше проникался его словами, все сильнее сдавался перед его непреклонным взглядом. Конечно, конечно, он согласен поддержать мистера Брауна, он даже съездит с ним в Сиракузы. Завтра там митинг аболиционистов. Мистеру Брауну, с его красноречием, разумеется, нетрудно будет добиться от них помощи.

Собрание в Сиракузах было как две капли воды похоже на все собрания умеренных аболиционистов. Множество речей, множество евангельских притчей.

Учителя и пасторы в длинных сюртуках, почтенные леди в чепцах и шляхах, заколотых брошками, фермеры в туго накрахмаленных праздничных манишках. Все так чинно, благопристойно, сдержанно. Взывали к состраданию и гуманности, жалели бедных, темных негров.

На этот раз, впрочем, настроение подогревалось событиями в Канзасе.

Поэтому, когда Геррит Смит представил собравшимся мистера Брауна, «у которого пять сыновей сражаются за свободный Канзас», внимание всех устремилось на новоприбывшего.

Благотворители-аболиционисты увидели перед собой высокого седого человека в старом поношенном костюме, высоких сапогах и длинном толстом плаще с капюшоном. Он был похож на монаха-капуцина, странствующего по горам и одержимого идеей своей высокой миссии на земле.

Браун не тратил времени на речи и притчи. Его раздражали эти собрания. «Водянисто-молочные» рассуждения аболиционистов вызывали в нем глухую злобу. Но сейчас он нуждался в их помощи. И он прочел им два письма своих сыновей из Канзаса.

Джон-младший ездил на выборы членов территориального совета и палаты представителей в Ливенуэрт. Он писал, что миссурийцы явились с пушками, ружьями, револьверами, палатками, захватили барак, где происходили выборы, и голосовали за рабовладельческую конституцию.

В Миссури газеты демократов^[5] трубили о победе. Губернатор Ридер, сторонник «народного суверенитета», дал четыре дня на опротестование выборов. Вильям Филипс, адвокат из Ливенуэрта, составил письменный протест против незаконных выборов. Тогда «Сыны Юга» схватили его, силой посадили в лодку и перевезли на миссурийскую сторону, в Уэстон. Там Филипса высекли, обмазали смолой, вываляли в перьях и повезли по городу. В конце концов его стали продавать с аукциона как невольника и с криком и угрозами присудили в собственность одному негру. Но Филипсу удалось бежать из Уэстона. Теперь он снова в Ливенуэрте и ждет, что его вот-вот убьют.

Словно злой вихрь пронесся по залу. Кружевные чепцы и рединготы пришли в волнение. Разбойничий посвист «Сынов Юга» коснулся их ушей. Нет, даже из одного чувства самосохранения они должны помочь тем, кто борется с миссурийцами. Южная опасность приближается с каждым днем.

Геррит Смит аккуратно собирал пожертвования. Сам он уже вручил некоторую сумму Брауну. Разумеется, деньги должны идти исключительно на защиту. Собравшиеся категорически против наступательных действий, которые могут только раздражить южан.

Браун покупает оружие: тяжелые шестизарядные револьверы, ружья Шарпа, длинные охотничьи ножи. В оружии он знает толк, еще в детстве индеец Две Луны научил его отличать хорошую сталь от плохой. Он заезжает в Огайо, в местечко Экрон, где он некогда пас овец. Здесь ему не нужно рекомендаций Геррита Смита — все знают его семью, и экронские

фермеры охотно дают деньги на канзасское дело. Они все ненавидят плантаторов и рады насолить им чем могут. Теперь у Брауна собрано около двухсот долларов, и с собой он везет два ящика с оружием. В Чикаго он с Оливером покупает лошадь и крепкий степной фургон.

И вот легкий стук колес по проселочной дороге, фырканье лошади, ночевки под звездным небом и крепкий запах незнакомых трав, трав Канзаса.

15. КАНЗАС

Браун вспоминал: на старых картах Америки Айова изображалась бобром, Небраска — антилопой, а Канзас — буйволом. Через эти равнины проходили некогда стада диких буйволов, на которых охотились индейцы чийенны.

Теперь дикие буйволы почти вывелись, но земля была такая, о какой он читал в Ветхом завете. Там она тоже называлась «обетованной». Бесконечная, до самого горизонта уходящая прерия, волнистые холмы, покрытые шелковой муравой с огненными звездочками диких ноготков. Маленькие золотые подсолнечники, которые растут гроздьями и словно освещают весь луг солнечным светом.

Отец и сын следили за сойками, мелькавшими в небе, и слушали их щебет. Иногда они останавливались на берегу реки кормить и поить лошадь, и тогда Оливер отправлялся на охоту. Он приносил бекасов и вместе с отцом ощипывал дичь и жарил ее на костре.

Когда они сидели так, вдвоем, у тлеющего костра, глядели на теплые испарения, поднимающиеся от земли, слушали свист сусликов и воркование какой-то ночной птицы, Оливеру не верилось, что где-то здесь, в этом зеленом и голубом Канзасе, идет война, люди убивают Друг друга и кровь пятнает траву.

Но старший Браун не поддавался очарованию природы, он был спокоен, и Оливер, просыпаясь ночью, видел, что отец сидит у костра, неподвижно устремив глаза на огонь.

Скоро им стали попадаться помещичьи ранчо с заколоченными ставнями, пустые и враждебные. Дорога была теперь усеяна костями волков и лошадей, тучи воронья сидели на скелетах и отвратительно кричали, когда проезжавшие мешали их пиршеству. Попадались им и люди, в телегах и верхом. Встречные угрюмо, подозрительно оглядывали их и не отвечали на вопросы.

В начале октября 1855 года они прибыли в Браунсвилл — так пышно называли пятеро сыновей свою стоянку — жалкий лагерь из нескольких дырявых палаток.

Джон Браун писал домой в ответ на жалобы жены: «Дорогая жена и дети, и я переживаю вместе с вами все ваши неудачи и испытания, которые выпадают на вашу долю, но испытания — не только ваш удел. Здесь все много болеют, никакого дома у них нет, только палатки, в которых даже

крепкий человек не нашел бы защиты от резких холодных ветров и буранов, которые здесь бушуют больше, чем в любом другом месте, где мы когда-нибудь жили, даже в вашей морозной области. И за сеном не уследили, как и за всем другим, заборов нет и пшеница вытаптывается скотом и лошадьми. Джебзон и Оливер все еще слабы от лихорадки. Мы уже сделали кое-что, но пока очень немного. У нас уже есть хижина в три бревна высотой, проконопаченная и обнесенная земляным валом, и труба достаточно высокая, чтобы можно было поддерживать огонь для самых маленьких. Мы успели снять небольшой урожай бобов, которые вместе с кукурузной похлебкой, молоком и тыквой являются нашей единственной пищей... Сэлмон поймал стальным капканом степного волка. У нас все еще продолжаются дожди с жестокими ветрами, капли превращаются в льдинки, когда падают, и в холодные ночи земля замерзает.

Все же бог нас не покинул и дает нам хлеб наш насущный, и я хотел бы, чтобы мы испытывали гораздо большую благодарность за его незаслуженную нами доброту. С тех пор как получено письмо от Ватсона, я очень обеспокоен тем, что вам придется провести зиму в холодном доме, и я придумал простой, дешевый способ, чтобы избежать этого. Возьмите обыкновенные доски и врыйте их прямо в землю до стропил, наподобие сарая, но гвозди не забивайте глубоко, чтобы их можно было легко вытащить. Зашейте таким образом досками все, кроме окон и дверей. Это может сделать всякий, даже самый слабый, и большую часть досок потом можно использовать для растопки и в хозяйстве. Я много думаю также, Мэри, о твоём вдовьем положении и иногда позволяю себе мечтать о том, что когда-нибудь я снова смогу воспользоваться домашним уютом...

Мы получили те две газеты, которые ты прислала, и для нас, так далеко отрезанных от мира, это было большим подарком. Мы слышали, что Фрэнк Пирс в Вашингтоне строит планы против нас, что он намерен раздавить людей свободного Канзаса. Что ж, будем ждать этого времени. Только кровь может смыть этот огромный черный грех. Я поручаю вас заботам того, кто питает молодых птиц, когда они голодны.

Я думаю, что следующей весной Ватсон сможет заработать немного денег стрижкой овец в долинах. На этом кончаю. Ваш муж и отец Джон Браун».

Он привез с собой сыновьям в Канзас страшный груз: маленький ящичек с телом Остина, умершего от холеры, который он выкопал. Теперь они похоронили его близ хижины. Опять раздались рыдания женщин, Джон Браун смотрел на них, но у него не было слов утешения, он не знал таких слов. Он только сказал:

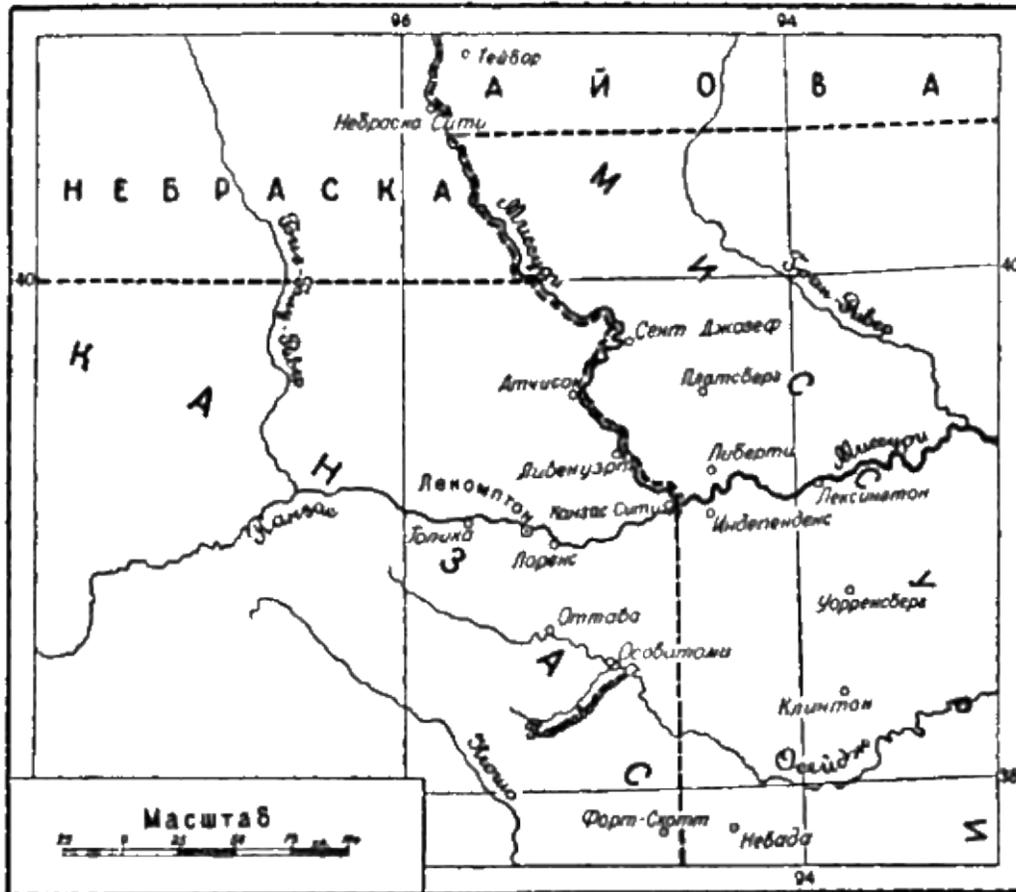
— Его взяли другие руки. Не надо плакать.

И больше ничего. Все было так безотрадно, так сурово кругом. Поле за палатками не было вспахано. Вообще никто здесь по-настоящему не занимался фермерством.

Браун сразу почувствовал это, поглядев на сыновей. Птенцы оперились и возмужали. Даже болезненный Фредерик, которого считали слабоумным, носил за поясом револьвер. Джон-младший командовал отрядом добровольцев. Отец едва узнал его: Джон оброс курчавой бородкой, у него теперь была походка кавалериста, и в разговоре он то и дело вставлял военные термины.

Все пятеро были рады приезду отца. В этом человеке, которого они между собой называли Стариком, была какая-то внутренняя сила, которая передавалась им. В такое время отец был очень нужен сыновьям.

С помощью террора была избрана законодательная палата из сторонников рабовладельцев и нескольких фрисойлеров^[6]. Новая законодательная палата открыла свои заседания, но фрисойлеры, узнав об ее составе, вскоре удалились. Губернатор Ридер назначил местом пребывания палаты деревушку Павнию, в двухстах сорока километрах от Миссури. Члены законодательного собрания были очень недовольны тем, что заседания должны происходить так далеко от Миссури. Они самовольно переселились в здание школы на берегу Миссури. Тогда Ридер объявил палату распущенной. Несмотря на это, палата продолжала действовать и послала в Вашингтон требование об отставке Ридера. Ридер был отстранен от должности, взамен его был назначен ярый сторонник рабовладения Шаннон.

Карта Канзаса.

Воспользовавшись тем, что палата рабовладельцев распущена, сторонники свободного штата созвали народное собрание в Топике. Здесь фрисойлеры составили проект конституции, запрещающей рабство, избрали Ридера делегатом на конгресс и постановили, что конституция должна быть утверждена народом. В то же время в Ливенуэрте, центре канзасских рабовладельцев, начала заседать рабовладельческая палата под председательством Шаннона. Две власти утвердились в Канзасе одновременно. Страсти разгорались все сильнее. Миссурийцы стали готовиться к новому походу на Канзас.

В Ливенуэрте члены «Голубой ложи» врываются в дома сторонников свободного штата, обыскивали их и отбирали оружие. Адвокат Филипс не позволил миссурийцам войти в дом; тогда они взяли дом приступом, а

самого Филиппа убили. Потом они сожгли половину Ливенуэрта, собрали всех северян, посадили их на пароход и отправили вниз по реке.

Слухи о таких событиях передавались из уст в уста и подливали масла в огонь. Джон Браун жил с сыновьями в палатке. Палатка была низкая, залезать в нее приходилось ползком, и ночью все спали вповалку. Было тесно и трудно дышать, и если человек хотел повернуться, ему приходилось будить остальных. Впрочем, все они спали, что называется, вполглаза; у каждого под рукой всегда лежала заряженная винтовка или револьвер— ежеминутно могла вспыхнуть тревога. Джон Браун ничуть не тяготился подобной жизнью. Глаза его снова заблестели, и он стал по утрам практиковаться в стрельбе.

Стрелял он отлично, так что Оливер даже слегка завидовал отцу, но Старик был недоволен и уверял, что с годами меткость ему изменила.

В ноябре произошло еще несколько столкновений рабовладельцев с аболиционистами. Как-то ночью на дороге нашли трупы северян. Это было последней каплей.

Канзас закипел, словно котел с адским варевом. С Севера начали приходить поезда, набитые вооруженными людьми. Губернатор штата Шаннон призывал на помощь «Сынов Юга». Сторонники свободного штата взывали о помощи к президенту и гражданам Соединенных Штатов. Огромные толпы миссурийцев собирались во Франклинне и по берегам Варакузы, раздавались проклятия по адресу аболиционистов. Угроза надвигалась.

В Лоренсе готовились к обороне. Джон-младший со своим отрядом строил земляные укрепления. Из Топпики для защиты города явились фермеры.

Джон послал сказать отцу в Браунсвилл, что его присутствие в Лоренсе необходимо. Старик обладал многими ценными познаниями. Он побывал в Европе, видел земляные укрепления пруссаков и англичан и, быть может, даст несколько полезных советов.

6 декабря газета аболиционистов Лоренса «Херальд оф Фридом» сообщила: «В город прибыл мистер Джон Браун, пожилой джентльмен из штата Нью-Йорк, с сыновьями».

Почти одновременно с Брауном в Лоренс прибыл губернатор Шаннон. Дело становилось похожим на настоящую войну. Из Вашингтона слали запросы, и карьера губернатора висела на волоске. Надо было во что бы то ни стало покончить дело миром. Шаннон льстил, обещал поддержку, уговаривал. В конце концов ему удалось добиться от аболиционистов обещания, что прошлое будет предано забвению.

Миссурийцы поневоле должны были разойтись по домам.

Браун с сыновьями также вернулся в Браунсвилл.

«Так окончилось канзасское нашествие, — писал он семье в Северную Эльбу, — миссурийцы вернулись к себе, претерпев значительные трудности, издержки и лишения, не разрушив и не спалив ни одного города и даже ни одной аболиционистской газеты. К их сожалению, они оставили сторонников свободных штатов хорошо вооруженными, организованными и полными хозяевами территории. Я все более и более убеждаюсь, что рабство здесь будет вскоре уничтожено...»

16. «ВРАГОВ НАДО УНИЧТОЖАТЬ»

О эта канзасская зима в недостроенных хижинах! Когда-то в молодости Джону Брауну был нипочем любой мороз. Но теперь этот снег, сухой, как песок, и ветер, воровато залезающий во все щели, наводили на него тоску. Он никак не мог согреться, и ему трудно было работать в таком холоде. Газета города Лоренса величала его «пожилым джентльменом», а соседи уже звали его «старым Брауном». Канзасская земля пока еще не приносила урожая. В Северную Эльбу приходилось посылать одни благословения, денег у Брауна не было.

Между тем в Канзасе продолжалось напряженное положение. В Топике была принята конституция свободного штата, и в январе состоялись выборы.

Это вызвало новые стычки рабовладельцев с аболиционистами. По всем дорогам шатались вооруженные до зубов молодцы из Южной Каролины, ловили проезжавших и спрашивали: «За рабовладение или против?» С отвечающими «против» расправлялись на месте.

Президент Пирс выпустил воззвание, в котором предостерегал от сопротивления избранному рабовладельцами законодательному собранию и называл правительство в Топике революционным. Президент категорически воспрещал сбор денег на Канзас, вербовку людей и снабжение их оружием. «Все попытки вмешательства будут решительно пресечены», — писал он.

Своим возванием Пирс окончательно развязал руки рабовладельцам, узаконил все их действия и открыто направил вооруженные силы государства против сторонников свободного штата. Но и в самом конгрессе в Вашингтоне было беспокойно: от речей почтенные депутаты стали переходить к драке. Сенатор Семнер назвал рабовладельцев Юга «бандой разбойников» и «гнилой отрыжкой цивилизации». За это другой сенатор, южанин Брукс, ударил Сейнера палкой по голове.

Все помещики на Юге пришли в восторг, и Брукс получил в подарок множество дорогих палок с надписями, прославляющими его «геройство».

В марте аболиционисты написали в Вашингтон прошение о принятии в Союз свободного штата Канзас. Адвокат Лэйн и губернатор Ридер — сторонники фрисойлеров — были избраны сенаторами штата; Джон Браун-младший также вошел в новоизбранное правительство.

В том же месяце палата послала из Вашингтона в Канзас комиссию

для выяснения вопроса о законности той или другой власти. Когда комиссия прибыла для работы в Лоренс, туда явился шериф округа Джонс и, чтобы спровоцировать новое столкновение, арестовал одного фрисойлера. На помощь арестованному бросились его друзья, и шерифу пришлось убраться. В тот же день губернатор Шаннон издал приказ о мобилизации всех сторонников рабовладения.

Теперь в Канзасе разгорелась уже настоящая война. Кроме добровольцев с обеих сторон, в ней принимали участие войска федерального правительства.

В апреле отряд федеральных войск был послан на помощь губернатору Шаннону. Шериф Джонс, глава этого отряда, арестовал в Лоренсе целый ряд сторонников свободного штата. Ночью кто-то выстрелил в окно дома, где остановился Джонс. Шериф был только ранен, но миссурийцы обрадовались предлогу и объявили, что Джонса убили фрисойлеры.

Газеты рабовладельцев завопили о мщении. Была объявлена официальная мобилизация для борьбы с мятежным Лоренсом. Быть может, если бы в этот момент в Лоренсе оказался «старый джентльмен» — Джон Браун, все дальнейшие события обернулись бы совсем иначе. Но Браун вспахивал с Оливером поле за своей хижинкой в Браунсвилле, и карабин его лежал рядом с винтовкой сына на возу.

Семьсот головорезов-южан под предводительством Дэйва Атчинсона, бывшего вице-президента Соединенных Штатов, начали громить Лоренс. Дэйв Атчинсон выступил перед своим «отважным отрядом», и речь его была напечатана во многих газетах.

— Мы войдем в этот проклятый Лоренс и дадим этим проклятым аболиционистам такой южный урок, которого они не забудут до самой смерти, — сказал «предводитель». — Это самый счастливый день в моей жизни, друзья. И помните: если кто-нибудь станет у вас на пути — будет ли это мужчина, или женщина, безразлично, — угостите их свинцом и отправьте к праотцам.

Возбужденные этой речью, миссурийцы набросились на город. Над ними развевалось черно-белое знамя с их девизом «Южные права». Здание почты, многие дома в городе были разрушены пушечными выстрелами. Миссурийцы подожгли редакцию газеты «Херальд оф Фридом». Они изломали печатные машины сторонников свободного Канзаса, бросили их в реку и бесновались вокруг рассыпанного по земле набора.

Гостиница, где заседал «свободный» конвент, была также разрушена выстрелами. В городе шел грабеж, погром. «Сыны Юга» громили лавки и дома фрисойлеров.

В городе шел грабеж, погром

К сожалению, в этот критический момент у сторонников свободного штата не нашлось достойного руководства. Ридер бежал, другие члены правительства спасовали перед сильнейшим противником и постановили не оказывать сопротивления.

В Браунсвилл прискакал на взмыленной лошади один из соседей.

— На помощь! Все на помощь! — закричал он. — Они жгут Лоренс! Город горит! Мы собираем всех. Встреча вечером, на калифорнийской дороге!

Джон Браун и его сыновья побросали свои мотыги: до мотыг ли сейчас! Один из сыновей сбегал за ближайшим соседом — кузнецом

Винером. Австриец Винер, такой же гигант, как Брауны, участвовал в революционных событиях 1848 года и всеми силами души ненавидел помещиков-поработителей. Он явился на зов, даже не сняв кожаного фартука, в котором работал у наковальни.

— Что надо делать?

— Идти к Лоренсу, — отвечал Браун. — Теперь нам остается надеяться только на самих себя. У нас нет вождей, и мы не можем ждать помощи от правительства. Правительство уже доказало, на чьей оно стороне. Миссурийцы действуют террором и думают, что аболиционисты отступят, постесняются отвечать тем же. Но врагов надо уничтожать любой ценой. Борьба есть борьба. Помните: «Око за око, зуб за зуб».

Он вынул из кармана потрепанную книгу, которую теперь всегда носил с собой. Это была библия, та самая, которую когда-то читала ему мать. В старости он все чаще обращался к этой книге. Он знал ее наизусть и всегда говорил сыновьям, что в библии он находит указания на все случаи жизни.

— Истинный бог — это бог гнева. Справедливость — превыше всего.

В этом обращении к богу, как помощнику во всех вопросах жизни, не было ничего удивительного в те времена. Джон Браун с его пуританскими традициями и религиозностью воплощал в себе типичные черты тогдашнего американского фермерства. Его бог был богом простых людей, в поте лица добывающих свой хлеб. Этот бог помогал ему и его товарищам бороться с засухой и недородами, он защищал своим словом права бедняков и помогал бороться с угнетателями. Но рядом с религиозностью в Джоне Брауне жил дух неистребимой мятежности, жажда настоящей свободы и вера в справедливость, которую добывают только в борьбе. И вот теперь, когда перед ним стояли и ждали его решения сыновья и соседи, он не медлил ни минуты.

— Собирайтесь, мы едем.

К ночи тридцать четыре всадника из области Осоватоми собрались на калифорнийской дороге. Среди них был старый Браун и его шесть сыновей, большие, крепкие, как деревья. Все были вооружены.

В темноте маленький отряд двинулся к Лоренсу. Всадники ехали в угрюмом молчании. Еще никто не знал, сколько именно человек ворвалось в город, с кем придется сражаться, но все уже твердо чувствовали, что пришел конец мирной сельской жизни, что войну теперь не остановить.

Над Лоренсом далеко окрест стояло зарево. Маленький отряд отправил на разведку одного из всадников. Вскоре тот вернулся.

Миссурийцы захватили мост. Их много. Несметные толпы хозяйничают в городе. Говорят, будто их около тысячи. На каждого

осоватомца придется по крайней мере двадцать человек. Идти дальше, подвергаться такой опасности — бессмысленно. Надо дожидаться подкрепления и тогда уже двигаться на Лоренс.

Джон Браун-младший, который считался у поселенцев командиром отряда фрисойлеров Поттавотоми, сказал, что приведет еще добровольцев, и вместе с Джезоном отправился собирать людей. Остальные расположились лагерем возле дороги. Здесь они будут ждать подкреплений из дальних поселков.

Наступила ночь. Джон Браун жарил на костре свинину для своих партизан и говорил с Винером. Надо что-то делать. Надо выступить поскорее и решительнее, иначе Канзас как свободная земля погибнет. Довольно церемониться с врагами. Из-за проклятой мягкотелости аболиционисты теряют все, что завоевали с таким трудом. Рабство — это нечто отвратительное, противоестественное, бесчеловечное, надо уничтожить его любой ценой. Уничтожить его путем биллей невозможно, это уже проверено. Значит, надо уничтожить рабство вооруженным путем.

Каждое слово старого Брауна находило живой отклик у кузнеца. Ведь и Винеру было хорошо известно, что происходило в «свободных» поселках Канзаса. Бесчисленные убийства ни в чем не повинных фермеров, бесчинства, постоянные вооруженные стычки, стрельба по ночам. Люди не могли ни на минуту быть спокойны за себя и за свои семьи. Миссурийцы грабят на дорогах тех, кто прибыл с Востока, вооруженные отряды останавливают фургоны и расстреливают людей только за то, что они против рабства. Пора покончить с этой жизнью под огнем.

— Они зарезали Гилла и Бракетта, изрезали так, что их и родные не узнали. Они застрелили как дикого зверя Дага. Они нападают на наши семьи.

— И за что? За то, что фермеры защищали свое право на свободную землю... — говорили люди.

Джон Браун подозвал к костру еще нескольких осоватомцев. Могут ли они назвать имена тех, кто стрелял в фермеров, возвращавшихся из Ливенуэрта? Кто был главарем банды, нападавшей на собрание в Итоне? Кто убил двух свободных негров близ Лоренса?

Конечно, они знают — это всем известные активные сторонники рабовладения. Имена назывались без колебаний: Билл Шерман, Детч Генри, Дойл-отец и два его сына.

Джон Браун вынул записную книжку.

— Я запишу эти имена, — сказал он.

Браун произнес это совсем просто, но люди, окружавшие костер,

содрогнулись. В этом старом человеке в обвисшей соломенной шляпе и дырявых сапогах, в его изможденном лице, на которое бросал свой отблеск костер, им почудилось что-то неумолимое и спокойное, как сама судьба.

Долго-долго тянулась ночь. Никто не приехал. Наутро лагерь встал еще более хмурый, напряженный. Люди не знали, на что решиться. Никому не хотелось отступить, но и бросаться опрометчиво в заведомо безнадежное дело не тянуло. И вдруг по всему лагерю точно искра пробежала: старый Браун о чем-то договорился с фермером Таунсендом. Таунсенд запрягает лошадь, и Браун куда-то едет с ним и берет с собой четырех сыновей и Винера. Винер наточил им всем старые обоюдоострые сабли.

Осоватомцы окружили старика:

— Куда вы едете? Что вы собираетесь делать?

— Мои планы касаются только меня, — резко отвечал им старик. Он подозвал сыновей: Оливера, Сэлмона, Фредерика, Оуэна. Вместе с ними был и муж Рут Браун-младшей — Томсон. Все они сложили в телегу Таунсенда сабли, несколько винтовок и узелок с едой.

— Эй, будьте осторожны! — сказал кто-то из лагеря. — Не наживите неприятностей.

Браун вдруг яростно обернулся на голос. Его возмутило слово «осторожность». Он уже много лет слышит это слово, слышит от умеренных аболиционистов, от людей, подобных Герриту Смиуту. Ему надоело это слово, оно ничего не таит в себе, кроме трусости. «Осторожность» — это слово трусов!

Семеро мужчин уехали. Ни один из тех, что оставался в лагере, не подумал ни на секунду, что старый Браун убегает от борьбы, что он покинул их в трудную минуту. Все они достаточно хорошо знали этого старого свято верил в правоту своего дела, в то, что только кровью можно смыть «грех» рабства, как он говорил, что он сумел победить их нерешительность. Теперь они все готовы были помогать ему уничтожать тех, кто уничтожал сторонников свободы человека, и все чувствовали, что он уезжает неспроста.

Телега с Брауном и его верными направилась в Поттавоттоми и дальше — в поселок рабовладельцев — Москито-Крик.

Прошел день, наступила снова ночь. Браун и его люди сидели, притаясь, в овраге, близ Москито-Крик. Так приказал им Джон Браун. Все — и сыновья, и Винер, и Томсон с Таунсендом — знали теперь, что думает делать старый Браун. Сначала план его ужаснул их всех. Но у Джона Брауна был такой дар убеждения, он так свято верил в правоту своего дела, в то, что только кровью можно смыть «грех» рабства, как он говорил, что

он сумел победить их нерешительность. Теперь они все готовы были помогать ему уничтожать тех, кто уничтожал сторонников свободы.

Когда стемнело, Браун подал знак: «можно идти».

Прогретая земля не остывала даже ночью, и воздух был насыщен теплом. Пользуясь тьмой, кучка людей в молчании дошла до поселка. Залаяли собаки. Все дома были на крепких запорах. Казалось, спущенные ставни затаенно выслеживают врага. Дом Дойла был самый большой и богатый, с длинной конюшней и хлевом. Джон Браун громко постучал в дверь.

— Кто там, во имя дьявола?! — спросил заспанный голос.

— Где здесь живет Уилкинсон? — вопросом на вопрос ответил Браун.

— Уилкинсон? Чего вы шляетесь по ночам? Обождите, я покажу вам, где живет Уилкинсон...

Долго возились с засовами, потом высунулась сердитая физиономия Дойла. Браун, увидав его, почувствовал странное облегчение: этот человек был похож на крысу. Оттеснив Дойла, он вошел со своими людьми в дом.

— Мы из Северной армии, — сказал он Дойлу, — вы в наших руках, сдавайтесь!

Дойл заметался по большой закопченной комнате. Вышли два его сына, похожие на отца как две капли воды.

— Ваша судьба послужит угрозой для других, — сказал им Джон Браун. — Больше вы не будете здесь разбойничать и мучить людей.

— Пощадите, — взмолился младший, — мы ведь еще молоды...

— Из гнид вырастают вши, — пробормотал Браун, — одевайся и выходи из дому.

— Проклятые ублюдки аболиционисты! — проскрежетал зубами старший. — Будь вы...

В соседнем доме орал и ругался Детч Генри, он услышал лай собаки и почувствовал опасность. Из дома раздался выстрел. Винеру пришлось высадить дверь и вытащить Детча Генри силой. Увидев молчаливых людей, он затих и сжался. Зато Шерман сдался без сопротивления; язык его заплетался от страха, и он еле волочил ноги.

Брауновцы ушли, оставив на берегу реки пять трупов.

Кто покарал пятерых рабовладельцев? Никто никогда не смог добиться ответа от свидетелей этой ночи. Но молва упорно называла Брауна. Он всегда говорил, что врагов надо уничтожать не жалея.

17. ФЕРМЕР-БОЕЦ

Когда высокий старик с сыновьями и Винером вернулся в лагерь сторонников свободного Канзаса, их встретил опасливый гул. Слух о том, что случилось в Москито-Крик, опередил их появление, и аболиционисты, стоявшие за осторожность и умеренность, ужаснулись. Необходимость перейти к решительным действиям так их испугала, что они отступились от Брауна. Даже больше: они объявили Брауну, что выдадут его властям, если он немедленно не уйдет из лагеря. Предупредили, чтобы ни он, ни его сыновья не возвращались в поселок Осоватоми, что аболиционисты не хотят иметь с ним ничего общего.

— Мы и не хотим возвращаться, — отвечал им Браун. — Вы стойте на коленях, если вам нравится, а мы уже выпрямились, мы будем драться.

Джон и Джезон, которые не ездили с отцом в Москито-Крик, теперь трепетали за судьбу своих семей, оставшихся в поселке. Они знали, что миссурийцы будут теперь беспощадны даже к их детям. Джон-младший был как в лихорадке. Он взобрался вместе с Джезоном на одну лошадь и погнал в сторону Осоватоми.

Весть об убийстве пяти «Сынов Юга» распространилась молниеносно. Все в Соединенных Штатах думали, что это мщение за разгром Лоренса. Рабовладельцы неистовствовали от бешеной злобы. Собrania следовали за собраниями, у всех на устах было имя Джона Брауна. Старая ненависть разгорелась с новой силой.

Джон-младший и Джезон провели одну ночь у пастора Эдера, своего родственника. Тот дрожал от страха, что и с ним расправятся за укрывательство Браунов, и наутро сказал братьям, чтобы они уходили. Но куда?

— Отдайтесь в руки регулярных войск, — сказал братьям пастор. — Вас, конечно, арестуют, но таким образом вы уйдете от дикой расправы над вами. Если вы попадете в руки миссурийцев...

Он не договорил, но и Джон и Джезон хорошо знали, что ждет их, если они попадут во власть рабовладельцев.

Джон-младший пылал от жара: у него была сильная лихорадка, бред, ехать с ним на одной лошади было мученьем: он кричал, неистовствовал, порывался куда-то бежать. Наконец ему удалось столкнуть Джезона с лошади, и он ускакал, крича что-то бессвязное и размахивая кулаком.

Джезон остался один, в лесу, в незнакомом месте. Он знал, что лес

кишит охотниками за Браунами. Два дня он ничего не ел, чувствовал себя зверем, за которым идет по следу погоня. Его знобило. Как чуда, ждал он появления синих мундиров, которые должны его спасти от рук мучителей.

И все-таки он попался миссурийцам. Блуждая по лесу, Джекзон наткнулся на отряд, Обыскивающий окрестности. Двадцать миссурийцев взвели курки, когда услышали имя Брауна.

— Ага, вот один из тех, кого мы ищем!

— О, северная сволочь, наконец-то мы тебя поймали!

— Проклятый укрыватель негров, сейчас тебе конец!

Однако Джекзон, самый слабый и нерешительный из сыновей Джона Брауна, вдруг обрел твердость, словно переродился в этот миг встречи с врагами. Он шагнул вперед, распахнул рубашку на груди:

— Вам не удастся выстрелить мне в спину. Стреляйте, смотря мне в глаза, подлые вы люди! Да, я стою за свободный Канзас, и я аболиционист. Стреляйте же!

Миссурийцы заколебались: их могут потом обвинить в убийстве безоружного. Они связали Джекзону руки и погнали его перед лошадьми. Когда он потерял сознание, его привязали к седлу и привезли в поселок Паолу, где собрались двести охотников за Джоном Брауном и его сыновьями. В лесу, возле поселка, у большого дерева стояла эта огромная стая, жаждущая уничтожить Джекзона. Местный судья тщетно пытался сказать несколько слов в защиту Джекзона. Его участие в убийстве пятерых южан не доказано, надо дать ему возможность предстать перед настоящим судом, получить право защищаться, доказать свою невиновность. Никто не слушал судью. Все жаждали крови одного из Браунов. Чадя, горели факелы. Джекзон, связанный, стоял, почти ничего уже не сознавая.

— Он сын старого Брауна! — рычали охотники. — Он сын старого Брауна!

Этого было достаточно. Судью свалили с ног, оттащили от Джекзона и накинулись на «сына старого Брауна». Ноги в тяжелых, подкованных сапогах начали топтать свою жертву. Джекзона колотили по лицу револьверами, его все ближе подтаскивали к дереву, на котором священник уже приладил петлю.

— Вздернуть его!

— Скорее, скорее!

Еще минута, и Джекзон Браун был бы повешен. Но в круг факелов вступила женщина в черном, внимательно всмотрелась в безжизненное лицо Джекзона, в озверелые физиономии его палачей.

— Оставьте его, — сказала она палачам. — Этого человека не было в

доме в ту страшную ночь. Он не приходил к нам, я свидетельствую перед вами. Присягаю, что это так. Я имею право говорить. Я жена убитого Дойла и мать его сыновей.

Так Джезону Брауну на этот раз удалось избежать смерти.

Однако ненависть рабовладельцев искала хоть какого-нибудь выхода. Если бы им попался сам Джон Браун, «старый Браун», они придумали бы для него новую, неслыханную в мире казнь. Но все поиски были тщетны: Браун исчез, исчез как иголка, брошенная в сено.

Джон Браун понимал: он должен скрываться как можно дольше, чтобы затихло возбуждение, чтобы перестали за ним охотиться так рьяно. Он должен спастись сам, а главное, спасти своих товарищей и сыновей. Люди вскоре понадобятся. Понадобятся для дела, для того большого, настоящего дела, которое теперь виделось ему уже совершенно ясно.

После ухода из Поттавоттоми у брауновцев сорок часов не было во рту ни крошки. Притаясь в глухих лесных зарослях, все они страстно мечтали о пище. Старый Браун был так же голоден, как его товарищи, но по его невозмутимому виду, по спокойному, упорному лицу никто не мог бы сказать, что он испытывает физические страдания. Наконец, видя, что Винер и остальные слабеют от голода, он приказал Оуэну пробраться в один из ближайших поселков и попытаться достать еды. Оуэн, самый послушный из сыновей, покорно ушел: может быть, отец посылает его на смерть, может быть, он наткнется на засаду и не вернется к своим, но отец принял на себя командование, он теперь отвечает за них всех, послушаться его невозможно, отец лучше знает, что им всем делать.

И вот уже ночь, а люди все ждут и ждут... Никто не смеет заговорить громко, никто не смеет разжечь огонь — это может их выдать врагу.

Еще час, еще. И вот, наконец, слышен свист. Джон Браун настораживается, велит спрятаться в заросли. Сам он со взведенным курком винтовки двигается по направлению свиста.

В темноте навстречу Брауну шагают две фигуры. За ними слышна мягкая поступь лошадей.

— Оуэн, ты?

— Я, отец.

— Кто с тобой?

— Друг, отец. Его зовут Бонди. Ты знаешь его, он тоже за свободный Канзас.

Маленький, хрупкий на вид Бонди держал на поводу двух коней. Браун разглядывал его. Несколько раз он бывал в лавочке Бонди в Лоренсе и знал, что Бонди родом из Венгрии. Зачем он пришел за Оуэном? Знает ли

он, что, если его поймают здесь, с людьми Брауна, его тоже ждет смерть?

Бонди кивнул: да, он все знает. Он пришел сюда как помощник и друг. У него ничего не осталось, миссурийцы разгромили его лавчонку и дом, он хочет тоже сражаться с ними, добывать свободу: «Я сражался за свободу в Венгрии и не боюсь».

Так у старого Брауна появился еще один боец-доброволец. Бонди показал всем им хорошее надежное место для того, чтобы укрываться в продолжение многих дней. Это место было у одного из притоков Оттавы. Браун понимал: чем ближе он будет к своим врагам, тем легче будет ему скрываться, те никогда не заподозрят, что он осмелится стоять лагерем у них под носом. Поэтому, пока его искали у Пальмиры и возле Марэ де Синь, он и его бойцы преспокойно лежали под разбитым грозой дубом и из своего лагеря слышали голоса солдат, посланных за ними в погоню и расположившихся биваком на противоположном берегу речки.

А слухи о нем будоражили умы, сводили с ума посланных в погоню. То его будто бы уже пристрелили близ Лоренса, то будто бы он и его люди напали на караульных у Лекомптона. Старого Брауна одновременно видели и возле Марэ де Синь и на сорок миль севернее — возле поселка переселенцев. Солдаты и добровольные преследователи сбивались с ног. Айверсон, майор регулярной армии, гонял своих солдат по прерии, по колючкам и лесным зарослям. Рабовладельцы обыскивали каждый клочок земли до самой границы Миссури. И никто не подозревал, что Джон Браун и горсточка его людей расположились в самом центре вражеского окружения.

Под крутым берегом шумел и дымился в сумерках весенний ручей, в сырых ветвях потрескивал огонь костра, съезживая молодые листочки. Здесь, у притока Оттавы, нашел Джона Брауна 30 мая корреспондент «Трибуны», сторонник свободных штатов Джемс Рэдпет.

Рэдпет явился в Канзас, чтобы своим пером агитировать за свободу. Война не испугала его, и он верхом, в одиночку, пустился в глубь страны. Так он ехал, задумавшись, вдоль речки, как вдруг из-за кустов высунулось дуло ружья и чья-то растрепанная медно-рыжая голова.

— Стой! Кто идет?

Вглядевшись хорошенько во всадника, медно-рыжий радушно закивал. Это был Фредерик, сын Брауна. Он встречал корреспондента в Лоренсе и знал, что это друг. Рэдпет также узнал Фредерика. Сын Брауна! Да ведь это сенсационная находка в тот момент, когда вся Америка трубит о преступлении отца!

— Не можешь ли ты сказать отцу, что...

— Да вы сами ему все скажите, — перебил Рэдпета Фредерик, — я провожу вас к нему.

И вот Рэдпет видит перед собой застывшее в свете костра суровое лицо человека, так глубоко погруженного в думу, словно весь лес и вся земля думают вместе с ним.

Корреспонденту становится неловко прерывать мысли этого человека, и он робко вступает в круг костра.

Конечно, больше всего на свете ему хочется узнать правду о Поттавооттоми, но Браун коротко пресекает попытки Рэдпета расспросить его сыновей.

— Я запрещаю всякие разговоры о Поттавооттоми, мистер Рэдпет. Если вам нужны какие-нибудь сведения, обращайтесь только ко мне, я начальник этого отряда, сэр.

— Я мог бы помочь вам, капитан Браун, — вкрадчиво говорит корреспондент. — Газета могла бы сыграть благую роль, привлечь к вам многих друзей вашего дела...

Слова эти действуют на Джона Брауна. Он становится словоохотливее:

— Конечно, на Востоке есть люди, которые могут помочь нашему делу деньгами, оружием, патронами. Ведь здесь у нас это только начало. На Юге еще услышат о нас.

Рэдпет с изумлением наблюдает старика в оборванном, побывавшем во многих непогодах платье, в рваных сапогах, из которых высовываются пальцы. Старик говорит спокойно:

— Я изучал тактику, фортификацию и здесь и в Европе. Я знаю, если собрать людей убежденных, людей честных и богобоязненных, уверенных в правде и справедливости своего дела, то с ними можно побеждать целые армии. И горы... В горах с горсточкой людей можно противостоять какой угодно сильной армии.

Горы? Старик говорит о горах? Но зачем же он, в таком случае, находится здесь, в Канзасе?

— Вы слышите, сэр, о моих планах на будущее. Но и здесь нужна моя помощь, я знаю. Канзас должен войти в Союз штатов свободным от рабства. Мы убедились: мирные переговоры ни к чему не приводят. В борьбе слишком много места занимали пустые болтуны, мелкие политиканы, которым недороги интересы ни белых, ни черных. Теперь дело за смелыми людьми, которые не боятся ничем пожертвовать ради блага народа.

Костер трещал, бросая красноватые блики на изможденное лицо Брауна, на белую неровную бороду. И такая сила убеждения была в этом

лице, такая вера в словах, что Рэдпет внутренне ахнул: этот человек и впрямь сдвинет горы, если захочет. Именно из таких и вырастают подлинные народные вожди.

— Пусть лучше оспа или лихорадка явится в мой лагерь, чем хоть один пустой беспринципный человек, — сказал он корреспонденту. — С дюжиной людей твердых убеждений я сумею противостоять хоть целой сотне рабовладельцев.

Рэдпет скрепя сердце сообщил Джону Брауну печальные вести: Джон-младший и Джемсон, которые в ночь расстрела расстались с отцом, один за другим были пойманы, избиты до потери сознания и отправлены в ливенуэртскую тюрьму. Говоря это, Рэдпет внимательно следил за Брауном, но любопытство его так и осталось неудовлетворенным. Лицо отца слегка дрогнуло, и он только пробормотал, что об этом деле необходимо подумать.

Корреспондент вскоре уехал: ему не терпелось поскорее написать о Брауне. Все газеты были полны сведений о старике и его сыновьях.

«Среди общего столпотворения возникло совершенно неожиданное обстоятельство: старый Браун... сделался легендой как среди своих, так и среди врагов. Его видят в каждой чаще и в каждой прерии, не проходит ни одной маленькой стычки, где бы он не участвовал в качестве вождя. Во Франклинне рабовладельцы разбежались с митинга, так как прошел слух, что старый Браун едет, чтобы «изъять» нескольких человек. Всю ночь у речки, откуда должен был появиться Браун, стоял большой отряд с заряженными ружьями.

Известно, что только боязнь его мести удержала рабовладельцев от казни двух его сыновей, содержащихся в ливенуэртской тюрьме. Со времени событий в Поттаваттоми он скрывается, его видят очень редко, но его влияние растет. Недавно большой отряд миссурийцев двигался на северян. Кто-то в шутку крикнул в задних рядах: «Старый Браун едет!» Мгновенно люди перерезали на мулах построю и бросились спасаться кто куда. На территории его боятся больше всего».

«Убийство в Поттаваттоми вызвало взрыв, подобный гражданской войне. Тысячи мирных противников рабства в Канзасе теперь будут в опасности, их подвергнут различным репрессиям, а те из них, которые живут в Осоватоми, будут жертвами особенно жестокого мщения.

Последние события, очень бурные, привели к странному, чтобы не сказать, противоречивому положению: старый Джон Браун стал всеми признанным поборником аболиционизма. По мнению всех, это единственный человек, который сможет защитить рабов от террора, вызванного им самим. Один из посланных сторонников освобождения

нашел стоянку старого Брауна и просил его помощи против большого отряда миссурийцев, стоящего лагерем у Блэк-Джэка.

Капитан Браун взялся командовать небольшим отрядом свободных канзасцев. На рассвете он внезапно атаковал неприятеля, разбил и рассеял миссурийцев, которыми командовал шериф Пейт. Для Джона Брауна этот бой стал как бы оправданием. Его имя теперь ничем не запятнано в глазах его сторонников, даже, наоборот, овеяно славой. Сейчас к нему прибывают добровольцы, и есть сведения, что в его лагере на Мидл-Крик уже находится сто пятьдесят человек. Он укрепляет траншеи на Мидл-Крик земляными насыпями».

«Неизвестно, сколько времени сможет действовать в открытую отряд Джона Брауна... По последним сведениям, против Брауна двигается крупный отряд из Миссури под командованием Уитфилда, но в то же время сюда идут и регулярные войска, чтобы прекратить действия обеих сторон и вообще всю эту незаконную бойню. Говорят, что старый Браун поклялся не сдаваться живым...»

Корреспонденции в газетах только в малой степени отражали то, что делалось в Канзасе.

Власти сбились с ног, разыскивая Брауна. Несколько отрядов искали его одновременно в разных местах. И в то же время в умах людей постепенно укреплялась мысль, что Браун как раз такой человек, который может стать вождем канзасских аболиционистов. Молва рисовала его непреклонным и отважным и прокладывала к лагерю Брауна невидимую тропу.

Солдаты и добровольные сыщики бродили попусту, а каждый, кому действительно был нужен Браун — вождь и покровитель, — легко и просто находил его в Оттава-Крик. Легко нашел его и капитан Шор, командующий отрядом фрисойлеров из Прерия-Сити.

Шор сообщил Брауну, что у Блэк-Джэка собрался большой отряд миссурийцев под командой виргинца Пейта. Пейт послан изловить во что бы то ни стало Брауна. У него в отряде до трехсот человек и большой обоз, так как он только что ограбил свободный поселок Пальмиру.

Браун не медлил ни минуты. Через несколько часов его отряд был в Прерия-Сити. Там его встретили с энтузиазмом: двадцать человек бросили пахоту и, взяв ружья, последовали за брауновцами.

Вскоре на дороге им удалось заарканить трех всадников из лагеря Пейта. Браун сам допросил пленников. Он получил исчерпывающие сведения. Пейт организовал свой отряд как маленькую армию — с пехотой, кавалерией и лагерными принадлежностями. Его обозные мулы тяжело

нагружены военной добычей. Сейчас отряд расположился лагерем у Блэк-Джэка, и Пейт раскинул свою великолепную шелковую палатку, которая благодаря своему пурпуровому цвету видна чуть не за пять миль.

План Брауна был четок и прост: неожиданная атака на рассвете. В ту же ночь брауновцы, оставаясь незамеченными, подошли к лагерю Пейта. Лагерь безмятежно спал. Вокруг палаток были выставлены крытые фургоны, позади паслись стреноженные лошади и мулы.

Браун разделил своих людей на два отряда. Бойцов Шора он оставил в резерве; они должны напасть на лагерь слева, когда подыметя тревога и все внимание миссурийцев обратится на первый отряд. Свой отряд Браун построил в каре. Фредерик в арьергарде сторожил коней. Все делалось быстро и бесшумно. Часовые Пейта подняли тревогу, когда брауновцы появились уже у первых палаток лагеря.

Браун приказал выстрелить по лошадям. Испуганные животные понеслись на лагерь, подминая палатки и встречных людей и ломая себе ноги об оглобли фургонов. Внезапно разбуженные, миссурийцы метались как угорелые, кричали и беспорядочно стреляли. Спросонок им казалось, что на них напало больше тысячи фрисойлеров.

Посреди хаоса и Стрельбы внезапно появился всадник. Это был Фредерик, сын Брауна.

— За мной, ребята, вперед! Они сейчас сдадутся! — закричал он своим. — Отступление отрезано!

Миссурийцы окончательно растерялись. Стрельба прекратилась. От палатки Пейта замахали белым платком. Неприятель просил пощады.

Браун выстроил свой отряд, состоявший всего из восьми человек. Сейчас явятся парламентары, нужно создать впечатление, что бойцов много. Действительно, спустя несколько минут появились два парламентаря. Браун выступил им навстречу.

— Вы капитан этого отряда? — спросил он старшего из парламентарей.

— Нет, капитан остался в лагере.

— Тогда ваш товарищ останется здесь, а вы вернетесь в лагерь и пришлете капитана. Я буду разговаривать только с ним.

Приходилось повиноваться. Явился взбешенный Пейт. Это был маленький курчавый человек желчного темперамента.

— Имейте в виду, что я уполномочен правительством! — закричал он.

Но на Брауна это, по-видимому, не произвело впечатления.

— Если у вас есть предложения, говорите, — спокойно сказал он Пейту. — После я сообщу вам мои условия. Впрочем, я требую

безусловной сдачи.

Пейт скользнул взглядом по бойцам, стоявшим за этим удивительным старым командиром. Восемь брауновцев заслоняли пустоту позади себя. Пейт остался в твердом убеждении, что бойцов не меньше полусотни. Когда он узнал, что перед ним Браун, тот самый Джон Браун, которого он должен был изловить, с ним чуть не сделались конвульсии. Позеленев от бешенства, он подписал условия сдачи: Пейт освобождался в обмен на двух сыновей Брауна — Джона и Джексона, — его люди обменивались на сторонников свободных штатов, арестованных в Паоле.

После победы над Пейтом Брауну уже не было необходимости скрываться. Он был отныне признанным вождем канзасских аболиционистов и мог действовать в открытую. Со всех сторон к нему стекались добровольцы. У Брауна был теперь отряд, был даже устав, написанный его собственной рукой:

«Настоящим мы, подписавшиеся на последующих страницах, обязуемся служить делу свободного Канзаса под руководством и командованием Джона Брауна. Мы обязуемся перед нашим командиром своим словом и честью выполнять свой долг в качестве регулярной и добровольческой части, поддерживать права и свободу всех граждан — сторонников свободного штата Канзас».

Вот каковы были некоторые параграфы этого устава:

«Безусловно невозможным признается всякое беспорядочное отступление. Каждому рядовому и офицеру предоставляется право, в случае необходимости, предотвращать всякое отступление силой. Всякая попытка покинуть поле сражения будет считаться позорной и незаконной».

«Непристойные, грубые и богохульные разговоры безусловно воспрещены».

«Каждый офицер части будет избираться большинством (за исключением командира)».

«Попавшим в плен гарантируется возможность беспристрастного суда: никто не будет предан смертной казни без такого суда».

«После наступления темноты в лагере воспрещается поддерживать костры и зажигать свет, за исключением тех случаев, когда это будет необходимо».

Сорок подписей стояло под этим уставом. Но люди Джона Брауна знали уже, что на северной границе штата стоит тысяча сто рабовладельцев — целая армия, ждущая только сигнала, чтобы расправиться с остающимися сторонниками свободного Канзаса, а поблизости от Осоватоми находятся двести миссурийцев, охотящиеся именно за отрядом

осоватомцев.

Стычки происходили почти ежедневно: то миссурийцы жгли фермы сторонников свободы, то брауновцы отбивали у миссурийцев стада. Взаимная ненависть все росла.

В поселке Осоватоми Браун устроил свою штаб-квартиру. В своей новой роли боевого командира Браун был так естествен и так свободно и умело отдавал распоряжения, что никому из новых добровольцев не могло прийти в голову, что этот седой человек никогда в жизни не был военным. Да и его самого ничуть не удивляло новое положение. Как будто все его прошлое было лишь подготовкой к этой жизни на биваке, с заряженной винтовкой у изголовья.

18. ОСОВАТОМИ

Джон Браун, которого теперь именовали повсеместно «капитаном», был со своими бойцами у Осоватоми, когда раздались частые выстрелы: это рабовладельцы явились отомстить за угон скота.

Схватив два револьвера, Джон Браун с несколькими бойцами побежал к реке.

— Был ты когда-нибудь под огнем, Парсонс? — спросил Браун бледного парня, следующего за ним.

— Нет, сэр. Но я буду выполнять приказы, как все.

— Помни, Парсонс, лучше умереть хорошо, чем жить бесславно.

Парсонс на всю жизнь запомнил старика в белом плаще, входящего в воду реки: полы плаща были, как крылья, над головой старик держал два револьвера, кругом все кричали, он был молчалив и только изредка резким голосом подавал команду.

— Ни одного лишнего выстрела! Беречь патроны!

С запада неслась двойная линия всадников, и самые зоркие бойцы уже видели, что у миссурийцев впереди пушка. Вернуться в город? Но там женщины и дети, там нельзя свободно обороняться. И вот сорок бойцов и еще несколько присоединившихся к ним жителей Осоватоми рассыпались по берегу реки, укрываясь за деревьями.

Они встретили миссурийцев огнем. Всадники смешались, но быстро перестроились, отцепили и поставили пушку. Завизжала картечь. То один, то другой боец падал в воду. Джон Браун видел, что они не смогут продержаться против пушки и двухсот всадников.

— Переходите на ту сторону! — закричал он.

Пули сыпались в воду как дождь. Неглубокий поток стал могилой двух брауновцев. Вот остальные уже на другом берегу, они достигают старой лесопилки, там можно будет задержаться, попробовать обстрелять миссурийцев еще раз.

— Стой! — кричит своим капитан Браун.

Но у бойцов подмок порох, а по пятам за ними следуют враги. Высоко к самому небу взметывает пламя: это горит Осоватоми.

Сторонникам рабовладельцев было мало того, что они сожгли и разгромили поселок Осоватоми, они жаждали окончательно расправиться с гнездом брауновцев. Генерал Рейд и его драгуны были посланы в Осоватоми. Генерал рапортовал губернатору штата:

«Прошлой ночью я двинулся с двумястами пятьюдесятью людьми на форт и поселок аболиционистов Осоватоми, главную квартиру старого Джона Брауна. Мы прошли сорок миль и атаковали город перед восходом солнца. Была короткая перестрелка в течение часа. У нас ранено пятеро, не опасно, у них убито около тридцати человек, в том числе определенно сын старого Брауна и почти наверное сам Браун.

Захвачены их амуниция и продовольствие, и мои молодцы сожгли до основания поселок, чему воспрепятствовать я не мог».

Однако радость генерала Рейда была преждевременной: Джону Брауну удалось невредимым ускользнуть от врагов. Зато известие о смерти сына Брауна оказалось правильным. Генерал Рейд только скрыл от своего начальства обстоятельства этой смерти. Он не сообщил, что Фредерика Брауна, того, которого считали не вполне нормальным, застрелил в упор священник Мартин Уайт и что убийство это произошло не в бою, а просто на дороге, где миссурийцам встретился сын ненавистного им «Брауна Осоватоми».

Неподалеку от пепелища — черного и пустынного, которое было поселком Осоватоми, в молодой дубовой роще Джон Браун молча стоял над мертвым сыном. Фредерик вызывал в его памяти почти позабытое лицо первой жены — Дайант. Было в этом сыне много общего с матерью: нервная порывистость, бегающий взгляд, внезапный смех, раздражительность. И все же отец нежно любил его. Он снял с Фредерика порывевшую от солнца и непогоды шляпу и надел ее на себя. Потом с силой вонзил в землю заступ и начал копать могилу.

Прошло несколько дней, и пятьдесят драгун в голубых мундирах снова столкнулись с крупным отрядом «свободных канзасцев». На этот раз драгунами командовал выпускник Вестпойнтской академии Шрайвер, составивший себе карьеру на подавлении восстаний племени Сиу. Ему было приказано во что бы то ни стало изловить и арестовать одного из вождей «свободных канзасцев» — Джона Брауна по прозвищу Осоватоми. В отряде Шрайвера на всякий случай присутствовал полицейский инспектор Соединенных Штатов. Именно у него находился приказ об аресте Брауна.

И вот перед драгунами более двух сотен людей, одетых в самые разнообразные костюмы, вооруженных винтовками и револьверами. Шрайвер увидел, что на берегу реки, немного в стороне от всех прочих, стоит вороной конь со старым всадником. Белые волосы всадника были спутаны ветром. Шрайверу навсегда врезалось в память лицо этого

всадника — угрюмое, непреклонное, с глубокими горестными морщинами возле сомкнутого рта.

— Даю вам полчаса на то, чтобы оставить этот лагерь, — сказал Шрайвер, обращаясь к тем, кто стоял впереди. — Я послан правительством, чтобы рассеять все ваши незаконные сборища. Ваш отряд вооружен, а у меня приказ — уничтожать все вооруженные отряды. Разойдитесь.

— Мы защищаем свои дома и свои семьи! — закричали «свободные канзасцы». — Кто гарантирует нам безопасность?!

— Безопасность? Но миссурийцы уже разошлись, — возразил Шрайвер.

— Не верим, — спокойно вмешался старый всадник на вороном коне. — И потом, сэр, мы сможем разойтись, только если вы примете некоторые наши условия.

— Никаких условий! — вскипел офицер. — Кто вы, чтобы ставить условия регулярным частям?!

— Я командую этими людьми, — старик невозмутимо смотрел на Шрайвера. — Я достаточно известен на всей территории, сэр.

— Вот как? — Шрайвер еще раз пристально оглядел коня и всадника, потом подозвал полицейского инспектора. — Престон, взгляните на этих людей. Узнаете кого-нибудь из тех, на кого выписаны ордера?

Полицейский инспектор скрестил взгляд со стариком на коне. Вероятно, он узнал «убийцу из Поттавоттоми», как величали Брауна миссурийцы, он не мог не узнать его: приметы Брауна были известны каждому на Территории. И все-таки, повинуясь какому-то безотчетному чувству, Престон отвел глаза и хмуро сказал:

— Нет, я никого не узнаю, сэр. Здесь нет тех, кого нам надо.

Между тем вокруг Лоренса снова шла борьба. Теперь аболиционисты окружили город и старались выбить из него «Сынов Юга». После недолгих, но жестоких боев, с большими потерями с обеих сторон, им это удалось. Спустя неделю в уже освобожденном Лоренсе происходило заседание аболиционистов, представляющих правительство свободного штата. Обсуждали поход на Ливенуэрт. Правительство должно было решить, кому поручить командование партизанами.

Внезапно в открытые окна донесся глухой гул. Ближе, еще ближе... Теперь уже можно было различить, что это приветственные клики. Члены конвента поспешно вышли на балкон. Радостно возбужденная толпа восторженно выкрикивала чье-то имя. Шляпы взлетали в воздух, все взгляды были устремлены на старого изможденного человека, который

спокойно въезжал в город на сильно истощенном коне.

— Да здравствует Браун Осоватоми! — кричала толпа, и Браун кивал в ответ на восторженные приветствия так спокойно и непринужденно, как будто давно привык к славе.

Это был подлинный его триумф. Власти Лоренса встречали его как почетнейшего гостя. Конвент свободного штата предложил ему принять командование над отрядами добровольцев, отправлявшихся в Ливенуэрт.

Но, по существу, партизанская война кончилась. Из Чикаго еще посылали экспедиции на помощь поселенцам Севера, а правительство Соединенных Штатов уже держало в Канзасе регулярные войска.

Начался период жестокого террора. Почти все партизанские отряды были ликвидированы правительственными войсками.

Джон Браун скрылся от правительственных и миссурийских ищеек в доме индейца, которого он некогда защитил от набегов, Детча Генри. Здесь он был в безопасности. Индеец знал, что за голову Брауна он мог бы получить много денег, но даже ценой собственной жизни не выдал бы старика, нашедшего убежище под его кровлей.

Из ливенуэртской тюрьмы удалось вырваться Джекзону, а спустя некоторое время и Джону-младшему, ослабевшему, больному, почти потерявшему рассудок.

Оба сына с трудом нашли отца. Они молили его вернуться домой, в Эльбу. «Борьба кончилась, здесь нам больше нечего делать», — твердили они отцу. Браун и сам понимал, что временно период вооруженной борьбы миновал и что сейчас в Канзасе партизанскому командиру нечего делать. В Лекомптоне собралось рабовладельческое правительство и выработало свою конституцию. Несмотря на то, что конституция эта была отвергнута населением, федеральный сенат признал Канзас рабовладельческим Штатом. Формально победили рабовладельцы.

Канзасская война многому научила старого Брауна. Он увидел, что, хотя местное свободное население победило рабовладельцев и на парламентских скамьях и на поле битвы, все-таки именно рабовладельцы, опирающиеся на центральную власть, остались победителями. Значит, единственно правильный путь борьбы — отнять власть у плантаторов. Он видел теперь совершенно ясно свой путь. «Борьба, борьба и не словом, а оружием», — повторял он.

Он писал домой, жене:

«Надеюсь, что бог позволит мне когда-нибудь вернуться домой и снова увидеть лица моих осиротевших детей и Мэри, которая страдает вместе со

мной... Если это когда-нибудь случится, то лишь очень ненадолго, потому что у меня есть большой выводок черных цыплят, за которых я должен драться. Я надеюсь, что все вы выполняете свой долг с терпением. В последнее время меня часто мучает лихорадка, и Джон нехорошо себя чувствует, во многих отношениях нехорошо... Снова один член нашей семьи почитет в земле. Это была горькая чаша, и мы хлебнули из нее полным глотком, но господь все еще владеет нами, да будет вовеки благословенно его имя. Несмотря на слабость и болезни, мы продолжаем нашу деятельность...»

Наступала зима. Вьюги все чаще свирепствовали над Канзасом. Больной, измученный лихорадкой и бессонницей, Джон Браун с двумя сыновьями ехал на восток. Тряская старая телега медленно двигалась по равнине. Джек вел лошадь под уздцы, рядом шагала исхудавший Джон-младший. На дне телеги, прикрытый от холода сеном, лежал их отец, в котором никто не узнал бы грозного капитана партизан. Даже враги не могли предположить, что этот беспомощный, дрожащий от лихорадки старик тот самый Осоватоми, которого они все еще разыскивали. Вот что доносил своему начальству лейтенант Томас Бонд:

«Лагерь у границы Небраски. Вчера в полдень мы чуть не арестовали известного здешнего разбойника Осоватоми Брауна. Было получено известие, что его и его шайку видели у Ноуча, в заброшенном доме на перекрестке. Немедленно был выслан отряд. Однако солдаты обнаружили в доме только какого-то старого фермера и его двух сыновей, ночевавших там. Оказалось, что искомый Браун успел уже перебраться в Небраску...»

А «старый фермер» продолжал свой путь на тряской телеге. Новые планы, новые мечты влекли его на Восток.

19. КАПИТАН СОБИРАЕТ СИЛЫ

На Востоке все без исключения интересовались канзасскими событиями. Многие либерально настроенные дельцы стояли за свободные штаты, жертвовали деньги в комитеты помощи переселенцам и помещали статьи в газетах. Они с восторгом приняли человека, сражавшегося в прериях и потерявшего там сына, человека, за которым так рьяно охотились рабовладельцы.

Брауна пригласили в комитет помощи переселенцам. Не возьмет ли он на себя организацию отряда или маленькой армии из членов комитета в Канзасе? Для этого нужны средства и оружие? Ну что же, мистеру Брауну не трудно будет собрать то и другое, пусть только он побольше рассказывает северянам о Канзасе. Однако мистер Браун обязан помнить: деньги и оружие должны идти исключительно на оборону.

Здесь тоже предпочитали лицемерить.

Итак, Джон Браун отныне был облечен полномочиями комитета. Он собирал ружья и доллары, печатал в газетах воззвания: «Я прошу всех искренних защитников свободы и человеческих прав, будь то мужчины или женщины, поддержать это дело посильной помощью».

Выступить более открыто Браун не решался. Слишком много врагов оставалось у него в Канзасе. Каждый южанин с удовольствием прикончил бы старого Брауна.

Из Северной Эльбы пришло письмо Джона-младше-го, уехавшего домой вместе с Джезоном: «Вчера через Кливленд проехал полицейский комиссар. Я узнал, что у него есть ордер на твой арест за канзасские дела. Будь осторожен, отец».

Аболиционисты из комитета советовали Брауну изменить внешность. Его раздражали эти советы, хотя они не лишены были смысла. Брауну пришлось отпустить бороду.

В доме судьи Рэссель, аболициониста, где жил Джон Браун, соблюдалась строгая конспирация. На ночь гость клал под подушку револьвер. Он говорил жене судьи:

— Я не хотел бы портить кровью ваши ковры, но вы знаете, я не могу живым отдаться им в руки. Здесь, в моем револьвере, восемнадцать жизней.

И он просил ее в случае тревоги прятать ребенка, иначе, стреляя, он будет бояться за малыша.

В особняках самых почтенных граждан Новой Англии^[7] начались тайные собрания, на которых выступал старик с белой неровной бородой и лицом ястреба. Его грубая обувь, его пасторский сюртук — все это производило впечатление. Хрипловатым, резким голосом он говорил слова, пронизывающие своей силой и убежденностью:

— Я иду крутой дорогой. Единственная цель моей жизни — служить делу свободы. Я не открываю мои планы. Их никто не знает, кроме меня.

Его спрашивали:

— Капитан Браун, вы начали вашу борьбу против дискриминации от имени Общества помощи эмигрантам?

— Нет. Я начал борьбу против этой поганой, старой блудницы от имени Джона Брауна.

Этот ответ повергал всех в трепет и восторг. У Брауна теперь появились друзья и почитатели. Самые разнообразные люди добивались его расположения и доверия и с готовностью помогали ему. Среди этих людей были: Теодор Паркер — знаменитый бостонский проповедник, доктор Сэмюэль Хоу, который во время своего кругосветного путешествия сражался на стороне восставших греков против турок, Томас Хиггинсон — унитарийский священник, который потом стал писателем, в войне Севера с Югом воевал во главе негритянского полка и был серьезно ранен, Лютер Стирнс — осторожный биржевик — председатель Канзасского комитета Фрэнк Сэнборн — окончивший Гарвардский университет восторженный и пылкий юноша — секретарь Канзасского комитета штата Массачусетс и другие.

То, что Браун объединял таких различных людей, показывает силу его обаяния. Даже враги его не могли отрицать эту силу. Эндрью, губернатор штата Массачусетс, случайно увидевший Брауна в Бостоне, писал впоследствии: «Это был очень привлекательный человек, умевший сильно влиять на людей».

Сэнборн предоставил Брауну все свои деньги, полученные от отца.

Браун сразу сделался героем молодежи. Таким представлялся молодым аболиционистам идеальный борец за свободу. Лицо Брауна, его холодные глаза, сдержанные манеры — все отвечало образу героя. Он мог располагать ими, их жизнью, их средствами — они щедро отдавали ему себя.

20. ШЕСТИФУТОВЫЕ ПИКИ

Сбор в помощь Канзасу продолжался. Момент этому благоприятствовал: на пост президента Соединенных Штатов только что прошел сторонник рабовладения Бьюкенен, и в верховном суде начался процесс Дреда Скотта.

Юг и Север с одинаковым вниманием следили за этим процессом. Негр Дред Скотт был рабом военного врача Эмерсона. Хозяин взял его с собой сначала в Иллинойс, а потом в Висконсин, где рабство было отменено. Он так жестоко обращался со своим рабом, что Дред Скотт подал на хозяина жалобу в суд. Произошла неслыханная вещь: впервые раб осмелился поднять голос и пожаловаться на физическое насилие.

Делом заинтересовались самые выдающиеся адвокаты. Представители аболиционистов и рабовладельцев встретились на этом суде, как на поле брани. Дред Скотт, как человек, отступил на задний план: в суде боролись две системы, два принципа. Все усилия аболиционистских адвокатов сводились к тому, чтобы доказать, что раб, живущий на свободной земле, уже перестал быть рабом. Судья вначале поддержал их, но верховный суд Миссури отменил это решение. Было установлено, что хозяин негра менял местожительство временно и его права на собственность сохраняются, согласно законам того штата, в котором он живет постоянно.

Между тем Эмерсон успел продать Скотта и его семью некоему Сэндфорду из Нью-Йорка. Новый хозяин начал с того, что избил непокорного раба до полусмерти. Снова было возбуждено дело о побоях уже в новом суде. Сэндфорд отрицал, что он бил Скотта, говоря, что он только «приложил руки», чтобы заставить его слушаться, и что это его право по отношению к невольникам. Суд подтвердил законность этого заявления. Декабрьские сессии 1855/56 года занимались исключительно делом Скотта.

В 1857 году верховный суд вынес историческое решение: невольник есть такой же вид частной собственности, как и всякий другой товар. Этим решением суд уничтожил последнее различие между свободными и рабовладельческими штатами.

До тех пор беглый негр, переступив границу свободного штата, мог считать себя свободным. Иногда с помощью подкупленной полиции плантаторам удавалось похищать своих беглых негров, но таких случаев становилось все меньше. Во многих западных штатах местная власть

относилась уже враждебно к рабовладельцам и не только не оказывала им содействия, но даже препятствовала поимке беглого.

Дело Скотта сразу узаконило ловлю негров во всех штатах. Теперь всюду и во всякое время появлялись ловцы негров и требовали от властей содействия. На улицах разыгрывались безобразные сцены: негров хватали, били, заковывали в кандалы.

«Демократические» политики призывали народ терпеть, не прибегая к насилию, а вести борьбу исключительно парламентским путем. Но в народе росло отвращение к Югу и южанам. Поэтому живая, действенная борьба в Канзасе снова начала привлекать всеобщее внимание, и Джону Брауну нетрудно было вызвать интерес к своему делу.

Стирнс, известный аболиционист, добился, чтобы комитет предоставил Брауну две тысячи винтовок и четыре тысячи патронов, и члены комитета собрали ему пятьсот долларов с тем условием, чтобы все, что дает комитет, шло исключительно на цели обороны. Браун выслушал это решение с подавленной яростью: «Только для обороны! О проклятые лицемеры! Пускай бы они явились сами в Канзас и попали в руки миссурийцев! Тогда они забыли бы свои разговоры об обороне!»

Однажды он даже не выдержал и с горечью сказал Сэнборну:

— Если бы я только мог получить для своей борьбы те деньги, которые они прокуривают в Бостоне за один день!

Между тем время шло, прошла зима, приближались первые месяцы весны, а денег и оружия было все еще мало. Хиггинсон по крохам собирал деньги среди своих прихожан. Теодор Паркер в своем приходе произносил зажигательные проповеди, но результаты были ничтожны. Геррит Смит прислал небольшую сумму, — всего этого было недостаточно для того, о чем думал Браун.

В феврале примчался взволнованный, радостный Сэнборн. Ему удалось договориться с Национальным канзасским комитетом. Это крупная организация с большими финансовыми возможностями. Члены комитета хотят послушать, что скажет им капитан Браун. Собрание состоится в Нью-Йорке. Съедется не меньше ста человек.

Джон Браун сказал хмуро:

— Я предпочел бы встретиться лицом к лицу с двадцатью бандитами из рабовладельцев. Боюсь, я не опытный оратор.

Однако в назначенный день он был в Астор-Хаузе, на собрании комитета. Сэнборн, как делегат от Массачусетса, внес предложение предоставить капитану Джону Брауну пять тысяч долларов для работы в Канзасе.

Капитану Джону Брауну пять тысяч?! Гул пронесся по Астор-Хаузу. Здесь были делегаты из дальних западных штатов, которым было хорошо знакомо имя Брауна Осоватоми. Мистер Браун — сторонник насильственных мер. Мистер Браун использует деньги для чего-нибудь такого, на что комитет не может пойти ни в каком случае. Мистер Браун опасный человек!

Брауну учинили «допрос с пристрастием»:

— Если вам будут выданы пять тысяч долларов и оружие, станете ли вы насильственным путем вторгаться в Миссури и прочие рабовладельческие штаты? Станете ли вы не только обороняться, но и нападать?

— Вы знаете о моей судьбе, знаете, что я делал в Канзасе, знаете, что я потерял в этой борьбе сына, — Отвечал Браун, — я Не намерен подвергаться такому допросу. Если вы решаете дать мне деньги и оружие, дайте их без всяких условий и ограничений.

После долгого спора комитет постановил выдать капитану Джону Брауну двадцать пять кольтов флотского образца, двенадцать ящиков одежды для экипировки шестидесяти человек, пять тысяч долларов для любых мер обороны в случае, если такие меры окажутся необходимыми.

Для «оборонительных» мер этого, может быть, было и достаточно, но не для тех планов, которые лелеял Браун. Чтобы осуществить то, что он задумал, ему нужно было по крайней мере в пять раз больше денег и во много раз больше оружия.

Он снова выступил перед Объединенным комитетом по федеративным делам при Массачусетском законодательном собрании. На заседании обсуждался вопрос о материальной поддержке массачусетских переселенцев в Канзасе. Однако обсуждение вопроса было отложено на неопределенное время, и Браун ушел с заседания в тоске и ярости. Нет, он все-таки добьется своего!

И вот начинается целая серия его поездок и выступлений. Он выступает в школах, ратушах, церквях. Он побывал и в своем родном штате Коннектикут. Почти всюду он начинал свою речь так:

— Только с большой жертвой для своего самолюбия я выступаю перед вами. Но я поставил целью своей жизни собрать в свободных от рабства штатах около двадцати пяти тысяч долларов, чтобы иметь возможность продолжать борьбу за свободу.

В Ворчестере Брауну удалось получить пушку и две винтовки. В Спрингфилде он собрал сто пятьдесят долларов, в Хартфорде — шестьсот, на трех собраниях в Коллинсвилле и Кантоне — всего восемьдесят

долларов. Пожертвования собирались туго. А между тем канзасские комитеты и благотворители Новой Англии начинали уже волноваться и запрашивать: почему капитан Джон Браун остается здесь, когда ему давно надлежит быть в Канзасе? Они дали ему все, что нужно для обороны, чего же он медлит? Как только наступит весна, в Канзас из пограничных штатов снова хлынут банды рабовладельцев. Капитан Браун должен стоять на страже границ Канзаса!

Джон Браун отвечал, что он еще не готов, но что скоро выедет в Канзас. Его план принимал все более определенные очертания. Теперь он ясно видел свою цель. В Коллинсвилле он повидался с кузнецом Блейром. Придя в мастерскую, он вытащил из-за голенища и показал Блейру кортик, который был с ним в одном из сражений. Кузнец внимательно осмотрел острие:

— Славная штучка. Сделать такую шестифутовую, так можно идти против любого оружия.

Браун повернул к нему внезапно оживившееся лицо:

— Отличная мысль, мистер Блейр. Я тоже думаю, что такие штуки очень могли бы пригодиться нашим переселенцам в Канзасе. Они были бы по руке даже женщинам. Можно было бы обороняться такими пиками от нападений рабовладельцев. Сколько вы возьмете, мистер Блейр, за такие наконечники для пик, если делать их оптом, скажем, пятьсот или тысячу?

— Если тысячу сразу, я сделал бы их вам по доллару за штуку, мистер Браун.

Так в коллинсвиллской кузнице был заключен договор: кузнец Блейр обязывался изготовить для мистера Брауна из Канзаса тысячу наконечников для пик по доллару за штуку. Блейр подписал условие с большим удовлетворением: и заказ был выгодный, и, кроме того, в деле аболиционизма теперь была и его доля.

Браун заехал на несколько дней домой, в Северную Эльбу. Дом показался ему постаревшим и как-то осевшим набок. Молчаливая и деловитая Мэри растила младших девочек — последнее, что у нее осталось от семьи. Слава мужа мало трогала ее, но она видела, что он живет полной, напряженной жизнью и счастлив.

Белая длинная борода делала Брауна стариком, но голос его звучал молодо, глаза блестели. Он же увидел перед собой усталую женщину в поношенном платье, с гладко зачесанными сухими волосами. Холодок отчуждения прошел между ними: слишком долго они не виделись. Но все же она была матерью его детей, и он расспрашивал ее о доме, о дочерях, об огороде. Когда-то это был мир, удовлетворявший его, теперь он казался ему

слишком личным и мелким. Он пробыл недолго, бегло поцеловал всех на прощанье и оставил немного денег.

Разбухшая от записей книжка лежала в сюртуке Джона Брауна. Пройдет несколько месяцев, и книжка эта попадет в руки суда. Что он записывает в ней, этот старый фермер?

«Должен вернуться на Запад, не обеспечив себя всем необходимым. Я должен вернуться, не обеспечив даже достаточного количества снаряжения для моих людей, не говоря уже об их прокормлении. Когда я вернулся, мне уже нечем было рисковать, и я не мог идти на дальнейшие жертвы, кроме выпрашивания милостыни, что я и делал, как это ни унижительно. Должен вернуться на Запад, чтобы сохранить расположение комитета. Когда я пойду походом в Африку, сочувствие и поддержка этих людей будет мне очень необходима. Тоска на сердце».

И дальше он старательно выписывает:

«Черкесия: около 560 000. Швейцария — 2 032 030. Партизанская война, см. Жизнь лорда Веллингтона, стр. 71 по 75, см. также стр. 302, некоторые ценные указания.

Стр. 196 — важные указания для командиров (дисциплина и варка пищи).

См. также в этой книге стр. 235 слова: Глубокие и узкие ущелья, трехсот человек достаточно, чтобы удержать целую армию».

Чарльз-Таун. Сан-Антония, Сан-Луи. Августа.

Джорджия. Литтл Рок. Харперс-Ферри».

Странно, что в книжке выписываются страны и места исключительно горные, с «глубокими и узкими ущельями», где маленький отряд может удержать «целую армию».

21. «ПОЛКОВНИК» ФОРДЗ

Пики делались якобы для защитников свободного Канзаса. Но это был только удобный предлог. Страна, для которой Браун готовил оружие, лежала гораздо ближе. Только один человек в мире был посвящен в планы Брауна. Этот человек был англичанин Хью-Фордз.

Искатель приключений по профессии, Фордз сам себя именовал «полковником». В 1848 году он сражался в войсках Гарибальди, провозглашал в Италии республику и участвовал в партизанской войне в Альпах. Он одинаково легко объяснялся на итальянском и французском языках. Какие-то не совсем чистые дела в Европе заставили его перекочевать в Америку. В ожидании лучших времен он перебивался в Нью-Йорке случайными переводами и статьями на военные темы. Эти-то статьи и привлекли к нему внимание Джона Брауна.

Он отыскал «полковника» где-то на задворках плохих меблированных комнат. На Фордзе был военный мундир без пуговиц и погон. Его худое лисье лицо внушало мало доверия: тонкий нос, казалось, все время к чему-то приплюсывался. Однако этот человек участвовал в событиях, сведения о которых Джон Браун любовно подбирал и вписывал в свою записную книжку.

Фордзу нетрудно было догадаться, какого рода человек находится перед ним. Он почуял в воздухе добычу и постарался в первую очередь сломить недоверие посетителя. Это ему скоро удалось. Он умел так увлекательно рассказывать о Гарибальди, о лишениях, которые им приходилось переносить в горах, о сражениях с австрийцами. Он показал Брауну рубцы от сабельных ударов — два на груди, один на шее.

Браун был побежден. Согласен ли «полковник» поделиться с ним своими военными познаниями? Не может ли он уделить Брауну часть своего времени, чтобы стать его военным инструктором?

Фордз постарался скрыть изумление. Старый «фанатик», как он мысленно определил Брауна, желал изучать военное дело?! На старости лет он вдруг вздумал заделаться новобранцем?! Все это показалось ему подозрительным. Дело не так просто, как кажется! Лисий взгляд Фордза со всех сторон обшарил посетителя. Черная одежда, лицо как у деревенского пастора, и все же есть в этом лице что-то такое, что заставляет «полковника» задуматься. Многими окольными вопросами ему удалось вытянуть из Брауна часть его плана. Фордз не знал, смеяться ему или

рукоплескать. Старый безумец задумал совершить не что иное, как переворот в Америке.

И Фордз слушал, не веря своим ушам, подробности этого неслыханного по своей дерзости предприятия. Через несколько месяцев Браун организует военную школу для наиболее преданных ему юношей. Из питомцев этой школы он подготовит вождей будущего восстания. Цель восстания — покорение Юга. Солдатами освободительной армии будут сами негры, которые ненавидят своих поработителей. Надо только суметь организовать эту ненависть, собрать ее воедино и направить взрыв. Операции вначале развернутся в обособленном, отдаленном штате, так что столкновение с правительственными войсками произойдет уже тогда, когда восстание будет в разгаре. Разумеется, местная милиция захочет вмешаться, но тут дело «полковника» убедить войска.

Браун говорил об этом так серьезно, с таким уверенным видом и подробностями, что Фордз вдруг почувствовал: этот удивительный старик умеет покорять. К тому же пахнет деньгами: старик готов вложить в свою безумную затею все деньги, которые он собрал на Севере.

Браун сказал Фордзу, что, прежде чем выступать на Политической арене, надо много и долго учиться и что он еще не чувствует себя подготовленным для своего великого плана. За сто долларов в месяц «полковник» соглашается преподавать Брауну военное дело. Кроме того, он берется написать для военной школы Брауна руководство по ведению партизанской войны. Вместе они придумывают название для этой полуучебной, полуагитационной книги: «Руководство патриота-добровольца».

Но Браун не остановился на этом. Он мечтал склонить на свою сторону американских солдат, он думал, что найдет немало сторонников в правительственных войсках, которые ненавидят рабовладельцев и с радостью перейдут в его повстанческую армию. Но для этого был нужен человек, который умеет разговаривать с солдатами. Гарибальдиец Фордз должен помочь ему и в этом.

Вдвоем они написали воззвание к американским солдатам. Воззвание было написано горячим и образным языком. «На земле не существует такого закона, который обязывал бы делать то, что явно противоречит справедливости и чести. Неужели солдаты республики захотят стать живыми машинами, без мысли, без чувств, и будут поддерживать насилие?»

Фордз чувствовал, что дело заходит далеко: старый безумец затягивает его в опасное предприятие. Но теперь Браун у него в руках, он владеет его

тайной и постарается выжать из Брауна и его друзей как можно больше денег. Кстати, момент благоприятствует замыслам «полковника». Браун уезжает, оставив ему несколько адресов и доверенность на случай, если Фордзу понадобятся дополнительные средства.

Комитет снова требует, чтобы Браун ехал в Канзас; все, кто давал ему деньги и оружие, настаивают на его отъезде туда. Скрепя сердце он покоряется. Он знает, что в Канзасе теперь более заняты избирательными урнами, чем винтовками, что все там утомлены борьбой и жаждут покоя. Но жертвователи не хотят ничего слушать: они дали деньги на оборону Канзаса, нужды нет, что там теперь никто ни от кого не обороняется, — Джон Браун должен ехать в Канзас!

Все же на этот раз он уезжал более уверенный: он может теперь собирать людей для своего дела, собирать бойцов, у него есть опытный военный консультант, у него заказаны пики, у него есть на Востоке несколько действительно преданных сторонников, в том числе негр Фредерик Дуглас, который уже готовит своих соплеменников для борьбы.

В отсутствие Брауна Фордз начинает с того, что обходит всех его друзей и всюду просит денег. Он показывает доверенности и говорит, что должен послать Брауну в Канзас дополнительно крупную сумму. Он является и к Герриту Смиту, называя себя ближайшим другом Брауна. Но его лисья физиономия внушает подозрение: аболиционисты неохотно вступают в разговоры с мнимым полковником; и ему удается сорвать с них лишь жалкие гроши. Тогда Фордз начинает шантажировать. Он говорит Смиту и остальным, что знает о государственном перевороте, задуманном аболиционистами, и дает понять, что если он не получит денег, то правительству станут известны все замыслы Брауна и его друзей.

Смит напуган чуть не до потери сознания; он вручает Фордзу крупную сумму и глазами кролика смотрит на этого удава в сером полувоенном сюртуке. Спустя несколько дней он вздохнул с облегчением: Фордза больше нет в Нью-Йорке. Он уехал, вызванный письмом Брауна в Тейбор, штат Айова.

Браун явился сначала в Лоренс, к агенту комитета. Тот сообщил ему, что пока на Территории сравнительно спокойно, до весны рабовладельцы, по-видимому, не подымутся. Однако для капитана Брауна есть пятьсот долларов и снаряжение, которые ему приказал выдать комитет. Агент хотел получить от Брауна исчерпывающую информацию. Каковы будут его планы на ближайшее время? Он обязан сообщить комитету.

Капитан отделивался неопределенными словами, обещал вернуть

комитету оружие, «если в нем не встретится надобность», а сам держался странно, куда-то исчезал по ночам, принимал в своей конурке каких-то неведомых людей; потом вдруг уехал. Агент писал благотворителям из Новой Англии.

«Я передал ему пятьсот долларов, палатки, постельные принадлежности, патроны. После этого он вдруг уехал, отказавшись сообщить, куда едет и как его найти. Однако дал слово, что явится, если положение здесь этого потребует, и поклялся отдать жизнь для избавления Канзаса от рабства. С тех пор я о нем не слышал, и здесь нет никого, кто мог бы знать, где находится капитан Браун. Он попросту исчез из Канзаса».

22. ДЕСЯТЬ «СТУДЕНТОВ»

В прерии близ Топики Браун собрал тех, кто дрался рядом с ним в Осоватоми и Блэк-Джэке. Костер потрескивал в сухой траве, холодный ветер взметал вверх пламя, и глаза у людей слезились от ветра и дыма. Тут был Аарон Стевенс, высокий чернобородый человек с бархатным певучим голосом и мягкими манерами. Никто не знал, кто он и откуда пришел в Канзас. Но Стевенс был лучшим стрелком в отряде, он умел строить укрепления и свирепо ненавидел рабовладельцев. В те дни все это считалось вполне достаточной рекомендацией. Потом был Кэги, бледный и маленький, с пытливыми глазами на безусом мальчишеском лице. Кэги изучал право и латынь, знал историю и мог служить живым справочником по географии. Двадцать четыре сабельные, пулевые и штыковые раны остались на нем в память канзасской борьбы. Рядом с ним полулежал Джон Кук, стройный, черноволосый и галантный, гроза канзасских мужей-ревнивцев. Его сосед слева, Чарли Моффет, белокурый и нежный как девушка, казался полной ему противоположностью.

Ветер гнал желтые листья, свинцовые тучи собирались у края неба. Треугольники гусей с криком пролетали на юг, и люди молча провожали их глазами.

Браун кратко сообщил, зачем он собрал их в прерии. Он ждет от них большого дела, но прежде им всем надо подготовиться. Они должны уехать из Канзаса в Айову и там пройти военную школу. Вскоре предстоят серьезные события, им надо быть готовыми к жестокой борьбе с рабством. Сейчас он не может сказать больше ничего. Но все они знают его, видели, чего он стоит и на что способен. И он также знает их давно как врагов рабства и отважных бойцов. Вот почему он выбрал именно их для своего дела. Итак, пусть каждый скажет свое слово.

Костер едва тлел. Где-то далеко в прерии жалобно выли собаки. Люди думали не долго. Позади был голод, извечная борьба с плантаторами, налоги, притеснения.

Быть может, старый Браун из Осоватоми научит их, как построить новую, лучшую жизнь? Пусть старый Браун ведет их, они все пойдут за ним!

Следующее утро застало их уже на конях. Они двигались к Северу. Через четыре дня они были в Тейборе — маленьком степном городке. Рабовладельцы ненавидели этот городишко, потому что он слыл самой

важной станцией «подземной железной дороги», но для негров это был светоч, сияющий им на их страдном, страшном пути к свободе, в Канаду. Здесь жили двести поселенцев из Огайо, почти все они были аболиционистами и помогали чем могли сторонникам свободного Канзаса. Сюда приходили и приезжали все чающие свободы, сюда являлись лечить раны, полученные в борьбе, и хоронить убитых. Сюда приехал и Оуэн Браун залечивать раны; и вокруг него собрались те, кто был в брауновском отряде.

Здесь сына и его товарищей нашел Джон Браун, с Оуэном было пять человек: беглый негр Ричардсон из Миссури, у которого через все лицо шел рваный шрам; квадратный крепыш Тид — художник-самоучка, вырезавший из дерева чудесные фигурки и попадающий тем же ножом в двадцати шагах прямо в сердце человека; сражавшийся под командованием Брауна под Осоватоми Люк Парсонс; рыжебородый, со свирепым, сильным лицом валлиец Рольф, который слагал стихи о свободе; девятнадцатилетний Лимен — живой как огонь, забияка и ругатель, которого приходилось все время одергивать, потому что Старик не терпел ругательств. Десять «студентов» и «учитель» с непреклонным лицом и холодными каменными глазами.

Фордз, вызванный строгим письмом Брауна, привез в Тейбор написанное им «Руководство». Браун внимательно просмотрел: «Руководство» было составлено хорошо и могло служить популярным учебником для военных. Он записывает в своем дневнике:

«10 августа. Сегодня прибыл Фордз. Он привез с собой справочник. Хорошая работа с блестящими суждениями о тактике армий. Это как раз то, что нужно для нашего дела. Я доволен: вижу, что был несправедлив к нему. Дал ему сегодня шестьдесят из моих последних ста долларов. Оуэн этого не одобряет.

17 августа. Еще ничего не предпринял по отношению к канзасцам. Пока мне это еще не по силам, но теперь уже недолго ждать. Пока мы начинаем брать уроки, и у нас (по моему мнению) очень подходящий учитель. Сегодня впервые стреляли в цель на окраине Тейбора. Изучаем справочник Фордза. Обсуждаем вопросы военной тактики и планы.

21 сентября. Фордз очень назойлив. Утверждает, что был нанят в качестве военного инструктора, и спрашивает, где мои люди. Терпенье, терпенье, день настанет.

14 октября. Раздражен. Встревожен. Фордз отвратителен. Требуется еще денег. Начинает откровенно критиковать мой план. Я сказал, что он глубоко

ошибается, если думает, что я позволю ему или кому-либо указывать мне, как вести себя или выполнять мой долг. Оуэн твердит, что нужно без всяких церемоний избавиться от этого человека, но приходится соблюдать осторожность. Я его опасаюсь и думаю, что поступил глупо, доверившись ему.

1 ноября. Фордз уезжает на Восток. Ничего не сообщает о своих планах. Твердит, что по-прежнему крепко стоит за меня и явится, когда люди будут собраны. Я в безвыходном положении, рисковать открытым разрывом невозможно. В противном случае, я показал бы ему, чего он заслуживает. Я сказал ему: «Надеюсь, вы оправдаете мое доверие...» Придется просить Фредерика Дугласа и других друзей внимательно следить за ним. Устал. Каким одиноким я себя чувствую!»

Фордз и в самом деле держался напыщенно и напускал на себя таинственность. Смутное подозрение охватило Брауна. Он постарался поскорее отделаться от Фордза, вручил ему некоторую сумму денег и отправил в Нью-Йорк. На первое время военным инструктором молодежи мог быть Стевенс.

Они провели неделю в Тейборе, готовясь к путешествию. Школа должна была обосноваться в Спрингдейле, глухой деревушке штата Айова. Только это и знали будущие «студенты». Браун хранил упорное молчание. Моффет, который сам командовал отрядом в Канзасе, пробовал его выспрашивать, но ничего не добился. Кук начал было болтать с тейборцами насчет великих дел, которые им всем предстоят, но получил от Брауна строгий приказ держать язык за зубами.

В последнюю ночь Браун велел своим людям погрузить в фургон упакованные в ящики ружья, одежду, амуницию. Когда они кончили, он позвал их в дом, где они остановились.

— Завтра мы выезжаем, — начал он, твердо глядя людям глаза, — нужно, чтобы вы кое-что узнали перед отъездом. Дело в том, что мы больше не вернемся воевать в Канзас... Мы не будем сражаться и в Миссури. Путь наш лежит на юг. Когда мы выучимся воевать, мы отправимся уничтожать рабство в Виргинию.

Они стояли ошеломленные. Это было как гром. Поднялся ропот, раздались крики:

— Это безумие!

— Вы нас подвели!

— Чепуха, пусть идет, кто хочет...

Браун молча выждал, пока они успокоились. Первым опомнился Кэги и придвинулся к нему:

— Дайте досказать капитану.

— Двадцать лет я мечтал освободить рабов. Эта Мысль владела мной как страсть. Теперь час настал. Завтра мы сделаем первый шаг по этому пути. Я вас не неволю: вы можете идти или оставаться, как вам вздумается. Но не давайте мне легкомысленных обещаний: если вы последуете за мной, будьте готовы ко всему. Вы знаете, какое дело нам предстоит: оно потребует от нас многих жертв и напряжения всех наших сил. Я даю вам на размышление ночь. На рассвете мы выступаем.

В эту ночь никто не ложился. То в одном, то в другом углу хижины вспыхивали споры. Многие считали, что Канзас важнее и что там предстоит еще серьезная борьба. Но Браун нарисовал им такую картину их выступления в Виргинии, перед которой канзасская война показалась детской затеей.

И на рассвете следующего дня два фургона выехали из Тейбора; в них ехали Джон Браун и десять «студентов».

Стояла суровая зима. Четыре недели они пересекали заснеженные степи Айовы. Снег слепил им глаза, и ледяной ветер студил, казалось, самое сердце.

Ночью они останавливались среди снежной пустыни и разжигали костер. Еды было мало, приходилось экономить продукты, но молодежь не роптала: было в этом путешествии что-то такое, что заставляло каждого подтягиваться, пренебрегать неудобствами и крепко засыпать на снегу под колыбельную песню, пропетую волками. Каждый чувствовал себя отныне носителем великой идеи, и это поддерживало непрерывное внутреннее горение.

Уже в пути начались занятия. Браун записывает в своем дневнике: «Горячие споры о том, как отзовется освобождение рабов на южных штатах, на северных, на торговле и промышленности, также на британских провинциях. Откуда пришла наша цивилизация? Разговор о предрассудках насчет цвета кожи. Вопрос, предложенный для обсуждения: величайший полководец — Вашингтон или Наполеон?»

В этих спорах, часто наивных и неумелых, высказывалась вся их непосредственность и неискушенность. Десять юношей готовились строить новый мир и хотели постигнуть все, что может им для этого понадобиться. Они стали заметно серьезней: школа должна была сделать из них не только солдат, но вождей, организаторов и будущих политических деятелей. Ответственность тяжело легла на их плечи. Даже Лимен прекратил свои шутовские выходки.

Иногда перед сном они пели. Бархатный бас Стевенса затягивал старинный негритянский гимн «Раб узрел Полярную звезду», и ему вторил ясный голос Брауна. Постепенно присоединялись остальные, и странно звучало посреди снегов это пение, в которое иногда врывалась протяжная дикая нота: то выли голодные степные волки.

В новогоднюю ночь разразилась метель, и путешественники еле отыскали дорогу в Спрингдейл. Это был тихий квакерский поселок, в котором Браун решил обосноваться. Под «школу» сняли ферму квакера Мэкстона. Мэкстон не задавал никаких вопросов: он стоял за мир, но в то же время ненавидел рабовладение. Как и все остальные жители поселка, он думал, что Браун готовит свой отряд для Канзаса.

«Студенты» жили у фермера и получали пищу за полтора доллара в неделю с каждого. В счет уплаты Мэкстон соглашался взять фургон и некоторое снаряжение. Однажды он сам отдал Брауну двадцать долларов «на нужды свободы», как он выразился.

Никто не удивлялся, когда встречал на большом поле за фермой десять парней и их седобородого учителя. Джон Браун указывал им на естественные укрепления. Они учились брать возвышенности и обороняться от нападений больших вражеских отрядов. Капитан показал им, как строятся зигзагообразные окопы, в которых можно долго удерживать свои позиции. В холодные и дождливые дни они сидели дома и изучали «Руководство», составленное Фордзом, или беседовали на политические темы. Они организовали «пробное правительство», нечто вроде законодательного собрания, и набрасывали проекты законов для будущих свободных штатов.

Джон Браун пишет на Восток Сэнборну:

«Я хочу снабдить каждого из моих людей экземпляром «Жизнеописаний» Плутарха и «Жизни Вашингтона» Ирвинга, лучшей из существующих биографий Наполеона, вместе с картами и статистическими данными о Соединенных Штатах».

«Пожалуйста, вышлите мне некоторое количество свистков вроде тех, которые имеются у боцманов на военных судах. Они нам здесь очень пригодятся. На каждые десять командиров надо иметь по крайней мере один такой свисток. Пришлите также какие-нибудь мелкие вещицы для знаков отличия, вроде эмблем и брелоков».

Наверное, из всех «студентов» только Кэги — самый культурный и образованный из них — понимал всю наивность и неумелость этих учений. Но и он оставался с Брауном, и он принимал участие в этих диспутах и политических разговорах, и даже сам иногда произносил перед ними

зажигательные речи о будущей свободе. Старый командир и впрямь обладал такой внутренней силой, которая держала людей любой категории и заставляла идти за ним до конца.

Но проходила зима, а с ней вместе иссякал энтузиазм «студентов». Они томились и начинали скучать: им не хватало реальной борьбы. Тид и Моффет пришли к Брауну: когда же, наконец, кончится эта проклятая игра в прятки, когда они выступят?

— Терпение, Моффет, я ждал целых двадцать лет.

Но они устали ждать. У них есть ружья, и, если он не поведет их, они пойдут сами. Они уже говорили в деревне, что скоро будут перебиты все рабовладельцы. Джон Браун понимал, что, если он станет откладывать выступление, они все уйдут от него. Кроме того, оставался еще Фордз, который тоже был ненадежен.

Быть может, все это к лучшему. И в себе самом Браун также ощущал беспокойное нетерпение. Руки сами тянулись к карабину. Действовать, действовать!

Он сказал юношам, что готов вести их на Юг, но надо, чтобы на Севере остались преданные люди, которые в случае нужды поддержат их и подготовят общественное мнение. Он должен поехать, сообщить им свой план и добиться их помощи. За это время занятия в Спрингдейле должны продолжаться, как обычно. Он пришлет своим «студентам» письмо, и когда они прочтут: «Старые шахтеры, возвращайтесь», они должны быть готовы.

23. ВРЕМЕННАЯ КОНСТИТУЦИЯ И УСТАНОВЛЕНИЯ

Приближалась весна, а о Брауне не было никаких известий. В комитете уже начинали поговаривать, что старый джентльмен всех одурачил. И вдруг он появился так же внезапно, как исчез. В сырое февральское утро он вошел в дом Фредерика Дугласа в Рочестере.

Блестящий публицист и оратор, сам бывший раб, негр Дуглас был на всех этапах аболиционистского движения одним из самых выдающихся его деятелей. Чтобы быть свободным в своих действиях, он с помощью друзей выкупился из рабства. С тридцатых годов XIX столетия имя Фредерика Дугласа, борца против рабства, встречается на всех этапах истории негритянского народа. Дугласу надо было обладать огромным политическим мужеством, чтобы возглавлять борьбу. Не раз ему угрожали смертью, за ним охотились сторонники рабовладения, в продолжение почти всей жизни его подвергали всевозможным преследованиям и оскорблениям.

Когда был принят закон о беглых рабах, многие негритянские лидеры были вынуждены скрыться в подполье или за границу. Но Фредерик Дуглас отважно выступал на митингах, издавал свою газету, принимал участие в избирательных кампаниях. Все аболиционисты цитировали слова Дугласа по поводу принятого закона «Канзас — Небраска»: «Борьба идет за власть. Рабовладельцы стремятся к безраздельному господству и хотят изгнать свободу из республики. Они хотели бы прогнать школьного учителя и на его место водворить надсмотрщика за рабами, сжечь школы и на месте их врыть столбы для порки, запретить святую библию и заменить ее кровавым законом, упразднить свободный труд с его правом на вознаграждение и установить рабство с его страхом перед кнутом».

Дуглас требовал последовательного наступления на всю систему рабовладения. «Необходимо ясно понять, — говорил он, — что рабство не имеет права на существование где бы то ни было, что рабство — это система незаконного насилия и что его бесчисленные ужасные преступления должны быть разоблачены перед всем миром с такой потрясающей убедительностью, чтобы заставить торговцев людьми трепетать и призывать скалы и горы обрушиться на них».

В доме Дугласа капитан Браун — друг черного народа — был

желанным гостем. Дуглас радостно приветствовал его.

— Пусть люди думают, Дуглас, что я в Канзасе, — прежде всего сказал Браун, — я буду жить здесь под именем Хоукинса. Запомните: Нельсон Хоукинс.

Он спросил о «полковнике». Дуглас рассказал, что почти все друзья Брауна в Новой Англии получили от Фордза угрожающие письма.

Браун сжал руки так, что у него побелели пальцы.

— Негодяй! Он первый, в ком я обманулся.

Нет, он не забудет «полковника», придет час, и он припомнит ему обманутое доверие! И Дуглас увидел недобрую складку, появившуюся у Брауна между бровями.

Всю ночь напролет хозяин и гость говорили о неграх, о делах «подпольной железной дороги», об аболиционистских комитетах. Аболиционизм на Севере вырастал в крупную политическую силу. Но аболиционисты все еще придерживались умеренных взглядов, хотя уже перестали надеяться на смягчение нравов. Зато «подпольная железная дорога» переправляла в Канаду все больше беглых невольников. Дуглас с восторгом говорил о негрityнке Гарриэт Тэбмэн, которую прозвали «Черным провидением»: Гарриэт переправила в свободные штаты больше тысячи беглых.

Эту черную женщину разыскивали по всем штатам, и сорок тысяч долларов было обещано тому, кто доставит ее живую или мертвую. Она была рабыней на плантации в Мэриленде, когда один из надсмотрщиков разбил ей голову железной гирей. Она выжила и три года спустя убила этого человека. Разумеется, ей пришлось бежать с плантации, и с тех пор ее жизнь была посвящена освобождению ее соплеменников. Она прокрадывалась во владения белых и уводила за собой их черных рабов. Сотни негров переправила Гарриэт Тэбмэн в Канаду и, несмотря на постоянную слежку, оставалась неуловимой. Негры верили, что она находится под особым покровительством бога.

— Она обещала прийти, когда вы позовете ее, капитан, — сказал Дуглас Брауну.

Он вручил гостю список верных людей, готовых явиться по первому зову друга негров. Это были все бывшие невольники, рассеянные от Мэриленда до Канады. Браун внимательно прочел список.

— Я должен сам увидеться с этими людьми, — сказал он Дугласу, — через несколько дней, может быть...

Он чего-то недоговаривал. Негр терялся в догадках: гость был скрытен и туманно говорил о каком-то деле всей своей жизни, о том, что ему

хотелось бы напоследок повидать семью, о десяти молодых вождях. Канзас, по-видимому, был забыт. Быть может, предстоит массовый побег рабов из Миссури? Дуглас напряженно вглядывался в гостя, но лицо Брауна, сухое, с туго обтянутыми скулами и белой ниспадающей бородой, не выдавало мыслей. На рассвете, когда гость и хозяин расходились по своим спальням, Браун вдруг вытащил из бокового кармана сложенный вчетверо лист бумаги. «Временная конституция и установления для народов Соединенных Штатов», — прочел Дуглас заглавие, выведенное путаным почерком капитана. Гость говорил о бегстве рабов, а это заглавие указывало на другие, более обширные замыслы.

В следующие дни Браун чертил планы, диаграммы, писал письма своим сторонникам в свободных штатах. Он извещал их, что выехал из Канзаса, чтобы закончить приготовления к одному чрезвычайно важному предприятию, которое их, несомненно, заинтересует. Это самое серьезное дело в его жизни. Но снова нужны средства. Помогут ли ему друзья? Он просит в последний раз.

Вскоре на имя Нельсона Хоукинса пришли негодующие, возмущенные ответы. Что он опять выдумал? Где он был до сих пор? Почему молчал? Что сделал с фондами, ассигнованными на борьбу в Канзасе? Кто этот негодяй Фордз и насколько можно ему доверять? Мистер Хоукинс должен немедленно приехать в Бостон, с ним необходимо объясниться.

Браун с кривой усмешкой прочитывал все письма. Он холодно отклонил приглашение в Бостон: считается, что Браун находится на границе Канзаса, и было бы небезопасно для него появиться в Бостоне. В свою очередь, он приглашал всех на совещание в Питерборо, к Герриту Смит. Там он сообщит нечто важное для всех сторонников его дела.

18 февраля 1858 года Геррит Смит записывает в своем дневнике: «Сегодня прибыл наш старый и уважаемый друг, капитан Джон Браун из Канзаса».

Мягкий снег, последний, предвесенний снег падал за окном. Перед пылающим камином в большой, отделанной дубом столовой сидели Сэнборн и Геррит Смит. Оба они были друзьями Джона Брауна, но сейчас присутствовали здесь, в этой столовой, как судьи: комитет уполномочил их потребовать у Брауна отчета. Они даже приготовились холодно отчитывать капитана, выносить ему порицание.

Однако Браун опрокинул все их планы. Они ожидали, что он станет оправдываться, объясняться, и он действительно начал говорить, но первые же его слова пригвоздили их к месту, заставили оцепенеть от изумления и ужаса.

— Как только раздастся первый клич — подымутся все негры в стране. Ко мне придут люди из свободных штатов, бежавшие рабы явятся из Канады. Они придут ко мне на помощь из Каролины, из Джорджии и Теннесси. Я захвачу на плантациях лошадей и провиант для моей армии. У меня есть оружие и боевые припасы. Мои партизаны будут прикрывать горные тропы до тех пор, пока мы не построим земляные и каменные укрепления. Я вооружу пиками каждую женщину и каждого ребенка, чтобы и они могли защищать наши крепости. В горах существуют естественные заграждения, и я постараюсь отыскать сообщающиеся между собой ущелья. Пленных белых мы будем обменивать на рабов. Я вполне подготовлен к партизанской войне, недаром я изучал войну семинолов^[8] во флоридских болотах и тактику негров Гаити. Я добьюсь успеха и постепенно расширю круг моих действий. Мы спустимся с гор и зайдем долины. Там мы создадим нашу свободную республику: мы будем обучать негров и строить вместе с ними новую жизнь...

Сэнборн не выдержал:

— Капитан Браун! Подумайте о том, что вы говорите?! Ведь это безнадежное предприятие.

Браун холодно оглядел его:

— Подождите, мистер Сэнборн, я еще не кончил. Придвинувшись ближе к камину, он развернул сложенный вчетверо лист бумаги: «Временная конституция и установления». Он начал читать. Каждое его слово звучало отчетливо, весомо, и, словно под тяжестью этих слов, Геррит Смит и Сэнборн все глубже уходили в свои кресла, все ниже опускали головы.

«...Принимая во внимание, что рабство в Соединенных Штатах есть не что иное, как варварское, ничем не обоснованное и ничем не оправданное угнетение одной части людей другой...»

Это была разработанная во всех подробностях государственная система. Затаив дыхание, оба аболициониста слушали ясный голос Брауна. Мечта, фантазия облекались в плоть и кровь, перед ними был документ, делавший мечту почти осязаемой! Занятые территории будут организованы согласно Временной конституции. Когда борьба окончится и рабы будут повсеместно освобождены, произойдут выборы должностных лиц так, как это указано во Временной конституции. Не пользующиеся трудом рабов могут считать себя в полной безопасности; те, кто добровольно отпускает своих рабов, находятся под особым покровительством властей. Но с врагами он беспощаден:

«Собственность лиц, замеченных в прямом или косвенном

пособничестве врагу или замеченных с оружием в рядах врагов, а также всех, имеющих рабов, будет конфискована, где бы она ни находилась — в свободных или рабовладельческих штатах, — безразлично».

Конституция предусматривала соединение семей, разлученных в рабстве, строительство школ и всеобщее бесплатное обучение.

Когда Браун кончил, наступило тягостное молчание. Никто не решался заговорить, они были подавлены, растеряны, испуганы. Впервые в жизни их водянисто-молочные принципы натолкнулись на подлинную силу и страсть.

Сэнборн отирал платком влажный лоб. Геррит Смит машинально играл толстой золотой цепью своих часов. Заикаясь, он пролепетал что-то о том, что он не вояка и не политик и что его уважаемый друг капитан Браун, конечно, учтет это. Это пробило брешь. Посыпались упреки, возражения. Браун молча пережидал, пока уляжется первое волнение. Однажды в Топике он уже наблюдал действие своих слов. И тогда и теперь он ждал от своих слушателей помощи, уверенный, что сумеет убедить их. Он был хорошо подготовлен к этой буре и побивал все возражения. У него были с собой проекты укреплений, и теперь он показывал их обоим аболиционистам. Кампания на Юге и отступление, если оно понадобится, через Север к безопасному убежищу — он все предвидел. Он мог предсказать даже, как будут реагировать на его восстание различные классы населения.

Его слушатели были раздавлены, разбиты по всем пунктам. Все их возражения потерпели крах. Браун затронул их тщеславие: неужели они останутся в стороне от этого дела? Когда он победит, слава достанется им, вождям аболиционизма, и человечество запишет их имена на золотых скрижалях. Тут они заколебались. Впрочем, молодой Сэнборн давно уже с восторгом смотрел на Брауна. В его глазах капитан всегда был героем. Но слишком грандиозно было задуманное им, и Сэнборн предвидел ужасный конец. Нет, капитану нельзя позволить умирать одному, без помощи друзей.

Геррит Смит сказал, что даст на нужды капитана Брауна несколько сот долларов. Однако нужно сообщить о планах капитана всем друзьям в Массачусетсе. Это должен сделать Сэнборн. И Сэнборн — серьезный и встревоженный — уехал, попросив Брауна дожидаться его сигнала.

Спустя несколько дней Джон Браун писал Сэнборну:

«Мой дорогой друг, великую радость доставляет мне то, что вы наполовину готовы встать на мою сторону. Конечно, наше дело таково, что стоит жить ради него и даже погибнуть за него. За шестьдесят лет моей жизни у меня была только одна эта возможность и, если бы я прожил в

десять раз больше, другой такой случай мог бы и не представиться. Если бы вы решились пойти на это, то только по велению собственной души и после того, как вы тщательно взвесили бы цену. Я не стал бы никого уговаривать, каким бы легким это мне ни казалось. Не жду ничего, кроме лишений, но надеюсь на то, что мне удастся одержать великую победу... хотя бы она окончилась так же, как последняя победа Самсона. В юности я испытывал сильное, упорное желание умереть. С тех пор, как передо мной открылась возможность стать жнецом в предстоящей великой жатве, я не только снова захотел жить, но жизнь доставляла мне большую радость, и теперь мне хотелось бы прожить еще несколько лет. Ваш друг Джон Браун».

А еще через неделю Браун писал своим домашним: «Сэнборн сообщает, что наши друзья готовы до конца идти со мной. До конца. Благодарение богу».

24. ФОРДЗ ДЕЙСТВУЕТ

Восьмого июля здесь состоится закрытый съезд верных друзей свободы, который вы приглашаетесь почтить своим присутствием».

Тридцать четыре негра и двенадцать белых в поселке Чатам (Канада) получили такие извещения. Уже две недели Джон Браун ездил в сопровождении Дугласа по негритянским поселкам Канады. Ему удалось быстро завоевать доверие большой цветной колонии. Дуглас свел капитана со знаменитой Гарриэт Тэбмэн.

Негритянка пристально поглядела в глаза старому человеку, о котором уже слышала как о герое Канзасской войны.

— Мы поможем вам, когда вы позовете, — просто сказала она.

Браун организовал съезд наиболее активных негров. Он вызвал из Спрингдейла своих «студентов» — они должны были помочь ему убедить негров, что дело задумано широко и всерьез.

Съезд открылся в деревянном здании школы в Чатаме. Явились все, кому были посланы приглашения. Уже несколько дней по всем негритянским колониям Канады шел слух о том, что организуется новое общество борьбы с рабством и что приехал главный руководитель этого общества.

Делегаты увидели перед собой высокого человека с густыми волосами, в которых мерцала седина, с большими жилист-ыми руками фермера и белой бородой патриарха.

Он очень просто и понятно рассказал своим слушателям о том, как идея освобождения негров владела им всю его долгую жизнь, как он учился военному делу, как изучал историю партизанских войн, чтобы после использовать это знание в партизанской войне в горах Юга.

Здесь, в деревенской школе, он мог сказать больше, чем в кабинете Геррита Смита. Негры не боялись слов, и от них он ждал более действенной помощи. Он объяснил им свой план.

Первый клич подымет не только рабов Юга, но и свободных негров Севера. Рабовладельцы, которые не захотят добровольно отпустить невольников, будут взяты заложниками, чтобы обеспечить безопасность повстанцев, попавших в плен. Белые бедняки, несомненно, также поддержат партизан.

О, как не похоже было это собрание в Чатаме на собрание в доме Геррита Смита! Как горели глаза у черных делегатов, какой восторженный

гул прокатывался по школе каждый раз, когда Браун говорил о будущей свободной республике негров и белых! Он прочел им конституцию. Документ тот звучал, как торжественный гимн свободы. Конституция была принята и подписана всеми присутствующими. Съезд назначил капитана Джона Брауна командующим повстанческой армией, Кэги был избран его секретарем.

11 июня съезд в Чатаме закрылся, и делегаты разъехались по домам — ждать сигнала к выступлению. Браун и Кэги отправились в Филадельфию. В дороге им подали телеграмму:

«Немедленно возвращайтесь в Бостон. Фордз предал нас».

«Полковник» был в бешенстве. Старый фанатик, получив «Руководство», просто-напросто отделался от него, дал ему отставку. Фордз написал аболиционистам: они отвечали сухо или не отвечали вовсе. Стирнс прислал десять долларов — оскорбление, от которого Фордз чуть не перебил стекла у себя в комнате.

Тогда он стал угрожать. Он писал им, что знает все их тайные заговоры и сообщит о них правительству.

Но и шантаж не принес никакой выгоды: аболиционисты не отвечали на угрозы. Даже робкий Геррит Смит не прислал ни цента. Фордз неистовствовал от злобы. Эти белоручки, эти «либеральчики» дают тысячи долларов неграм, а он, военный, продырявленный пулями, должен заниматься какой-то черной работой и помогать им в их измене! Нет, он покажет себя, он еще насолит этому старому безумцу в пасторском сюртучишке!

И Фордз отправился в Вашингтон.

Спустя несколько дней Джону Флойду, секретарю военного департамента, вручили анонимное письмо:

«Сэр, я только что получил столь важное известие, что считаю своим долгом сообщить его вам. Я обнаружил существование тайной организации, задавшей целью освободить рабов Юга. Глава ее — старый Джон Браун, известный по Канзасу. В течение зимы он был в Канаде, вооружая и собирая там негров, которые ожидают только его слова, чтобы отправиться на Юг и помочь рабам. Один из их вождей находится уже в Мэриленде. Как только все будет готово, они явятся небольшими отрядами на сборный пункт, который намечен в горах Виргинии. Они пройдут Пенсильванию и Мэриленд и проникнут в Виргинию, в Харперс-Ферри. Браун покинул Север около трех недель тому назад; спустя несколько недель он вооружит негров и подаст им сигнал к выступлению. Поэтому если принимать какие-нибудь меры, то надо принимать их тотчас же.

Так как я не вполне пользуюсь их доверием, то это все, что я могу вам сообщить...»

Прочитав письмо, Флойд пожал плечами. Бред маниака! Кто решится поднять восстание в сердце страны?! Слишком невероятной и фантастической казалась подобная мысль. Флойд и сам был виргинцем: надменность и самоуверенность «джентри» помешали ему отнестись к письму серьезно. Он только машинально запомнил названное в письме имя: «Джон Браун».

Но «полковник» Фордз не удовлетворился анонимными письмами. Он появился в сенате. Там он истерически набрасывался на всех встречных и требовал, чтобы его выслушали. Тайный план Брауна переходил из коридора в коридор, из комнаты в комнату. Но именно благодаря тому, что его жевали и пережевывали, никто не принял всерьез сообщений Фордза. Да и сам вид «полковника» в старом сером сюртуке и нечищенных сапогах внушал мало доверия. К тому же от него шел запах виски. Люди брезгливо морщились или смеялись, когда он хриплым шепотом, с видом театрального заговорщика сообщал им о тайных намерениях аболиционистов.

Однако настойчивость Фордза могла в конце концов преодолеть недоверие сенаторов, и тогда величайший провал ожидал бы не только Джона Брауна и его план, но и все аболиционистские комитеты на Севере. Президент Бьюкенен, ставленник южан, разумеется, охотно использовал бы этот заговор как удобный предлог для того, чтобы разгромить ненавистных аболиционистов. Поэтому друзья поспешили написать бостонскому комитету, что необходимо уговорить старого Брауна, умерить его пыл.

«Пишу, дабы предупредить вас, что необходимо как можно скорее отобрать у Джона Брауна оружие. Если оно будет употреблено не только для защиты в Канзасе, как утверждают слухи, это может сильно повредить людям, которые окажутся замешанными в этом безрассудном деле. Отнимите у него оружие и следите за ним».

Это письмо Уильсона, сенатора от Массачусетса, вызвало среди бостонских аболиционистов настоящую бурю. Где он, этот безумец Браун, по каким дорогам бродит его неугомный дух? Кого соблазняет он своими неистовыми речами? Вызвать его в Бостон и немедленно, раз и навсегда покончить с его чудовищными затеями, которые могут погубить всех.

Когда Браун приехал, его встретили ледяной холодностью. Довольно безумств, довольно партизанщины! Он всех их доведет до виселицы! Деньги и оружие даны ему для Канзаса, так пусть он и едет в Канзас, а не мечется по стране, вызывая всеобщие толки.

Браун пытается их урезонить: дело уже сделано, негры подготовлены, остается только подать знак... Нет, нет, пусть он не тратит слов, они не желают слышать никаких подробностей. Быть может, когда-нибудь потом, впоследствии, через несколько лет, когда улягутся подозрения...

— Через несколько лет?! — восклицает он страстно. — Но ведь я стар, я не могу ждать несколько лет, мои силы слабеют!..

Но они не внимают его доводам. Они твердят свое:

— Довольно безрассудств, капитан Браун, ваше место в Канзасе, там вы найдете достойное применение вашей энергии, там мы охотно поддержим вас.

Браун чувствует, что почва ускользает из-под его ног. Негры будут думать, что он струсил и в последний момент отступил. Мысль, что он обманул их доверие, не дает ему покоя.

И вот поневоле Браун снова едет в Канзас. Но перед этим он вызывает из Спрингдейла четырех своих «вождей» — Стевенса, Кэги, Тида и Кука. Эти четверо самые своенравные, им нужно дать дело, иначе они начнут действовать сами, на-свой страх и риск. Во что бы то ни стало нужно удержать их, заставить повременить еще немного.

Он посылает Кука в Виргинию. Там, возле городка Харперс-Ферри, соединяющего два штата — Виргинию и Мэриленд, Кук должен обосноваться, завязать связи с «полевыми» неграми на плантациях, выяснить их на-настроение. Попутно Кук разузнает, сколько в городе милиции, какое оружие имеется у местных жителей и кто из помещичьей аристократии пользуется наибольшим влиянием. Чтобы не возбуждать подозрений, Кук может устроиться куда-нибудь на работу.

Так был отправлен-первый лазутчик в город, которому через год суждено было сыграть такую трагическую роль в судьбе Джона Брауна.

Нет, Браун не сдался, и если бостонские аболиционисты думали, что он навсегда бросил свои «безумные затеи», они глубоко ошибались. Никогда еще Джон Браун не стремился к своей цели так настойчиво, никогда еще не верил так сильно в свое назначение на земле.

Препятствия только закаляли его. Он едет в Канзас, он согласен на эту уступку, но только на самый короткий срок. С собой он берет трех «студентов» спрингдейлской школы. Быть может, в Канзасе опять встретится надобность в хороших стрелках, и его юноши еще раз пройдут военную практику.

25. ПИКИ ГОТОВЫ

Ожидания не обманули Брауна. В момент его прибытия весь Канзас был снова охвачен волнением. Монгомери, уполномоченный сторонников свободного штата, выслал из пределов Канзаса рабовладельца Гамильтона. Гамильтон подчинился, но, дождавшись отъезда Монгомери, вернулся с большим отрядом «Сынов Юга» и застрелил одиннадцать приверженцев свободы. Это было сигналом к возобновлению старой вражды 1855–1856 годов. Снова запылали поселки, загрели выстрелы, снова каждое столкновение рабовладельцев с аболиционистами кончалось поножовщиной...

И в этот озлобленный, ополоумевший от бесчинств и крови мир прибыл Джон Браун со своими молодыми бойцами.

Разумеется, они не могли оставаться спокойными свидетелями.

Однако теперь Браун стал осторожнее. Если жизнь ему дорога, он не может выступать в Канзасе под своим собственным именем. Он называет себя Шубелем Морганом и дает знать Монгомери, что собирается ему помочь. Три «студента» не теряют времени даром: в Канзасе у них много старых друзей, и они приводят своему капитану по десятку добровольных рекрутов. Шубель Морган тайно формирует небольшой отряд.

Между тем Монгомери совершил налет на верховный суд в Форт-Скотт и развеял по ветру все дела о сторонниках свободных штатов. Спустя неделю дом Монгомери был весь продырявлен пулями «Сынов Юга». На помощь прибыл «капитан Шубель». Люди его укрепили хижину по соседству с домом Монгомери и засели там в ожидании незваных гостей. «Сыны Юга» не замедлили явиться. Из хижины их угостили таким метким огнем, что они поспешили убраться. В отместку «Сыны Юга» спалили по дороге поселок сторонников свободных штатов.

Верховный суд заочно осудил Монгомери и приговорил к тюремному заключению. Зато рабовладельцы оставались безнаказанными. Это была явная несправедливость, и Джон Браун не мог с этим примириться. Он до сих пор не сумел привыкнуть к тому, что большинство судей и высших чиновников в его стране являлись ставленниками рабовладельцев и всегда решали дела в их пользу. Он готов был стрелять, жечь, уничтожать все на своем пути, лишь бы покончить с наглой кривдой.

Вместе с Монгомери Джон Браун атаковал Форт-Скотт и выпустил из тюрьмы всех заключенных там аболиционистов. Но это казалось ему еще

недостаточной оплатой за несправедливость.

В конце зимы владельцы негров., из миссурийских поселений перевели своих невольников в Техас и Арканзас. Черных рабов днем и ночью сторожила усиленная охрана.

20 декабря 1858 года Браун разделил своих людей на два отряда. С ним оставались Кэги, Тид и другие, вторым отрядом командовал Стевенс. Ночью оба отряда переправились через Миссури и подошли к плантации богатого рабовладельца Хикмэна. Джон Браун с поднятым револьвером вошел в дом и потребовал выдачи всех невольников.

— Кто вы такой? — спросил его дрожащий плантатор и вдр^г, взглядевшись хорошенько, замахал руками. — Я знаю, вы старый Браун из Осоватоми.

Из дома Хикмэна Браун вышел в сопровождении целой толпы радостно взволнованных, боящихся поверить в свое счастье негров. То же самое повторилось на соседнем участке, в доме рабовладельца Ларю. Кроме невольников, люди Брауна забрали у Ларю еще большой фургон и в него посадили всех негров. Не было пролито ни одной капли крови.

Отряду Стевенса, который отправился на другие участки, не так повезло в этом отношении. Первый же плантатор, к которому вошел со своими людьми Стевенс, оказал сопротивление. Он начал стрелять в вошедших и грозил, что перестреляет всех своих рабов, лишь бы не отдавать их аболиционистам. В виде доказательства он застрелил молоденькую негритьянку, которая прибежала на шум. Это так возмутило Стевенса, что он ударил рабовладельца прикладом ружья по голове и убил его.

Той же ночью оба отряда возвратились в Канзас и встретились в доме Монгомери.

Трофеем этого похода были сорок освобожденных от неволи негров, измученных работой, истощенных от недоедания. Среди них было несколько женщин, в том числе молоденькая Салли, которая должна была на днях родить. Негры еще не пришли в себя от неожиданности, еще боялись верить в свое спасение, но отныне высокий человек с белоснежной бородой мог неограниченно властвовать над их жизнями, они беспрекословно последуют за ним всюду, куда бы он их ни повел.

Оставлять негров на спорной территории было опасно, их нужно было как можно скорее переправить в свободные штаты и дальше — в Канаду. Кроме того, Брауну нужно было подумать о собственной безопасности. Еще ни один белый в Америке не отваживался силой отнимать рабов у их владельцев. Он первый, и ему этого не простят.

На рассвете Браун и Тид запрягли в фургон быков Монгомери и зарядили ружья. Было очень холодно, голая прерия и серое небо казались бесконечными. Внутри фургона жались друг к другу озябшие негры. Их спаситель шагал рядом с быками, и негры слышали его голос, уговаривавший быков поторопиться.

Браун почувствовал вдруг, что он очень устал. Дни и ночи, наполненные тревогой, стрельбой, неожиданными атаками, — в его возрасте это было тяжело. Ему шел пятьдесят девятый год, рваные сапоги и старая куртка совсем не грели его. Серое небо и холод наводили тоску, ему и неграм казалось, что они затеряны в огромном, бесприютном мире, и никто не хочет им помочь. С трудом добрались они до Лоренса и передохнули в доме аболициониста, майора Аббот.

Отсюда их путь лежал на Топику, где им должны были помочь местные аболиционисты. Но в дороге пришлось остановиться: из фургона раздавались громкие вопли. Салли рожала, и мужчинам пришлось уйти подальше в прерию, чтобы не мешать женщинам, хлопотавшим возле роженицы. Когда крики стихли, и они вернулись, Брауна позвали в фургон. Там в углу, на связке соломы, лежала молодая негритянка и рядом с ней маленькое сморщенное существо.

Джон Браун погладил Салли по голове; она с жаром схватила и поцеловала его руку.

— Он родился уже свободным, — сказала она, осторожно притрагиваясь к младенцу, — и я назову его в вашу честь Джоном Брауном.

Маленького негра начали именем Брауна.

Слух о новом выступлении Брауна дошел до властей. Губернатор Канзаса отдал полковнику Семнеру приказ во что бы то ни стало задержать беглецов. Он телеграфировал президенту Бьюкенену, и возмущенный президент приказал объявить о награде за поимку похитителя рабов — Джона Брауна Осоватоми.

Как нарочно, Спринг-Крик, протекающая недалеко от Топики, разлилась и преградила беглецам путь. Браун послал Тида в Топику за помощью, а сам остался ждать у реки. В это время на другом берегу появился конный полицейский отряд, посланный перехватить Брауна на пути. Полицейских было человек восемьдесят. Они рассыпались по берегу

и ожидали, чтобы добыча сама пошла к ним в руки.

Негры обратили посеревшие лица к Брауну:

— Что вы думаете делать, капитан?

— Перейти реку и двигаться на север, — невозмутимо отвечал Браун.

Негры сразу повеселели: они беспредельно верили этому человеку.

Быстро вооружив негров, Браун построил их двойной цепью перед фургоном. Первой цепи он приказал идти в воду и попытаться перейти реку вброд. К счастью, Спринг-Крик оказалась довольно мелкой: негры быстро очутились на другом берегу и с яростью набросились на полицейских.

Командир отряда никак не ожидал, что его атакуют. Кроме того, неграми командовал Джон Браун, а это имя со времен войны в Канзасе было овеяно грозной славой. Командир пришпорил свою лошадь и поскакал прочь; за ним бросились и остальные полицейские. Люди Брауна преследовали их. Так окончилось это бескровное сражение, которое потом в Канзасе насмешливо называли «битвой шпор».

В Топику Браун вступил как триумфатор. Фургон с неграми проехал по свободной земле Айовы, остановился на короткое время в Тейборе и в Спрингдейле, где Браун успел сообщить своим «студентам», что ждать осталось недолго, и, наконец, капитан посадил своих черных друзей на поезд, идущий в Чикаго. Оттуда аболиционистский комитет должен был переправить освобожденных негров в Канаду.

По всем штатам были расклеены объявления с описаниями примет Джона Брауна: большой рост, нависающие брови, светлые глаза. Однако в списке примет не была указана борода; все в Канзасе помнили Брауна с бритым подбородком. И несмотря на то, что президент Бьюкенен обещал двести пятьдесят долларов, а губернатор Миссури три тысячи долларов за поимку Брауна, он неузнанным разгуливал по улицам Новой Англии и даже выступал на собраниях.

Браун снова вездесущ и неутомим. Он снова хлопчет, добивается денег, оружия, внимания. Он рассказывает о негритянке Салли, он всем твердит о несчастных, обездоленных неграх. Наконец он появляется в Коллинсвилле, в кузнице Блейра. Готовы ли наконечники для пик, которые он заказывал?

— На что они вам теперь, когда все в Канзасе кончилось? — удивляется Блейр, но все-таки достает из сарая давно готовые пики. Это смертельное оружие шестифутовой длины, острое как бритва и легкое как тростник: даже ребенок может держать его. Браун любит его, как знаток. Это как раз то, что ему нужно. Он просит кузнеца:

— Запакуйте их в ящики и отправьте на имя Исаака Смита в

Чеймберсберг,

26. «МАТЬ ШТАТОВ»

Должно быть, первые поселенцы в Виргинии сложили эту старую песню:

Виргиния — счастливый штат,
Здесь поселиться каждый рад,
Здесь всюду реки и леса
И голубые небеса

В те блаженные времена Виргиния действительно была раем для тех, кто прибыл сюда из Тощих Земель. Прутик, воткнутый в виргинскую землю, расцветал. В лесах росли самые ценные породы деревьев: красное, орешники-гикори. Множество дичи водилось в чащах. Скот тучнел на горных пастбищах, и от душистой «синей» травы молоко коров пахло цветами. По изумрудным долинам рек росли пшеница, кукуруза, табак, фруктовые деревья.

Табак, был главным богатством штата. Осенью его снимали и сушили на солнце. Огромными тюками он шел в портовые города, а оттуда расходился по всему миру.

Виргиния, основанная в 1607 году группой переселенцев из Англии, была старейшей колонией, в которой пустили корни английская помещичья аристократия и бежавшие из Франции дворяне-гугеноты.

Когда в Англии началась революция, знатные дворяне, захватив свои ценности, бежали к родным и друзьям в Виргинию, приобретали там земли и оседали навсегда. При этом не последнюю роль играла надежда обогатиться на табачных плантациях, обрабатываемых черными невольниками. Некоторые помещики в Виргинии имели до тысячи негров. Нечего и говорить поэтому, как кровно они были заинтересованы в сохранении рабства.

Здесь почти не было ни крестьянства, ни буржуазии. Огромные, до пяти тысяч акров, плантации принадлежали отдельным помещикам.

Негры составляли одну треть населения Виргинии. Закон этого штата гласил, что «все черные, которые уже живут или будут жить в области (кроме освобожденных), со всем своим нынешним и будущим потомством признаются рабами и останутся таковыми навеки; они будут подлежать

захвату, передаче и присуждению в качестве движимого имущества по самой природе своей». Господин не может освобождать рабов. Раб-негр не имеет права наниматься, брать в аренду плантацию, держать скот или торговать за свой счет. Он не подлежит обучению грамоте; он должен носить только грубое платье.

В Виргинии господин мог освободить раба лишь за исключительные услуги и только с согласия губернатора и совета. Смерть раба после побоев или во время самого наказания не считалась убийством, если не находилось свидетелей, что раб убит сознательно и злонамеренно. Плантадоры крепко стояли на страже своих общих интересов, и, конечно, такого свидетеля невозможно было найти. Жестокость в обращении с рабами умерялась только тем, что они были дороги и жизнь их надо было беречь в интересах хозяина. Освобожденные негры оставались в особом, худшем, положении и вызывали враждебное к себе отношение, как низшая раса. Браки между белыми и черными были воспрещены, на них смотрели как на нечто постыдное. В штате было много детей белых, рожденных рабынями, но закон требовал, чтобы они «следовали положению матери».

Несмотря на эти законы, Виргиния — старейший штат — считалась культурнейшей колонией Америки. Ее называли «Матерью штатов» или «Матерью президентов».

Из среды граждан Виргинии был избран первый президент Соединенных Штатов, Георг Вашингтон, отсюда же вышли Джефферсон, Монро — творец доктрины «Америка для американцев», и Мэдиссон. Многих прославленных государственных людей дала Виргиния в законодательные учреждения Соединенных Штатов.

Но в начале прошлого столетия, с изобретением хлопкоочистительной машины, значение «Матери штатов» начало постепенно снижаться. Становилось более выгодным вкладывать деньги уже не в табачные, а в хлопковые плантации других южных штатов. Кроме того, разведение табака истощило многие плантации, их пришлось бросить, и в Виргинии появились целые поля, заросшие сорняками и колючим кустарником.

«Ценность земли и зданий в Виргинии определяется рабским трудом, — писал Томас Дью — Если выкинуть из этого штата все рабское население, то можно без преувеличения сказать, что за истощенную почву Виргинии нельзя будет выручить даже тех смехотворных цен, которые платят за правительственные земельные участки на Западе, и тогда старая колония превратится в огромную жуткую пустыню».

Диккенс, путешествовавший в 1842 году по Виргинии, считал, что обеднение «Матери президентов» явилось следствием системы рабства.

«В этом штате, — писал он, — как и во всех других, где существует рабство (я часто слышал это даже от его защитников), видны истощение и упадок, неразлучные с этой системой. Житницы и кладовые разваливаются, сараи наполовину без крыш, хижины до последней степени гадки и грязны. Жалкие станции железной дороги, огромные деревянные дворы, где поезда запасаются топливом, негритянские ребята, валяющиеся перед лачугами вместе с собаками, рабочие, похожие на двуногих животных, сгибающиеся под тяжестью труда, — на всем лежит печать уныния и скорби.

В нашем поезде, в вагоне для негров, находилась только что купленная мать с детьми; муж ее остался у прежних владельцев. Дети плакали всю дорогу, а мать была воплощенным изображением горя. Поборник жизни, свободы и счастья, купивший их, ехал в том же поезде и каждый раз, как мы останавливались, ходил проверять, цела ли его покупка».

Но ко времени появления в Виргинии седобородого человека по имени Исаак Смит, то есть к 1859 году, «Мать штатов» нашла новый источник обогащения. Виргиния начала поставлять негров на хлопковые плантации Юга. Все виргинские помещики занялись «разведением» негров. Новая отрасль хозяйства оказалась значительно выгоднее разведения скота или птицы. Негра, хорошего производителя, ценили на вес золота. Дети негров являлись выгоднейшим помещением капитала. Но и скот и птицу при правильном ведении — хозяйства ставят в хорошие условия, о них заботятся, их вдоволь кормят. Негры же должны были работать от зари до поздней ночи на полях, питаясь полусырыми маисовыми лепешками и живя в тростниковых конурах. Плантаторы проклинали негритянок, которые рожали хилых, недоразвитых детей.

Джон Браун недаром выбрал именно Виргинию для своего выступления. В этом штате человеческое достоинство негров попиралось сильнее, чем где бы то ни было в Америке.

«Угольный банк открылся. Старые шахтеры, возвращайтесь».

Короткие записки приходили в Бостон, в Канаду, к друзьям в Северную Эльбу и Нью-Йорк. Эти, казалось бы, незначительные слова вызывали в людях сильнейшее волнение. Прочитав записку в своем покойном кабинете в Питерборо, Геррит Смит отер платком выступивший на лбу пот. Ему захотелось, как в детстве во время грозы, спрятаться под одеяло и там ждать, пока пройдет вся эта громовая кутерьма.

Было начало июля 1859 года. «Старый шахтер» в сопровождении своих сыновей: Оливера, Ватсона и Оуэна — и негра Андерсона неумолимо шагал по белым от зноя дорогам Виргинии и Мэриленда. У него были

крепкие и легкие ноги пастуха, он без труда взбирался по крутым каменистым тропинкам на горы, и спутники его, запыхавшиеся, вспотевшие, еле поспевали за этим почти шестидесятилетним человеком. В кармане у Брауна лежала карта местности, истертая по краям, знакомая до мельчайших черточек. Карандашом он отмечал те горы и ущелья, которые казались ему наиболее удобными для обороны и нападения. Он напоминал своим спутникам страницы из «Жизни Веллингтона», где рассказывается, что тридцать человек смогли в узком ущелье задержать целую армию.

Иногда, забравшись в какую-нибудь зеленую щель в горах, он давал им наглядный урок. Кругом было тихо, никто не мешал им. Вспугнутая белка стремительно взбиралась на дерево. Черный дрозд вылетал из-под самых ног. Вьюнки опутывали стволы чинар и каштанов. Из земли торчали похожие на кинжалы кипарисовые отростки, те самые, из которых виргинские негры делают ульи для пчел. Пахло медом и сыроватой землей.

— Здесь каждая гора, каждое ущелье — естественная крепость, — говорил Браун сыновьям и Андерсону. — Это место как будто специально предназначено для партизанской войны.

Никто не интересовался странной группой, появившейся в окрестностях Харперс-Ферри. Дороги были пустынные: все люди работали на полях.

Только однажды их окликнул человек, ехавший в двуколке:

— Эй, почтенные, чего вы здесь ищете? Золота или серебра?

Браун подошел к двуколке и разговорился с фермером, которого звали Ансельд. Нет, они не ищут золота, они осматривают участки; хотят арендовать ферму и осесть здесь. Земля тут родит, как крольчиха, не то, что у них, в Нью-Йорке. Он назвал себя Исаак Смит, с сыновьями и... — тут он взглянул на Андерсона... — нашим черным другом.

Фермер поднял было брови, но рассудил, что у янки свои порядки, и на этом успокоился. Если мистер Смит ищет участок, он может указать ему недорогую ферму неподалеку отсюда. Вдова доктора Кеннеди отдает в аренду небольшой дом и фруктовый сад на берегу реки. Большой выгон, заливной луг, службы — словом, все, что полагается. Ансельд внимательно приглядывался к новому знакомому, седобородому высокому старику с властным лбом и густыми, нависающими бровями. Положительно, этот янки нравился ему, он хотел бы иметь его своим соседом. Мистер Смит в тот же день зашел к фермеру, но распить стаканчик отказался. Зато его юноши с наслаждением проглотили холодный мент-джалеп — местную травяную настойку.

Бревенчатые постройки Кеннеди-Фарм были расположены в стороне

от дороги, в пяти милях от Харперс-Ферри. В доме была большая кухня, две спальни, кладовая и чердак. Спустя несколько дней мистер Исаак Смит показал Ансельду подписанный контракт: теперь он был арендатором фермы Кеннеди. Он сказал фермеру, что собирается выписать с Востока жену и дочь.

Браун и в самом деле намеревался это сделать. Присутствие женщины в доме отводило всякие подозрения, придавало всей обстановке хозяйственный, интимный характер. Надо было во что бы то ни стало соблюдать конспирацию. На Восток ползли неясные слухи о готовящемся восстании. Предательство Фордза, правда, не имело последствий, никто не поверил его доносу, но повторение таких писем могло показаться подозрительным, и в Вашингтоне, наверное, занялись бы делом, в котором так упорно упоминался Браун Осоватоми. К тому же люди начали уже съезжаться.

Из Бостона приехали Кэги и Стевенс, из Спрингдейла — два брата Коппок, из Огайо явился свободнорожденный мулат Копленд. Его сосед — тоже мулат — Люк Парсонс, сражавшийся под командованием Джона Брауна в Канзасе, также решил приехать. В старом сером доме становилось тесно, постелей не хватало, и к ночи приходилось стелить матрацы прямо на пол. Браун написал жене, послал к ней Оливера, чтобы уговорить ее приехать. Мэри сказала:

— Я желаю твоему отцу, Оливер, удачи во всех его трудах. Я молюсь за его жизнь и за то, чтобы его задача была выполнена так, как он ее задумал. Но мой долг остаться здесь, в доме, с детьми.

Младшая девочка была больна лихорадкой и требовала ухода. Взамен себя Мэри послала дочь Энни и жену Оливера — веселую пышногрудую Марту, отличную стряпуху и песельницу.

Браун обрадовался Энни; эту дочь он любил больше других. Высокая, как отец, сухощавая и сероглазая, она неслышно двигалась по дому, говорила мало — и только если было нужно, — а винтовки укладывала в ящики так же спокойно и безмолвно, как уложила бы белье.

Женщины сразу поделили обязанности. Марта хлопотала в доме и на кухне, Энни с шитьем или вязаньем сидела на крыльце. Это был ее пост — не менее важный, чем пост любого часового. Ее обязанностью было отвлекать внимание соседей, отражать поток любопытных вопросов. Женщина, сидящая у порога с вязаньем, — разве это не лучший символ мирной жизни жилища и домовитых привычек его обитателей?

Но в этих местах не часто селились новые люди. Поэтому янки, обосновавшиеся в Кеннеди-Фарм, вызывали общее любопытство.

Женщины забегали к Энни поболтать, соседка, которая раньше арендовала фруктовый сад фермы, приходила попробовать ранние яблоки да кстати поглядеть на хозяйство Смитов. Пока она стояла, босая, среди бобовых и салатных грядок, ее язык работал не умолкая: она ухитрялась задать столько вопросов, что Энни едва успевала отвечать. Да, мать скоро приедет, в прошлую пятницу они получили от нее письмо. Мужчины ушли на работу, отцу кажется, что здесь есть каменный уголь, может быть, они попробуют заложить шахту. А длинные ящики, которые брат привез вчера из Чеймберсберга, — это разные вещи матери, мать не хочет, чтобы их распаковывали без нее.

Однажды острые глаза соседки разглядели в кухне незнакомого негра.
— Вот как! У вас завелись невольники?! У кого же вы их купили?

Энни впервые не знала, что ответить. За юбку неугомонной соседки цеплялось двое чумазных малышей. Она быстро перевела разговор на детей и на детские болезни, но с этого дня негры спускались вниз только при наступлении темноты. Остальное время они скрывались на чердаке.

Молодежи на ферме Кеннеди казалось, что все они — чрезвычайно искусные конспираторы и что если вместо имени своего вождя они поставят в письме «старый шахтер», а себя назовут «шахтерами», то ни одна полиция в мире не поймет, в чем дело. Негр Андерсон написал брату в Айову: «Наша компания шахтеров состоит из двадцати пяти — тридцати человек. Мы должны выиграть во что бы то ни стало. Если ты услышишь о провале, знай, что это будет после отчаянной борьбы и потери капитала с обеих сторон. Но об этом думают меньше всего. Все нам благоприятствует, и победа реет над нашим знаменем».

Письмо Лимена еще прозрачнее: «Сейчас я нахожусь, ма, в рабовладельческом штате, но до моего ухода отсюда он станет свободным. Да, ма, я вступил с рабством в такую борьбу, какой еще не видывала Америка. Чтобы ты поняла мое столь долгое отсутствие, скажу тебе, что вот уже три года я принадлежу к тайной организации храбрейших людей, которые спускают курок с единственной целью — прикончить рабство».

Узнав об этих письмах, Браун пришел в настоящее бешенство. Люди ни разу не видели своего капитана в таком гневе.

— Лучше нам уж сразу дать объявление в «Нью-Йорк Геральд» о том, что мы собираемся поднять негров Юга и свергнуть рабовладельческое правительство, — загремел он, негодуя глядя на смущенных «конспираторов».

С этих пор письма из Кеннеди-Фарм говорили только о домашних или семейных новостях.

Дни летели быстро. Почти каждый вечер являлся Кук докладывать капитану о настроениях виргинских негров. Он прибыл в Виргинию на полгода раньше других, нанялся шлюзовым сторожем на канал вблизи Харперс-Ферри и завязал знакомства среди невольников. Джон Браун знал, что с «полевыми» неграми, работающими в тяжелых условиях на плантациях, он быстро найдет общий язык и сумеет убедить их в необходимости восстания. Среди здешних негров еще живы были воспоминания о восстаниях Вези и Тернера.

Но Кук не слишком удачно справлялся с работой агитатора. Он был тяжелодум, кроме того, боялся выдать капитана. Поэтому негры думали, что речь идет о каком-то спасении всего черного народа в далеком будущем. Некий белый капитан, неустрашимый и справедливый, должен прийти и освободить их. И они ждали этого освободителя, думая о нем как о чуде и не подозревая о том, что это «чудо» вооружено винтовками последней системы и находится уже у порога.

Кук, однако, был убежден, что хорошо подготовил негров и в любой момент, по первому зову капитана, они придут, чтобы с оружием в руках завоевать свою свободу. Так он и докладывал Брауну.

Джон-младший уехал в Бостон и Рочестер собирать добровольцев. В Бостоне и канадских поселках свободные негры ждали сигнала.

Где находится в настоящее время Браун Осоватоми, никто из аболиционистов не знал. Деньги и оружие шли на имя Исаака Смита в Чеймберсберг. В середине сентября туда же направился и Дуглас, захватив с собой беглого негра Шильдса Грина, которого звали «Императором». Грин непременно хотел увидеть «старого Брауна, защитника всех негров».

Дуглас же ехал потому, что комитет поручил ему снова разузнать о планах Брауна и опять попытаться уговорить капитана действовать мирным путем.

В Чеймберсберге, у негра-цирюльника, который был агентом «подпольной железной дороги», он узнал, где найти Исаака Смита. Вечером они сидели вчетвером — Браун, Дуглас, Император и Кэги — перед потухшим очагом в большой закопченной кухне Кеннеди-Фарм.

В кухне пахло рыбой, соленой свининой и хлебом. Широкие дубовые балки, лоснящиеся от времени, подпирали потолок. К балкам были подвешены связки лука и сухой кукурузы, ведра, безмен и большой медный таз, начищенный до блеска. Выделанные телячьи кожи лежали перед очагом, заменяя ковер. Возле очага были аккуратно сложены кочерга, щипцы для углей, несколько ухватов и мехи для раздувания огня. В широкое, с частым переплетом окно видны были большое незасеянное

поле и белесый туман, поднимающийся как будто над рекой.

— Харперс-Ферри соединяет два штата: Виргинию и Мэриленд, — говорил Браун. — В Харперс-Ферри находится арсенал, в котором столько оружия, что его хватит на целую армию. Мы должны захватить арсенал и увезти оружие и боевые припасы в Мэрилендские горы. За эти месяцы мы облазили здесь все скалы, все ущелья. Я знаю одно надежное местечко, где может расположиться хоть целый полк. Туда я провожу весь наш отряд. Временно мы укрепимся в горах и там создадим первую свободную республику негров и белых. Там будет центр восстания. Из всех штатов к нам будут стекаться негры, мы сможем захватывать плантацию за плантацией. И лет через пять наша свободная республика объединит всех черных и белых сторонников свободы. И рабство в Америке будет уничтожено навсегда.

Черный Император, не отрываясь, глядел восторженными глазами на капитана. Вот долгожданный, желанный вождь и освободитель! Это он пришел на смену Вези и Тернеру, это он призван и назначен судьбой дать черному народу свободу.

Дуглас слушал точно во сне. Впервые он понял, с каким огнем пытались играть аболиционисты, какую силу таит в себе этот седобородый человек с холодными глазами.

Он не догадывался, что планы Брауна были еще обширнее, что капитан не все сказал ему. О горах он говорил тем, кого не хотел запугать окончательно.

Дуглас предложил Брауну денежную помощь, сам же он должен был ехать обратно. Дела «подпольной железной дороги», митинги, корреспонденция — все это требует его присутствия в Бостоне. Он обратился к Императору:

— Шильдс, как вы решаете, хотите остаться с капитаном или вернуться со мной?

Император посмотрел на Дугласа, потом перевел взгляд на Брауна.

— Кажется, я все-таки пойду со стариком, — сказал он.

27. ОНИ ГОЛОСУЮТ

«Я думаю о тебе весь день и мечтаю всю ночь, я бы хотел быть дома и всегда оставаться с то... бой. Но меня привело сюда желание сделать что-нибудь для других, а не только жить для собственного благополучия. Сейчас с нами только четверо черных; у одного из них жена и семеро детей находятся в рабстве. Иногда, когда я чувствую себя не в силах жертвовать собой, я ставлю себя на его место. О, Бэлл, я так хотел бы повидать тебя и маленького, но я должен ждать! Здесь поблизости жил невольник, жену которого недавно продали на Юг; на следующее утро его нашли повесившимся во фруктовом саду Томаса Кеннеди. Я не могу вернуться домой, пока здесь происходят такие вещи. Иногда мне кажется, что мы больше не увидимся. Если это случится, у тебя есть для чего жить — быть матерью нашему маленькому-Фреду. Сейчас он для меня не совсем реален. Мы уходим отсюда сегодня или завтра.» Письмо было написано, по-видимому, второпях. Буквы шли вразброд и у края страницы становились совсем неразборчивыми. Но маленькая Бэлл, жена Ватсона Брауна, все же сумела прочесть то, что писал ее муж, и даже то, чего он намеренно не писал. Она прочла между строк, что там, в далекой Кеннеди-Фарм, все истомилось от ожидания, что Ватсон далеко не уверен в успехе и что, может быть, это последний его привет.

Но женщины дома Браун привыкли ждать, не жалуясь и не болтая. И маленькая Бэлл в Северной Эльбе ничего не сказала своим домашним. В день, когда пришло письмо, она только больше обычного возилась со своим сынишкой и, глядя его белую головушку, думала, что, может быть, теперь он уже сирота.

Негр, о котором говорилось в письме Ватсона, повесился накануне ночью, и все невольники в окрестностях были взбудоражены. Браун считал, что необходимо воспользоваться этим происшествием, чтобы начать восстание.

Стояла уже поздняя осень. Заговорщики в Кеннеди-Фарм начинали ощущать растущую вокруг них подозрительность. Мельник с Большой запруды приходил осведомляться, намерены ли они засеять восточное поле. Соседки обижались на необщительность Энни. В Чеймберсберге были вывешены объявления о награде за поимку беглого негра Шильдса Грина, по прозвищу Император.

Лири, Андерсон и другие безвыходно сидели на чердаке.

Браун продолжал без устали бродить по окрестностям Ферри. Он осунулся, у него теперь был ищущий, беспокойный взгляд. Беспрестанно наведывался он в почтовую контору. Капитан ждал подкрепления — людей и денег. Наконец пришло письмо от Джона Брауна-младшего — унылое, полное неопределенных надежд. Аболиционисты не решались перейти от слов к делу. Их удерживал страх. Люди придут, как только победа осенит знамя брауновцев. Они явятся, едва слышат ликующий зов свободы. Пока же ему не удалось организовать отряда, и он один приедет через несколько дней в Кеннеди Фарм.

Браун разорвал письмо на мелкие клочки. Не такого ответа он ждал.

Вместе с Брауном в доме теперь собралось двадцать человек, не считая женщин. Люди отчаянно томились, некоторые не могли уже больше выносить этого бездеятельного сидения на чердаке. Кук, приехавший из Чеймберсберга, сообщил Кэги, что в городе начинают сильно интересоваться фермой, в которой не видно никаких сельскохозяйственных работ. Руда? Но почему же компания рудокопов не добывает никакой руды? Недавно Оуэн, возвращавшийся из Чеймберсберга вместе с Императором Грином, чуть было не попал в руки южан. Пробираясь глухими тропами к ферме, он натолкнулся на прохожих и спрятался с Императором в кустах. Южане заметили их, заподозрили, что негр беглый, и стали требовать его выдачи. Оуэн Браун пригрозил, что будет стрелять. Однако за ними стали охотиться, и только с большим трудом им удалось добраться к утру до фермы. Конечно, их всех скоро обнаружат.

А Браун все медлит, все не дает сигнала. Он целыми днями пропадает в горах. У него в кармане рядом с картой лежит библия. Быть может, именно ему, Джону Брауну, бог вручил меч, сделал его своим орудием в борьбе за справедливость на земле?!

Старые, давно забытые сказания из Ветхого завета обступили его. Он воображал себя то Авраамом, приносящим в жертву Исаака, то вдруг припоминался ему архангел Гавриил с мечом — олицетворение справедливого гнева. Он, как негры, хотел бы увидеть какое-нибудь знамение с неба, чтобы окончательно уверовать в божественную волю. Но знамения не было, и он возвращался домой изжелта^{бледный}, с ввалившимися глазами и бескровным ртом. Люди задыхались на чердаке, и ропот все возрастал. Теперь они опасались даже спускаться вниз, и только когда внезапно над горами разразилась гроза, они высыпали гурьбой под ливень и бегали, сорвав с себя рубашки, опьянев от воздуха и давно не виданной свободы. Браун наблюдал за ними, стоя у окна. Дольше медлить невозможно! Теперь или никогда!

Кэги — самый дальновидный — настаивал, чтобы капитан поговорил с людьми, объяснил им, наконец, свой план в подробностях. Люди думают, что капитан собирается уводить негров в горы, и не понимают, почему он медлит. Надо сказать им, что задача куда более грандиозная, что их ждут гораздо большие опасности, что они будут рисковать своими жизнями. Надо рассказать им все, как это задумал Джон Браун.

И вот вечером на кухне фермы перед большим, жарко пылавшим очагом собрались негры и белые.

За окном было черно и сыро. Энни и Марта, закутавшись в плащи, ходили вокруг дома на страже. Кто-то подбросил в очаг большое полено, искры взлетели вверх огненным фонтаном, сухая кора затрещала, и стало слышно, как ветер гудит в трубе.

Браун оглядел своих товарищей. Всё это были молодые, полные сил люди, которых идея свободы заставила бросить их дома, мирный, привычный труд и пуститься навстречу опасностям. В случае неудачи их ждала гибель. Всем были известны суровые законы Союза, карающие за бунт против существующего строя. Они окружили теперь своего капитана: Кэги — ученый латинист, писатель и философ, два брата Коппок — крепкие фермеры из Спрингдейла, свободный мулат Копленд, молодой боец Стевенс, беглый негр Андерсон, Лири, который мечтал освободить свою семью, Кук и три сына Брауна. Неровный свет свечей пробежал по их лицам — возбужденным, беспокойным. Все глаза с нетерпеливым ожиданием смотрели на капитана. И в далекой виргинской хижине, в глухой ночной час люди слышали, наконец, то, что задумал этот «старый отчаянный храбрец» Браун Осоватоми.

В ближайшие дни, пользуясь ночной темнотой, они проберутся в соседний город Харперс-Ферри. По дороге перережут телеграфные провода, арестуют часовых на мосту через Потомак, поставят там свою стражу, а затем в городе захватят здание правительственного арсенала. Арсенал издавна охраняется очень плохо. Тамошнюю стражу надо взять, не подымая шума. Когда арсенал будет захвачен, в их руках фактически окажется не только весь город, но и весь штат. Из огромных запасов арсенала можно будет раздать оружие неграм, которые восстанут по всем окрестным плантациям. По всему Югу свобода распространится, как огонь по сухой траве. Конечно, будет и сопротивление, но они возьмут заложниками самых крупных здешних плантаторов, и, конечно, для выкупа этих людей виргинцы пойдут на любые условия.

— Теперь вы знаете мой план. Вы можете идти за мной или оставить меня. Я не приказываю вам, я даю вам возможность решать самим... Мы

призваны совершить мучительное, высокое дело. Мы можем погибнуть и пролить чужую кровь. От нас отвернутся многие, мы потеряем, может быть, и друзей. Все это я говорю вам сейчас, чтобы вы знали, на что идете, когда будете решать.

Громкий ропот пронесся по кухне.

Оливер, младший сын Джона Брауна, весь пылал:

— Опять кровь! Опять как в Поттавогтоми! Я не пойду!

— Это безумное предприятие! — Средний сын Брауна, Ватсон, резко двинул скамейкой. Он был удивительно похож на отца: те же нависающие брови и светлые глаза, волевое лицо.

— Отец, неужели ты серьезно решил выступить? — обратился он к Брауну. — Ведь это безумие, отец! У нас слишком мало людей. Если придут солдаты, нам не уйти. Харперс-Ферри — настоящая ловушка. Город стоит на слиянии двух рек: Потомака и Шенандоа. Существует только один мост — через Потомак. Если этот мост будет от нас отрезан, мы окажемся в западне.

— Ты забываешь Канзас, — отвечал Браун, — там нас тоже было немного, но мы справились с тремя сотнями негодяев. Поверь, как только мы возьмем Ферри, к нам придут со всех плантаций негры, сотни рабов, которые мечтают о свободе.

Ватсон покачал головой.

— Боюсь, пока негры хорошенько не узнают, кто мы такие, что мы делаем и зачем, они не придут. Мы все это время учились маршировать и мало заботились о том, чтобы сообщить им о наших планах. Здешние негры не знают нас.

— О, проклятые неженки! Вы хотели драться, а когда старик хочет вас вести, вы от него отрекаетесь! Вы спасаете свои проклятые шкуры! — заорал вне себя самый молодой — Хэзлет. — Проклятые, проклятые шкурники!

— Я буду делать то, во что я верю, — сказал Браун. — Вам всем меня не переубедить. Я вижу, что мои собственные сыновья отступаются от меня. Тем хуже, но это ничего не изменит. Я бросил свой очаг и стал солдатом, потому что не могу терпеть рабство в моей стране. Идете вы или остаетесь? Выбирайте, здесь каждый свободен...

— Голосовать!

— Голосовать мы хотим!

— Вы хотите голосовать? Вы, я вижу, против меня, но я не хочу вредить нашей работе. Я отказываюсь от командования. Я больше не ваш начальник. Выбирайте нового, и я стану ему подчиняться, как рядовой.

Пускай он решает.

И Джон Браун вышел, держась все так же прямо, с таким же непреклонным выражением лица. Никто так и не узнал, чего стоила ему эта выдержка. Ведь он не ожидал противодействия, он был уверен, что все они беспрекословно последуют за ним. И вот теперь они остались там, в кухне, они будут голосовать, они будут решать: идти или не идти на Харперс-Ферри, добывать или не добывать свободу черному народу.

Целую ночь продолжались гневные, возбужденные споры. Люди говорили друг другу самые злые, самые обидные слова, вспоминали прошлое, разбирали все поступки капитана. За него были двое: Кэги и Хэзлет. Все остальные — против. Хэзлет, багровый от ярости и огорчения, видел, что дело вот-вот провалится, что если постановят провести голосование, то явное большинство будет против капитана и против его похода.

Так это и случилось. Проголосовали: «Кто за то, чтобы идти на Харперс-Ферри, выполнять этот безумный план?

— Я против.

— И я!

— И я!

И все же семь человек захотели остаться верными Джону Брауну и проголосовали за него. Но большинство — двенадцать голосов — решали дело: они не хотели идти на верную смерть, они отказались следовать за капитаном.

Тяжелая тишина наступила в кухне Кеннеди-Фарм. Все было решено, замолкли все споры. Старика не было: условились сообщить ему результат голосования утром. Брауновцы не смотрели друг на друга, у всех было тяжелое настроение: как будто все они только что предали лучшего друга.

Внезапно Кэги вскочил с табурета, оглядел товарищей:

— Что же вы теперь намерены делать? За кем вы пойдете? Что станете делать со своими жизнями?!

Его маленькое худое лицо пылало. И этот жар его словно передался другим, тем, которые только что голосовали против. Встал Стевенс. Только что он был самым непримиримым, самым яростным из тех, кто не хотел следовать за капитаном. Но сейчас он заговорил, и во всех этих юношах начал совершаться какой-то быстрый, почти молниеносный перелом. Стевенс говорил о Джоне Брауне, о его жизни. Вот он не думает даже о том, что подвергает опасности эту жизнь. Хватит ли у них, у ребят, такой же решимости, хватит ли у них отваги идти вот так же, до конца, ради большого дела?!

И еще один из юношей выступил, и еще... В окна смотрел серый рассвет, когда они снова проголосовали. Теперь не раздалось ни одного голоса против капитана.

— Напишем ему письмо.

— Да, да, напишем, что мы ему доверяем, что мы готовы идти за ним...

И вот уже Кэги сидит за вымытым Мартой деревянным столом и пишет письмо Джону Брауну. «Дорогой сэръ, — так начинается это письмо. — Мы единогласно решили подчиниться вашим приказаниям...»

Утром письмо было вручено Джону Брауну. Лицо капитана, осунувшееся за ночь, разгладилось. Словно для того, чтобы отмести последние препятствия, из Чеймберсберга приехал бледный, невзрачный юноша, почти мальчик. Юноша сказал, что его зовут Мэриэм, что он аболиционист и решил отдать себя и свои деньги в распоряжение капитана Джона Брауна.

Он привез с собой шестьсот долларов золотом и брался, в случае необходимости, достать еще денег.

Капитан созвал всех своих бойцов. Он велел Стевенсу прочитать вслух «Временную конституцию Соединенных Штатов». В сосредоточенном молчании слушали брауновцы полные значения слова о равенстве людей всех цветов кожи и о полной отмене рабства. Подняв правые руки, они торжественно присягнули этому символу новой революции.

28. СОЛДАТЫ СВОБОДЫ

К ночи пошел дождь. Мелкая водяная пыль поднялась в воздухе. Горы были закрыты пеленой тумана. Ветер трепал на деревьях последние мокрые листья.

Потомак вздулся, острые, бестолковые волны ходили по реке. Привязанная у берега лодка беспрестанно кланялась воде.

Император насилу вывел из конюшни пару мулов: животные упирались, им не хотелось выходить из теплого стойла. Ноги их сейчас же начали разъезжаться в жидкой размазне, покрывавшей дорогу.

По двору фермы скользили, качаясь в невидимых руках, фонари. Это люди Брауна готовились в поход. В плетеный возок под брезент складывались мотыги, ломы, пики Блейра, большие лопаты, связки железных прутьев. Ружей и револьверов было не так много, и до взятия арсенала приходилось дорожить всем, что могло служить оружием. Люди работали быстро и молча, не обращая внимания на дождь. Капитан торопил их: надо было попасть в город до рассвета. Браун накинул плащ, и теперь из-под капюшона виднелись только его глаза, холодные и решительные. Подозвав к себе Оуэна, он отдавал ему последние распоряжения. Оуэн с двумя товарищами — Мэриэмом и Барклеем Коппок — оставался на ферме. При первых слухах о взятии города сюда должны явиться негры. Их надо будет вооружить оставленными специально для этого винтовками, составить из них отряд и повести к Ферри. Все это должен был сделать Оуэн.

— Пчелы роями слетятся сюда, — сказал ему отец, и Оуэн понял, что под «пчелами» следует понимать невольников.

Кэги доложил, что все готово. Энни с фонарем в руках стояла у порога и смотрела на отца. Ветер раздувал ее светлые волосы, дождь мочил лицо — она не замечала. Отец поцеловал ее в мокрую щеку.

— Ты собралась?

Энни молча кивнула. Сейчас же вслед за уходом людей она и Марта отправлялись в Чеймберсберг, а оттуда с первым же поездом — домой, в Северную Эльбу. Так приказал Браун, и не в обычаях семьи было возражать.

— Передашь матери, что все идет хорошо, — сказал, обнимая ее в последний раз, Браун. В последний раз промелькнули перед Энни вздрагивающая белая борода и лицо, освещенное внутренним огнем. Долго

еще стояла девушка у порога, тщетно вглядываясь в темноту и ловя звук удалявшихся шагов.

От Кеннеди-Фарм до Харперс-Ферри считалось пять миль.

Капитана Брауна, как самого старшего, усадили в возок. Рядом с ним, под брезентом, дребезжало при каждом толчке разнообразное оружие, собранное бойцами. Дождь не прекращался. Мулы поминутно оступались: ноги их то скользили по мокрым камням, то вязли в грязи. Император вел их на поводу. Слева от дороги подымались Мэрилендские горы, поросшие у подножия колючей ежевикой и шиповником. Кусты цеплялись за платья путников, как будто хотели удержать их от дальнейшего пути. Справа Глухо бурлил Потомак.

Оливер попробовал было какой-то шуткой разрядить напряжение, но его никто не поддержал. Люди молча шлепали по лужам. Перед глазами Оливера покачивалась на возке прямая спина отца. Так, в молчании, маленькая группа добралась до поворота дороги. Отсюда был виден мост через Потомак и на другом берегу крыши Харперс-Ферри. Городок спал, утопая во тьме, только где-то на берегу, верно у станции, вспыхивал и потухал огонек.

Джон Браун слез с возка.

— Солдаты свободы, — сказал он торжественно, — мы идем сражаться за самое честное и правое дело, которое только существует на земле. Быть может, за это дело нам придется отдать нашу жизнь. Я не хочу никого неволить. Кто колеблется, может уйти. Время еще не потеряно.

Он обвел глазами людей. Никто не пошевелился.

— Хорошо, — сказал он просто, — тогда займите ваши места, друзья. И да поможет нам справедливость!

Он приказал вынуть ружья. Из-под плащей показались дула винтовок. Люди пристегнули патронташи. Кук и Лири перерезали в нескольких местах телеграфные провода. Люди даже не нуждались в команде, все делалось быстро и бесшумно, каждый знал свое место и обязанности.

В тени моста с трудом можно было различить фигуру часового, медленно прогуливавшегося взад и вперед. Кэги и Стевенс одновременно очутились возле него.

— Ни с места! Вы арестованы! — они поднесли фонарь к самому его лицу. Молодой парень в форменной каскетке растерянно глядел на обступивших его людей.

Он неуверенно улыбнулся.

— Джентльмены, конечно, шутят...

Ружейные дула убедили его, что здесь дело не шуточное, но он все еще

никак не мог прийти в себя. Среди подошедших он узнал Кука, сторожа при шлюзе, и старого джентльмена по имени Смит.

— Захватите его, — сказал тот, которого он считал Смитом, — а то он подымет весь город. Оливер Браун, Вил Томсон, Ньюби, вы останетесь здесь и будете охранять мост. Без моего приказа никого не пропускать.

— Слушаю, капитан. — Томсон выступил из темноты. — Будет сделано, капитан.

Отряд быстро перешел через мост, миновал железнодорожную станцию и вошел в город. Узкая улица вела к арсеналу. Вот бар, вот железнодорожная гостиница. В окнах — ни огонька. И поздно, да и никто не ждет этих пришельцев в серых плащах. Последние революционные бои были в Харперс-Ферри в 1776 году. С тех пор ничто не нарушало мирного течения жизни в этом городке, уютно прикорнувшем под мышкой у гор. Здесь не бывало никаких происшествий, никаких из ряда вон выходящих событий. И вот в дождливой ночи идет отряд из восемнадцати отчаянных голов, отряд, которому суждено возмутить покой не только Харперс-Ферри, но и всего Юга, всей огромной страны.

Все ближе, ближе арсенал. Теперь погасли огоньки даже у Боливарских гор — это Тид перерезал провода. Арсенал черной громадой встал на берегу. В этом арсенале достаточно оружия, чтобы снабдить целую восставшую армию. Сейчас арсенал будет в их руках.

Часовой арсенала услышал стук колес и вышел из караулки посмотреть, кто едет так поздно.

Уж не вздумал ли начальник проверять посты? Но сквозь «глазок», проделанный в двери, он увидел совершенно неизвестных ему людей в плащах. В следующий момент несколько человек вошло в караулку.

— Открывай ворота!

Часовой вспомнил устав: за выдачу ключа — военный суд. Кто-то схватил его за шиворот, кто-то направил на него винтовку.

— Бросьте, ребята, — сказал молодой голос, — у нас нет времени возиться с ключами. Справимся и так.

Высокий юноша в охотничьей куртке вытащил из повозки лом. Несколько минут было достаточно, чтобы вывернуть цепь и сбить замок. Ворота арсенала распахнулись, и незнакомцы быстро вкатили во двор свою повозку. Зажгли фонари и факелы. «Я был напуган до смерти, увидав столько вооруженных людей, — рассказывал впоследствии часовой арсенала. — Они сказали мне, чтобы я вел себя спокойно и не шумел, иначе они отправят меня к моему покойному дедушке».

Капитан между тем отдавал тихим голосом распоряжения. Сам он с

несколькими людьми останется в арсенале. Кук и Стевенс должны теперь же отправиться за наиболее крупными рабовладельцами. Предпочтительнее «джентри» — местная аристократия: Олстэд, Льюис Вашингтон, внучатный племянник первого президента, и другие. Заложники пригодятся, когда дело дойдет до выработки условий.

Вернувшись, Кук отправится в Кеннеди-Фарм, захватит нескольких плантаторов с мэрилендской стороны и приведет с собой в арсенал всех негров, которые к этому времени соберутся в Кеннеди.

Браун был совершенно спокоен, даже нетороплив Пункт за пунктом, шаг за шагом выполнял он намеченный план. Все случайности были предусмотрены. В определенный час должен был быть захвачен арсенал, и серебряные часы-луковица показывали ему, что он не ошибся. В определенное время должны прийти вооруженные отряды негров, и они придут, в этом нет ни малейшего сомнения.

29. ПРОБУЖДЕНИЕ

Городок начинал пробуждаться. Это было очень неприятное пробуждение. Сначала раздалось несколько выстрелов, потом часто и резко затрещали колокола лютеранской церкви. Где-то на путях запищал паровозик. Захлопали открывающиеся ставни, из окон высовывались бледные, испуганные лица:

— Боже праведный! Что случилось?!

Толком никто ничего не знал. Была еще ночь. Дождя уже не было, но с черепичных крыш еще капало. На взмыленной лошади проскакал всадник. Отстреливаясь от кого-то невидимого, пробежало несколько человек: все люди были в грязи, один держал в руках окровавленный платок.

Бакалейщик Берли, живущий совсем рядом с арсеналом, вышел посмотреть, что это за шум на улице, почему звонят так странно в церкви. Он не успел сделать и нескольких шагов от двери, как его сразила пуля. Это Томсон, получивший приказ капитана следить за подступами к арсеналу, выстрелил на свой страх и риск.

И, точно узнав об этой первой жертве, еще тревожнее зазвонили колокола, захлопали ставни в домах, где-то пронзительно закричали.

Часовой, пришедший сменить своего товарища на Потомакском мосту, был поражен: на посту стояло трое неизвестных.

Он вырвался из рук незнакомцев и побежал к железнодорожной станции, крича во все горло. В этот момент к платформе Харперс-Ферри подошел поезд из Балтиморы. Бледный часовой рассказал кондуктору о вооруженных людях на мосту.

— Ты крепко выпил, приятель, — насмешливо сказал ему кондуктор, — пойді проспись.

Взяв фонари, кондуктор с багажным смотрителем-негром и машинистом направились к мосту. Навстречу им блеснул огонь, раздались выстрелы, и багажный смотритель упал, убитый наповал. (О, сколько язвительных фраз будет сказано потом по адресу «освободителей негров, которые начинают с того, что убивают тех, которых хотели освободить»! Как будут хвататься за эту случайную жертву, чтобы отвлечь людей от самой идеи аболиционизма, чтобы показать, к чему ведут эти вооруженные восстания!)

Взволнованные пассажиры выскочили из вагонов и собрались на станции. Быстро распространились тревожные вести. Из уст в уста

переходило слово «аболиционисты», говорилось о гражданской войне в союзе и передавался, как достоверный, слух о том, что поднялись все негры Юга и что на этот раз ими руководят белые. Это было страшней всего. Пока негры выступали одни, без поддержки белых, их восстания всегда кончались неудачей. Рабовладельцы отлично понимали опасность, которая грозит им, если к неграм примкнут белые. Вот почему такой ужас охватил всех сначала в Харперс-Ферри, а потом и на всем Юге, когда стало известно, что арсенал захватили негры и белые совместно.

В три часа ночи кондуктор балтиморского поезда получил от Джона Брауна разрешение двигаться дальше. Однако кондуктор поезда подозревал, что это ловушка, что мост минирован, а может быть, подрезаны балки, для того чтобы поезд свалился в реку. Нет, пусть командир или как там его называют, этого старого бородатого дьявола, сам прогуляется по мосту!

И Джон Браун действительно вышел из арсенала и, пройдя на мост, показал кондуктору, что мост в совершенной целости.

Кэги, который вместе с Коплендом и Лири завладел оружейными мастерскими, услышал, а затем и увидел поезд,двигающийся по мосту в сторону Монокаси. «Как, он позволил?! Этот старый безумец позволил поезду уйти?! Почему?! Зачем?! Ведь мы могли бы еще много часов держать в своих руках город и окрестности. Провода перерезаны, пока вести дойдут, мы могли бы совершить здесь все, что хотели, дождаться негров, распространить восстание на другие штаты... А теперь весть о нас подымет всех, сюда явятся войска!»

Он вырвал листок из записной книжки, торопливо набросал несколько слов: «Необходимо вернуться в Мэрилендские горы. Цель достигнута, черные люди разбужены. Уходите, пока не поздно, иначе вы попадете в ловушку. Кэги». Надо доставить записку капитану. Но каким образом?

Кэги все предвидел: кондуктор поезда, как только приехал в Монокаси, тотчас же послал депешу начальнику службы движения в Балтиморе:

«Поезд был задержан восставшими в числе ста пятидесяти человек в Харперс-Ферри. Убит багажный смотритель. Мятежники заявили, что они пришли сюда, чтобы освободить рабов. Их предводитель заявил, что это последний поезд, который он пропускает на восток или на запад. Всякая попытка продвинуться на поезде связана с опасностью для жизни. Телеграфные провода на запад и на восток от Ферри перерезаны. Немедленно сообщите властям».

«Ваши сообщения, очевидно, преувеличены и написаны под влиянием

волнения, — отвечал начальник. — Зачем станут аболиционисты останавливать наши поезда и почему вы знаете, полтораста их или больше?»

Так невероятно, так неслыханна была подобная дерзость на Юге, что никто не верил этой вести. И все же в ней крылось что-то такое, что заставляло людей, пожав плечами, принимать свои меры. Тот же начальник, вдоволь поострив над своим напуганным подчиненным, отдал приказание сохранять спокойствие и наладить связь.

Директор железной дороги Балтимора — Огайо отправил телеграммы президенту Соединенных Штатов Бьюкенену, военному министру Флойду, губернатору Виргинии Уайзу и командующему легкой дивизией мэрилендских волонтеров генерал-майору Джорджу Стюарту.

К утру техник со станции Монокаси починил перерезанные телеграфные провода. Но, опережая телеграфные сообщения, молниеносно распространился слух, что большой отряд аболиционистов и негров взял приступом правительственный арсенал в Ферри, захватил мост через Потомак и укрепил свои позиции орудиями, что перерезаны провода, остановлены поезда, убито множество людей и повстанцы взяли заложниками чуть не половину всего города.

Говорилось, что все невольники в округе восстали и что местное население в ужасе ждет всех бедствий междоусобицы. Еще не рассвело как следует, а на улочках Ферри уже появились вооруженные чем попало жители, уже был поднят на ноги соседний городок Чарльз-Таун. Уже во дворе чарльз-таунской казармы строились взводы городской милиции. Генерал Стюарт был срочно вызван к губернатору. На столе президента Соединенных Штатов лежала телеграмма, и опасливый, нерешительный Бьюкенен бормотал: «Только бы не в мое время! Этого еще не доставало!»

К полудню три взвода артиллерии из форта Монро, отряд морской пехоты из вашингтонского экипажа и милиция Фредриксбурга направлялись чуть не форсированным маршем под командованием полковника Роберта Ли к Харперс-Ферри.

Набат звонил непрерывно: «Восстание! Мятеж! Гражданская война!»

30 АРСЕНАЛ ХАРПЕРС-ФЕРРИ

А в это время тот, на кого готовилась вся эта грандиозная государственная облава, деловито расстанавливал бойцов и осматривал склад оружия в арсенале.

Правительственный арсенал Харперс-Ферри представлял собою ряд зданий, окруженных со всех сторон высокой каменной стеной. Когда-то арсенал служил не только для хранения оружия, но и для изготовления его. К главному складу примыкала старая литейная, или машинная, где некогда лили пушки. Там еще до сих пор оставались плавильная печь, ковши, разные инструменты для формовки, а также металлические и деревянные модели пушек.

В складе хранились запасы огнестрельного оружия, военные повозки и несколько чугунных, бронзовых и стальных орудий для сухопутной артиллерии и флота.

Военный министр Соединенных Штатов Джон Флойд по своим симпатиям, которые он неохотно обнаруживал, был ярким виргинцем. Вероятно, втайне он думал, что его любезному Югу в недалеком будущем могут понадобиться винтовки, патроны к ним и пушки. Недаром незадолго до «рейда» Джона Брауна он отдал приказ переправить в арсенал Харперс-Ферри как можно больше боеприпасов из северных арсеналов. Таким образом, в руках Брауна и его бойцов оказалось вдоволь всякого оружия. Благополучно обстояло дело и с заложниками. Как мы помним, чернобородый Стевенс и шлюзовой сторож Кук привезли ночью в арсенал самых именитых заложников: внучатного племянника первого президента Америки Льюиса Вашингтона и нескольких виргинских помещиков. К утру в арсенале находилось сорок два человека из самых известных жителей городка и окрестностей. Это был крупный успех, который нужно было во что бы то ни стало закрепить.

Однако Браун уже в первые часы «рейда» допустил тактическую ошибку: он был недостаточно решителен, ограничился захватом арсенала и дал разрешение уйти поезду из Балтиморы. Поезд этот стал тем глашатаем, курьером, который распространил по всей стране весть о «рейде» и мобилизовал военные силы. Кроме того, Браун дал время жителям Харперс-Ферри оправиться от утренней растерянности, и вот теперь они вызвали отряд милиции из Чарльз-Тауна и со всех сторон оцепили арсенал,

явно обнаруживая намерение перестрелять всех, засевших в этом здании.

Осада арсенала Харперс-Ферри.

Не считая старых кремневых ружей и штуцеров, у местных жителей оказались и настоящие винтовки. Позади арсенала были мастерские, в которых кто-то обнаружил оружие, и все жители от мала до велика побежали туда, чтобы вооружиться и покончить с «ворами негров».

Минуты первой растерянности прошли. Население увидело, что врагов меньше, чем почудилось вначале, что засевшие в арсенале ниоткуда не получают поддержки, что отряды у оружейной и на мосту тоже не имеют связи и немногочисленны и что *с ними* ничего не стоит покончить. И вот из ближних домов, с холмов, из окон слышались сперва одиночные

выстрелы, а потом начался непрерывный, упорный обстрел.

Браун то и дело подходил к одной из бойниц и смотрел на дорогу, ведущую к мосту: не идут ли негры? Не скачет ли Кук с отрядом восставших невольников? Не спешит ли Оуэн с добровольцами из Кеннеди-Фарм?

Но Кук, отправившийся на мэрилендскую сторону, точно в воду канул.

От Оуэна из Кеннеди-Фарм тоже не было вестей, зато Кэги, охранявшему оружейную, удалось-таки отправить гонца с запиской к Брауну.

Он советовал атаковать осаждавших и бежать с отрядом в горы. Он напоминал капитану первоначальный его план. Никто не смог бы упрекнуть Кэги в недостатке храбрости, но он уже начинал терять надежду на приход негров.

Браун внимательно прочитал записку, потом нервно скомкал ее в руке. Теперь было бы нелегко выполнить советы Кэги.

Две убитые лошади лежали во дворе у крепких дубовых ворот арсенала. Оглобли нагруженных подвод поднялись вверх, как руки, умоляющие о помощи. Небо было объято заревом: горело подоженное кем-то здание станции. Добровольцы из плантаторских сынков бесновались снаружи, проклиная аболиционистов и грозя поджечь весь арсенал.

Рядом с главным складом был пожарный сарай. Почти все бойцы Брауна собрались в этом помещении. Здесь были самые толстые стены и самые маленькие, похожие на бойницы, окна.

В дымном сумраке с трудом можно было различить сваленные посредине ручные пожарные насосы, тачки с кирками и веревками, трубы — всю гордость добровольной пожарной дружины города Харперс-Ферри.

Двумя самыми большими пожарными машинами капитан Браун распорядился забаррикадировать на всякий случай ворота, выходившие на улицу. Люди устроились в оконных нишах. Затворы щелкали непрерывно. У бойцов были напряженные лица: капитан приказал открыть усиленный огонь, надо было создать впечатление, что бойцов не меньше сотни. К десяти утра «сыны Виргинии» сыпали пулями, как градом. Большинство пуль отскакивало от толстых стен, но некоторые все-таки находили своих жертв. Коппок, судорожно сжав маленький рот, перевязывал обрывком рубахи свою окровавленную левую руку.

Немного погодя из строя выбыли два негра. Их уложили в углу пожарного сарая. Чтобы раненым было мягче лежать, капитан подложил под них свой плащ и теперь расхаживал в одной легкой куртке. В руке у него была блестящая сабля Георга Вашингтона.

Лицо Джона Брауна, серьезное, угрюмое, выражало энергию и какую-то мрачную решимость. Запах пороха, шум выстрелов пробудили в нем старый боевой дух; ноздри его раздувались, свинцовая грива свисала на лоб. Он нетерпеливо мял бороду и шагал от одного бойца к другому, выглядывая в окна и ежеминутно рискуя быть подстреленным.

— Капитан, что вы делаете? Капитан, поберегите себя! — восклицали то Андерсон, то Стевенс. — Вас убьют, капитан!

— Не волнуйтесь, друзья мои, пули не трогают тех, кто бьется за правое дело, — говорил Браун.

Бойцы переводили взгляд на своих раненых и вздыхали: капитана ничто не могло переубедить.

— Нам недолго осталось ждать. Набат поднял негров на всех окрестных плантациях. Они придут к нам, и мы вместе ударим на врага — твердил беспрестанно Браун.

Не обращая внимания на пули, летавшие вокруг головы, Джон Браун пересек двор и направился к караульному помещению. Сейчас в маленьком домике находились заложники, взятые ночью людьми капитана. Сюда выстрелы долетали глуше. У двери на карауле стоял Император.

Джон Браун вошел в караулку и огляделся. На скамьях и стульях сидело и лежало самое пестрое общество, какое ему когда-либо приходилось видеть. Были тут люди в длинных ночных рубахах, с лысынами, повязанными теплой фланелью, и джентльмены в синих вечерних фраках с золотыми цепочками, выглядывавшими из-под жилетов. Вся эта компания жаловалась, сыпала проклятиями и брезгливо сторонилась негров, забежавших в караулку погреться или взять винтовку. При входе Брауна наступила тишина. Все взгляды обратились к нему. Еле слышный шепот пронесся по комнате: «Старый Браун... Браун из Осоватоми...» О, все отлично знали, кто такой Браун Осоватомский! Со времени канзасской войны они охотились за Брауном.

И вот теперь он здесь, перед ними!

Внезапно в караулке поднялся невообразимый шум. Цилиндры и фланелевые колпаки, халаты и фраки — все это подступило к капитану.

— Есть! — требовали цилиндры и колпаки. — Дайте нам, черт возьми, поесть!

— Что вы с нами делаете? — вторили им халаты и фраки. — Как вы смеееете держать нас в этой конуре?!

— Ваши аболиционисты, сэр, просто бандиты. Если вы хотите уморить нас голодом, скажите нам это прямо! — надрывался старик в вязаном белье, с абсолютно голой головой.

На него зашикали:

— Тс... Мистер Олстэд, вы погубите нас всех...

Капитан поднял руку. Наступила тишина.

— Понимаю, джентльмены, — сказал он спокойно. — Сейчас я постараюсь что-нибудь сделать для вас.

По его распоряжению, из гостиницы, расположенной поблизости от арсенала, принесли бисквиты и кофе для заложников. Один из негров-невольников, стоявший на карауле возле пленников, перенес на палке все продукты в арсенал. Ни Браун, ни его бойцы не притронулись к еде, как ни пересохли у них горла: капитан боялся, что «Сыны Юга» отравили пищу.

Когда пленники насытились, один из них — очень молодой человек по имени Кросс — попросил капитана отпустить его «на минутку» домой. У него, видите ли, дома осталась тетя, и тетя сойдет с ума от беспокойства, если он вовремя не вернется домой. Кросс обещает тотчас же вернуться, он дает в этом слово джентльмена...

— Идите, — прервал его уверения Джон Браун. — Можете не возвращаться.

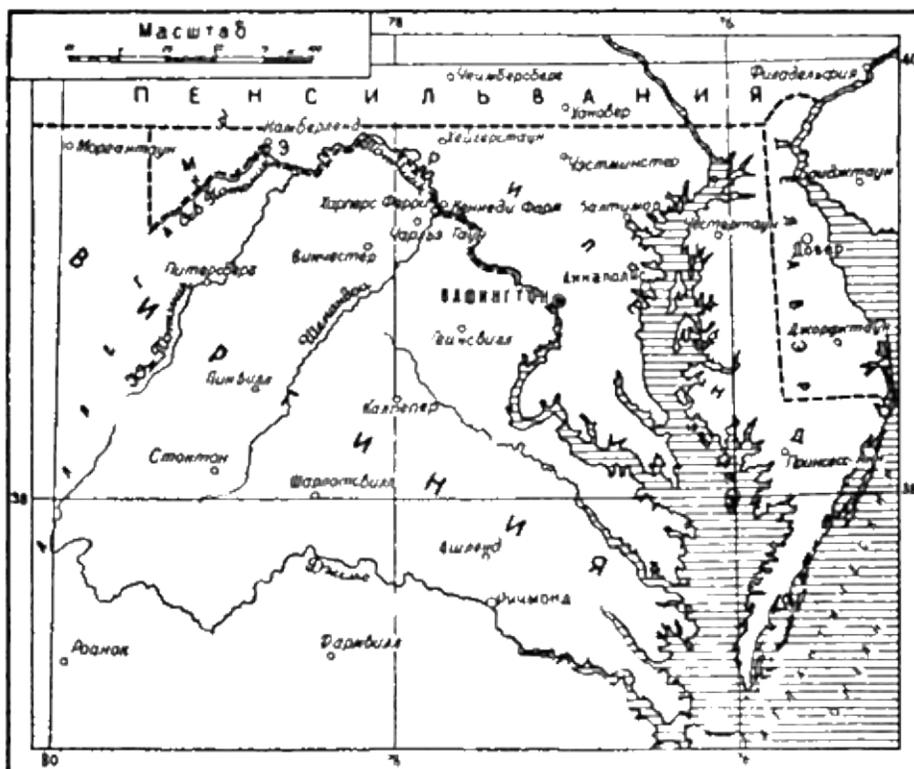
Он подошел к Льюису Вашингтону:

— Вас, сэр, я взял первым потому, что имя ваше, как моего пленника, произведет впечатление на местных жителей, да и вообще на всех в стране. Кроме того, мне пришлось взять вас потому, что вы непременно пришли бы на помощь губернатору Виргинии и помешали бы моим планам. Но я очень внимателен, сэр, к вам, прошу это отметить. И моя и ваша жизнь сегодня в равной цене, потому что каждую минуту я могу погибнуть. Пока же я обязан заботиться о вас. Пройдите к камину, сэр, там вы сможете обогреться...

Вашингтон молчал, презрительно выпятив нижнюю губу: он не желал разговаривать со «старым конокрадом», как он мысленно назвал про себя капитана, опоясанного саблей его знаменитого предка.

В этот первый день Джон Браун свято верил: вот-вот явятся Оуэн и Кук и с ними тысячи восставших невольников. Если они не пришли в первые часы, то непременно придут позже. А может быть, негры дожидаются темноты, чтобы прийти. Значит, надо продержаться до той минуты, когда густая южная ночь скроет Боливарские высоты и Мэрилендские холмы.

Почему же не стекались под знамя Брауна ни негры, ни местное белое население?

Район рейда «Старых шахтеров»

Много времени спустя революционные историки пришли к заключению, что Джон Браун неудачно выбрал район своего «рейда». В той части Виргинии, где находился Харперс-Ферри, было мало так называемых «полевых» негров. Большинство рабов у местных помещиков составляли дворовые, которым жилось сравнительно сносно. Была и еще причина: Джон Браун не позаботился о том, чтобы предварительно подготовить рабов, даже просто посвятить их в свои планы. Поэтому большинство негров-рабов ничего не знало о его выступлении. Оно стало известно им уже после того, как Браун потерпел поражение и был схвачен южанами.

Однако все это стало понятно значительно позже. В те же часы, когда Браун и его сторонники удерживали арсенал, капитан был твердо убежден, что рабы всюду поднимаются против своих угнетателей и с минуты на минуту придут сюда, к арсеналу.

Браун привязал к дулу винтовки носовой платок и поднял его над

воротами. Стрельба на минуту стихла.

— Идите и скажите вашим друзьям там, чтобы они прекратили стрельбу. Это в ваших интересах, — сказал Браун одному из заложников — Джозефу Бруа.

Бруа выскользнул за ворота и начал подавать отчаянные знаки осаждающим.

— Не стреляйте! — жалобно закричал он. — Вы перестреляете своих, мы все сидим там. Ради самого неба, прекратите огонь! Капитан предлагает вам перемирие. Если вы оставите ему арсенал, он обязуется тоже прекратить стрельбу! Не стреляйте!

Однако не успел Бруа проскользнуть обратно, как стрельба возобновилась с новой силой. «Добровольцы» не обратили внимания на его крики, они решили во что бы то ни стало захватить проклятых янки. Ага, стало быть, янки уже посылают парламентаров! Ага, стало быть, они переходят от нападения к обороне?! Хорошо же, «Сыны Юга» покажут им, как посягать на исконные права южных джентльменов!

Очистилось небо, день разгорался все жарче. И с каждым часом, с каждой минутой усиливалась стрельба. Теперь восставших атаквали со всех сторон. Выше Харперс-Ферри «добровольцы» перешли через Потомак и подобрались кустами к мосту. Оливер Браун, Ньюби и Вил Томсон очутились, таким образом, под прицельным огнем. Против оружейных мастерских, где стоял Кэги, тоже залегла группа южан, перебравшаяся через Шенандоа. Теперь только Хэзлет и Осборн Перри оставались под надежным прикрытием арсенала и реки.

В полдень на мосту послышались сильные залпы, потом крики, смутный гул. Джон Браун и его люди бросились к воротам: Это негры! Они пришли! Это Оуэн! Наконец-то!

Но это были те трое, что стояли на мосту: Оливер Браун, Ньюби и Вил Томсон. Они бежали, спасаясь, к арсеналу, и за ними сплошным синим потоком текли джефферсонские гвардейцы.

— Гвардейцы! Пришли гвардейцы!

— За мной! — скомандовал Браун.

Он кинулся за ворота и за ним — все его бойцы. Они выстроились в шеренгу у ворот: кучка отчаянных людей, готовых дорого продать свои жизни.

— Огонь! — кричит Браун.

Раздался залп. Несколько синих фигур падает. Остальные, рассыпавшись, отступают под прикрытие гостиницы. Трое защитников моста уже близко. Но когда они подбегают к воротам, раздается выстрел

сверху, и Ньюби падает, сраженный пулей.

Защитники арсенала держались стойко.

Остальные двое благополучно проскальзывают во двор, за ними — их прикрытие. Джон Браун схватывает сына за руку, приближает к нему лицо, уже закопченное, осунувшееся до предела. Не получал ли Оливер каких-нибудь вестей от Оуэна? Не присылал ли Оуэн гонца из Кеннеди-Фарм? Оливер качает головой, говорит хрипло:

— Нет, отец, никто не приходил.

Джон Браун крепче стискивает в руке саблю Вашингтона: значит, они придут позже. Значит, надо ждать их к ночи. Продержаться до ночи! Во что бы то ни стало продержаться до ночи!

Можно воспользоваться заложниками, именно они дадут выигрыш во времени.

Браун вошел в караулку. К этому времени сорок два пленника приободрились. Кое-кто уже рассказывал анекдоты, некоторые расположились досыпать: ночь была не из легких. При входе Джона Брауна все затихло: на него смотрели со страхом. Он приблизился к Льюису Вашингтону.

— Следуйте за мной, сэр. И вы... И вы...

Быстро, почти не глядя, он отобрал одиннадцать наиболее именитых пленников.

— Что вы собираетесь с нами делать?! — опять взбунтовался Олстэд.

Не отвечая, Браун провел всех выбранных в машинную и жестом указал на место у задней стены. Заставил войти туда же негров и вооружил их. Потом привел всех своих бойцов. Здесь, в машинной, будет их крепость. Отсюда они смогут лучше обороняться.

Он обратился к заложникам:

— Джентльмены, теперь, когда вы переведены сюда, ваши друзья и родственники там, наруже, наверное, будут осмотрительнее палить в нас. Вы послужите нам прикрытием. Да и вам это будет удобнее: здесь, под защитой моих бойцов, вы будете в большей безопасности. А если нам будут грозить, вы разделите судьбу моих людей. Это я говорю вам для руководства и сведения...

Пленники поникли. Браун Осоватоми был не из тех, что бросают слова на ветер.

Между тем в город продолжали прибывать войска. Прибыло три взвода гвардейцев из Мартинсбурга, винчестерцы, шефердстаунский отряд. Больше тысячи солдат окружали теперь Харперс-Ферри и машинную с запершейся там кучкой «шахтеров».

Браун подзвал к себе Вила Томсона: необходимо добиться хотя бы временного прекращения стрельбы. Пусть Томсон возьмет кого-нибудь из пленных и отправится к осаждающим для переговоров.

Вил повиновался и, слегка приоткрыв ворота, выскользнул на улицу. Но едва успел он показаться за воротами, как раздался торжествующий вопль врагов. Десятки людей набросились на парламентаря, смяли его, связали и потащили в гостиницу. Наконец-то один из этих ненавистных янки в их руках!

Племянник городского мэра Харри Хэнтер и плантатор Чемберс первыми ворвались в гостиницу и приставили револьверы к голове Томсона. Трактирщица набросилась на них: она не хочет, чтобы портили

кровью ее ковры, пусть джентльмены выбирают другое место для расправы! Тогда они вытащили свою жертву во двор. Томсон был очень бледен.

— Вы отнимаете у меня жизнь, но восемьдесят миллионов подымутся, чтобы отомстить за меня, — сказал он своим палачам. — Помните, рабы будут освобождены во что бы то ни стало!

Ударом приклада его уложили на землю, и долго еще слышали бойцы в арсенале победные крики врагов.

— Вот ваша этика, джентльмены, — горько усмехнувшись, сказал Браун заложникам. — По-видимому, честная игра вам незнакома.

Вашингтона передернуло, но он ничего не смог возразить старику: его сограждане действительно вели себя как бандиты.

К капитану подошел Стевенс:

— Надо послать кого-нибудь из негров сказать осаждающим, что брауновцы перестреляют всех заложников, если им не дадут свободно уйти отсюда...

Браун прервал его:

— Вы, Стевенс, и ты, Ватсон, возьмите белый флаг и постарайтесь договориться, чтобы они хоть временно прекратили огонь.

— Но, отец, ведь они забрали Томсона, заберут и нас...

Задумчивое лицо Ватсона обратилось к отцу. Легкое облако грусти лежало на этом лице.

— В качестве прикрытия захватите заложника, — сказал Браун. — Ведь не посмеют же они стрелять по белому флагу и по своим!

Но они посмели. Когда на открытой площадке перед арсеналом появились трое с белым флагом, раздался такой залп, что со стен посыпалась штукатурка. Острая боль пронизывает Ватсона, — его бедро раздроблено пулями. Рядом с ним падают Стевенс и белый, залитый кровью флаг.

— Надо их прикончить, — кричат где-то над ними. Но Ватсон собирает силы и ползет назад, к караулке арсенала, и за ним, по грязной дорожке, стелется кровавый след.

Заложник спешит удрать. Он тащит с собой раненого Стевенса. Стевенс почти не подает признаков жизни. Лучший ученик Джона Брауна и лучший его командир лежит без сознания. Три порции свинца засели в его ребрах. Он не слышит над собой зверски радостных криков, ему все равно, что трясут, и теребят, и перетаскивают с места на место его тело, и, наконец, бросают, как тюфяк, на полу гостиницы.

До караулки всего несколько шагов, но Ватсону кажется, что много

десятков миль осталось ползти по этой желтой намокшей глине. Пули свистят вокруг него, бедро пылает нестерпимым огнем, а он все ползет и ползет.

Из машинной напряженно следят за ним. Император и Оливер крепко держат за руки Брауна. Капитан вырывается, он хочет идти к своему сыну, он должен спасти его, принести его сюда. Плоть от его плоти умирает на его глазах, а он не может ничем помочь! Но бойцы горячо уговаривают его. Что будет с ними, если его убьют? Капитан не имеет права рисковать своей жизнью. На его ответственности жизнь всех его бойцов, он не смеет бросать их...

Под взглядом сотен глаз Ватсон добирается до ворот. Но тут вдруг раздается оглушительный залп: это Лимен — самый юный из учеников Брауна — решил прорваться сквозь стан врагов. Может быть, он успеет пробраться в Кеннеди-Фарм, поторопить тех, кто там остался, привести помощь... И вот он карабкается по створке задних ворот, падает, потом снова лезет вверх. Вот ему удалось влезть на верхнюю перекладину, он спрыгивает с семифутовой высоты и оказывается на берегу Потомака. Скорее, скорее бежать! Но враги пристально следят за быстрой гибкой фигуркой. Выстрелы гремят, пули шлепаются в воду, у самых ног Лимена. Лимен бросается в реку, плышет, он во что бы то ни стало хочет доплыть до островка впереди. Там он сможет передохнуть, укрыться хоть на несколько минут. Вот он уже возле островка, он карабкается на каменистый берег, но солдаты идут за ним по воде. Они все ближе, Лимен уже видит их лица. Вот они вскидывают ружья. «Я сдаюсь! Не надо стрелять!» — кричит им Лимен. Но они все-таки стреляют и сносят Лимену половину черепа. Так Лимен лежит на каменистом берегу, и весь день по его неподвижному телу палят практикующиеся в стрельбе новички.

Солдаты, солдаты, всюду солдаты! Уже окружены возле оружейных мастерских Кэги и два его товарища — Копленд и Лири. Их оттесняют к Шенандоа. Они пробуют прорваться сквозь ураган огня, взобраться на холмы, укрыться в кустах, но их тоже загоняют в реку. Впереди и позади огонь. Первым тонет Кэги — самый образованный, самый дальновидный из брауновцев. Может быть, только он один предугадал такой конец восстания и все-таки не отступил, все-таки пошел за капитаном, так крепко, так незыблемо верил он в пользу даже собственной гибели. С пробитой головой он тихо погрузился в ледяную воду Шенандоа, и почти тотчас же за ним утонул Лири.

Последним был мулат Копленд. Один из добровольцев подстерег его

за обрывом, когда он выбирался из реки, и напал на него с ножом. Копленд поднял винтовку, но ему было трудно двигаться в намокшей одежде, и вскоре он оказался пленником виргинца.

На берегу вопили: «Линчевать его! Линчевать!» Когда победитель притащил свою темнокожую добычу, все уже связывали палатки, чтобы сделать петлю и повесить Копленда. Только подоспевший милиционер спас мулата от линчевания. Он сказал, что жизнь мулата священна, ибо с настоящей минуты принадлежит суду Соединенных Штатов. И Копленда поволокли в город. Поволокли для того, чтобы еще долго мучить, держать в тюрьме, а потом все-таки предать смерти.

31. ГОРСТКА ОБРЕЧЕННЫХ

В сумерки прибывшие из Мартинсбурга солдаты воспользовались тем, что брауновцы были заняты перевязкой раненых, и напали на двор арсенала. Произошел короткий, стремительный бой, причем полегло много солдат, а у восставших был смертельно ранен Оливер Браун — любимец отца. Солдаты овладели двором, и теперь брауновцы засели в машинной. Взвалив на плечи безжизненное тело Оливера, Джон Браун бродил по машинной. Он искал удобного места, чтобы уложить свою драгоценную ношу. Наконец выбрал уголок у стены и положил туда Оливера. Юноша открыл мутные глаза:

— Отец, мы победили, правда? Мы их прогнали?

Джон Браун склонился над ним:

— Да, да, Оливер. Спи, мой мальчик.

Он отвернулся и вытер платком влажный лоб.

Приближалась ночь. Больше не было слышно стрельбы, вокруг машинной все было оцеплено милицией: решено было дожидаться утра и прибытия морской пехоты — это ей предназначалась главная роль в развязке.

В машинной лежат обессиленные заложники — одиннадцать человек. Несколько вконец перепуганных невольников охраняют их.

У пробитых в каменных стенах бойниц стоят те, кто еще в состоянии держать в руках оружие: Андерсон, Император Грин, Эдвин Коппок, Дофин Томсон и тот, кого они зовут главнокомандующим, — седобородый старик со скорбным лицом.

— Я думаю, придется сдаться... — подошел к нему Эдвин Коппок.

— Мы не можем сдаться, — устало возразил Браун. — наших негров ждет линчевание, да и нас не помилуют. Нужно думать о людях, Коппок.

— А заложники, — напомнил тот. — Мы еще можем их ценой купить себе свободу.

Джон Браун покачал головой.

— Дело зашло слишком далеко, — сказал он. — Осаждающие скорее согласятся пожертвовать несколькими здешними плантаторами, чем выпустить из рук нас. Впрочем, можно попытаться.

За стеной раздались звуки горна. Император, выглянув, сообщил, что солдаты составили ружья в козлы и как будто собираются расположиться лагерем. Вдруг он сказал:

— Капитан, сюда идет офицер с белым флагом. Мне кажется, это парламентар.

Джон Браун подошел к окну и выглянул наружу.

— Что вам угодно, сэр?

— Я бы хотел говорить с вашим командиром, — донесся высокий тенорок офицера. У него было круглое лицо с небольшой курчавой бородкой. Разговаривая, он нервно поправлял пелерину своей шинели.

— Вы говорите именно с командиром первого американского аболиционистского отряда. Мое имя — Джон Браун.

— Я явился сюда по поручению полковника Роберта Ли, командующего войсками Соединенных Штатов в этом округе, — прокричал офицер. — Полковник предлагает вам сдаться. Вы окружены со всех сторон. У вас нет другого выхода.

Джон Браун набросал несколько слов на клочке бумаги.

«Капитан Джон Браун отвечает: «Если все мои люди — живые, мертвые и раненые — будут в ближайшее время доставлены сюда со всем своим оружием и снаряжением, мы возьмем всех наших пленников и вместе с ними перейдем Потомакский мост. Мы отпустим пленников на свободу спустя некоторое время и невдалеке от моста. Только после этого мы сможем вступить в переговоры о захваченной нами государственной собственности. Мы требуем также доставки нашей лошади и фургона к гостинице.

Джон Браун. 18 октября 1859».

Парламентар быстро вернулся с ответным письмом полковника:

«Полковник Ли, главная квартира, Харперс-Ферри. 18 октября 1859.

Полковник Ли, командующий войсками Соединенных Штатов, посланный президентом США для подавления восстания в этом округе, требует сдачи лиц, находящихся в здании арсенала. Если они сдадутся без сопротивления и выдадут захваченное имущество, они будут в безопасности ожидать распоряжений президента. Полковник Ли со всей откровенностью предупреждает их, что бегство невозможно — весь арсенал окружен войсками. И если его вынудят прибегнуть к силе, он не отвечает за последствия.

Р. Ли, полковник, командующий войсками С. Ш.».

Джон Браун прочел письмо. Лицо его осталось невозмутимым.

— Я сдамся, если полковник даст моим людям, здоровым и раненым, уйти в горы, — сказал он, явственно произнося каждое слово. — Кроме себя, в обмен за моих людей я обещаю всех взятых мною заложников.

— Это невозможно, — офицер решительно взмахнул рукой. —

Полковник требует безусловной сдачи всех бунтовщиков.

— Сэр, в моих руках был весь город, я мог стереть его с лица земли. В моих руках были и есть вот эти пленники, — Браун указал на заложников, лежащих у задней стены, — я мог бы уничтожить их так же, как вы уничтожали моих людей. Но ни один волос не упал с их головы, и я кормил и поил их, в то время как мои люди голодали. И вы не хотите дать нам свободно уйти в горы...

Вмешался один из пленников:

— Дайте им уйти. Они уже и так наказаны. Здесь умирают два сына старика...

Но офицер был непреклонен.

— Сдавайтесь. Вы окружены. Вам все равно не вырваться.

— Тогда мы все будем сражаться до конца, — и Джон Браун поднял револьвер и выстрелил в воздух. — Вот мой ответ.

— Предупреждаю вас: на рассвете мы начнем атаку, — сказал офицер и, не выдержав парламентерской вежливости, возвысил голос: — Мы разгромим ваше проклятое гнездо!

32. ПОМОЩЬ НЕ ПРИХОДИТ

Где же был в это время Кук, которого так страстно сжидали бойцы, от которого надеялись получить помощь и спасение?

Переехав на мэрилендскую сторону Потомака, Кук и Тид решили сначала раздобыть пленников. Один из крупных местных помещиков, Бирн, сам попался им на дороге. Он ехал верхом в Ферри.

Кук сошел с повозки и взял за повод лошадь Бирна.

— К сожалению, мне придется вас арестовать.

Бирн, знавший в городе этого широкоплечего шлюзового сторожа, засмеялся:

— Бросьте, что за шутки!

Винтовки и лица негров, сопровождавших Тида и Кука, убедили его в том, что здесь не шутят. Кук привязал лошадь пленника к своей повозке, и весь отряд продолжал свой путь к дому Бирна, где надлежало взять еще его брата. У дверей дома Бирн успел шепнуть брату: «Гражданская война».

Между тем оба аболициониста созвали в гостиную невольников Бирна и сказали им, зачем они здесь. Впервые в этих стенах говорилось о свободе черного народа. Нервно шагавший по комнате Бирн уловил несколько слов: «Все люди рождены свободными и равными». Он крикнул в бешенстве:

— Что вы тут им болтаете?! Я, когда хочу заставить их что-нибудь сделать, стреляю в них! Это лучший из моих доводов!

На шум явилась тетка Бирна, старая леди, похожая на летучую мышь. Эта особа строго следила за чистотой ковров в доме и за обществом своих племянников. Увидев незнакомых вооруженных людей, она сварливо набросилась на домочадцев:

— Чего вы стоите, разинув рты, почему не выгоните из дому этих бродяг!..

И даже когда обоих ее племянников посадили по распоряжению Кука и Тида в тележку и отправили под конвоем негров в Харперс-Ферри, старая леди не перестала ворчать на незваных гостей, которые топчут грязными сапогами ее ковры.

Кук и Тид поехали дальше, в Кеннеди-Фарм, за оружием и неграми. Но, к их удивлению, на ферме все было тихо, не видно было ни вооруженных людей, ни оседланных лошадей, ни приготовлений к бою. В кухне, угрюмо уставившись в пол, сидели Оуэн и Мэриэм. Младший Коппок вырезал перочинным ножом тростниковую дудку.

Ничто здесь не напоминало о событиях, происходящих в пяти милях от фермы. Кук пробормотал проклятие. Но даже и он в эту минуту не знал, как далеко зашло дело и как нетерпеливо ждут в Ферри его прихода с подкреплением.

Оуэн кратко сообщил, что за время их отсутствия ничего важного не произошло.

— А негры? — нетерпеливо перебил его Тид. — Надеюсь, ты подобрал хоть небольшой отряд из невольников?

Оуэн покачал головой. Нет, негры не приходили, заходил только кое-кто из соседей.

Кук яростно сплюнул. Оставалась еще слабая надежда на то, что негры отправились прямо в Ферри. Он начал лихорадочно нагружать свою повозку ящиками с оружием. Мужчины помогали ему. Барклей Коплок бросил вырезать свою дудку. Кук всех заразил своим волнением и напряженностью. Он что было мочи погнал лошадей назад, в Ферри, но дорога была еще размыта дождем, и у повозки скоро сломалась ось.

Кук принял эту новую неудачу стоически, не слишком ругаясь. К счастью, неподалеку была школа, учитель которой считался другом Брауновцев. Здесь тоже ожидали негров, и учитель брался их направить в Ферри, 22?

Но, несмотря на то, что дело приближалось уже к ночи, негров здесь тоже не было. Учитель предложил Куку переночевать: быть может, негры явятся с рассветом. Они вместе разгрузили повозку и внесли ящики с винтовками в школу. Но Кук не сомкнул глаз и еле дождался зари. Его мучило сознание, что он не выполнил ни одного из приказаний Брауна. Вот он возвращается верхом в Ферри — один, без людей и без оружия! Что скажет он капитану? Как взглянет в его глаза?

Внезапно он услышал звук выстрела. Еще один, еще... Сомнения быть не могло: стреляли в Ферри... Итак, значит, жители решили сопротивляться? Кук пригнулся в седле и поскакал. На вершине холма ему повстречались двое подростков. Он сдержал лошадь, чтобы поговорить с ними. Да, в Ферри воюют. Там засели какие-то чертовы аболиционисты, но теперь пришли войска и, конечно, быстро расправятся с ними. Уже семерых загнали в канал, и там они захлебнулись.

Кук бросил поводья и слез с лошади. Игра проиграна, это ясно. Он посмотрел вниз. С высокого холма весь город был виден как на ладони. Две реки сливались у подножия гор. Мосты, арсенал, подстриженный газон у железнодорожной гостиницы, блестящие рельсы, вырывающиеся из темной пасти Потомакского моста — все это выглядело таким маленьким

под ногами!

По неровным улочкам города взад и вперед сновал народ, иногда люди кучками собирались под прикрытиями. Из этих прикрытий вылетали, как изо рта курильщика, белые дымки, и эхо в горах повторяло звуки выстрелов. Кук различил кучку людей у дома на Верхней улице. Из этого дома было чрезвычайно удобно стрелять по машинной.

Несмотря на всю безнадежность положения, Кук сделал то, что должен был сделать. Он снял винтовку и, надеясь отвлечь на себя внимание людей с Верхней улицы, начал стрелять в них. Они были в полумиле, но Кук не напрасно гордился своей меткостью. Люди всполошились и, бросив обстреливать машинную, направили выстрелы в невидимого на холме врага. Раздался залп. Пуля сшибла ветку с дерева, к которому прислонился Кук. Больше ничего не оставалось делать. Кук слез в шлюз канала: здесь нашли гибель семеро его товарищей, пусть он будет восьмым...

Но судьба дала ему передышку: никто не заметил беглеца, и через несколько часов Кук постучался в дом знакомых ему фермеров-ирландцев. Ирландцы сделали вид, что не замечают мокрой одежды и спутанных волос нежданного гостя. Ему дали хлеба — он ел жадно и быстро. Будто нехотя, он спросил о событиях в Ферри. Ирландцы слышали, что там все кончено и что в середине дня убит сам Джон Браун Осоватоми.

Тогда Кук поднялся и сказал, что ему пора уходить. У него были дикие глаза и хриплый голос. Ирландцы его не удерживали.

Выйдя из дому, Кук побежал. Как будто земля горела у него под ногами. Он бежал и бормотал про себя: «Убит... убит!..» — без конца одно и то же слово. Так он добежал до Кеннеди-Фарм. Ферма была темна и пуста, дверь стояла распахнутая настежь, и ветер хлопал ее створками. Кук позвал. Сперва тихо, потом все громче, громче... Наконец, забыв об опасности, он начал кричать. Тогда из чащи елей, росших у дороги, вышли Оуэн, Барклей Коппок, Мэриэм и Тид.

— Все погибло, — сказал им Кук, — капитан убит. И он упал к их ногам, словно сраженный пулей.

Но капитан не был ни убит, ни даже ранен.

С первыми лучами солнца забили барабаны. Горнист заиграл зорю. День обещал быть холодным и ясным.

Капитан встречал зарю у изголовья умирающих сыновей. За ночь новые морщины появились на лбу Брауна. Он страдал не за себя: к своей судьбе он был равнодушен. Его пугала участь людей, пошедших за ним, доверивших ему свою судьбу.

Тишина в машинной прерывалась только криками, долетавшими из-за стены, да стопами Оливера. Ватсон лежал тихо. Один из заложников, бывший когда-то фельдшером, осмотрел обоих сыновей, потом сказал с профессиональным спокойствием:

— К утру им станет легче.

Ему никто не поверил. Все знали, что рассвет несет не выздоровление, а гибель.

Оливер, задыхаясь, просил отца прекратить его мучения, пристрелить его.

— Нет, мальчик, потерпи немного, я уверен, тебе станет лучше, — нежно говорил ему капитан.

Но наступил момент, когда этому перестали верить и отец и сам Оливер. Тогда Браун положил руку на спутанные волосы юноши и повернул к себе его тонкое, почти девическое лицо.

— Слушай меня, Оливер, — сказал он глухо, — если ты умрешь, ты умрешь славной смертью, сражаясь за свободу. Если ты должен умереть — умри как мужчина.

И Оливер затих, как Ватсон. Он уже не стонал и не просил, чтобы его пристрелили. Только когда за стеной раздалась частая барабанная дробь, он вдруг приподнялся, словно хотел вскочить, и тут же упал навзничь. Что-то заклокотало у него в горле, голова свесилась на грудь. Джон Браун вздрогнул, пристально посмотрел в его молодое мертвое лицо и опустился на колени.

Обстрел начался не сразу. Морская пехота, которая пришла на рассвете, еще пила кофе, еще завтракала, и к осажденным голодным бойцам доносился запах поджаренного хлеба и каши, доводивший их до иступления.

Морская пехота в синих мундирах с белыми поясами, в голубых брюках казалась особенно нарядной и подтянутой. Позавтракав, солдаты разобрали винтовки и окружили машинную. Впереди построились две шеренги. Одна часть солдат была вооружена тяжелыми молотами, вроде кувалд, вторая — держала винтовки со штыками: было приказано не стрелять до последней возможности, чтобы не задеть и волосы на головах заложников в машинной.

Тысячи людей собрались на Боливарских высотах, на Лоудоновском склоне, на улицах. Из всех окон торчали головы любопытных. Сотни зрителей висели на заборах и на деревьях — все жаждали присутствовать на заключительной сцене этого спектакля. Лишь бы не пропустить ни

малейшей подробности финала! «Сыны Виргинии» криком и свистом торопили и подзадоривали моряков.

— Ну-ка, начинайте вашу охоту! Затравите нам этого старого волка — Брауна!

Время шло, а наступление все еще не начиналось. Дело было в том, что командование никак не могло решить, кому же вести атаку.

Полковник Ли, одетый в обычное штатское платье, пререкался с полковником Шрайвером, командующим мэрилендской милицией. При этом у обоих на лицах играли любезнейшие улыбки. Быть может, полковнику Шрайверу угодно взяться за это дело? Но полковник Шрайвер охотно уступит эту честь своему уважаемому коллеге, тем более, что коллеге платят за его работу.

— Лейтенант Грин, — сказал, потеряв терпение Ли, — не возьмете ли вы на себя честь выбить этих людей из их гнезда?

Грин, молодой офицер, бывший накануне парламентаром, приложил руку к кепи и поблагодарил полковника за высокое доверие. Потом он отобрал наиболее рослых моряков. Тысячи глаз следили за каждым его движением. Грин чувствовал себя как актер в ответственной роли.

Полковник Ли подозвал к себе адъютанта Джеба Стюарта:

— Предъявите им там, в машинной, ультиматум: сдаются или нет? Если нет, взмахните шляпой.

Люди на Боливарских высотах, на Лоудоновском склоне, на улицах, в окнах видят, как офицер в шляпе с пером четким шагом пересекает двор арсенала, подходит к двери — машинной, стучит. В чуть приоткрывшейся двери показывается сначала взведенный курок карабина, потом высокая фигура старика с белой растрепанной бородой и пронзительными глазами. Минуту старик и Джеб Стюарт смотрят друг на друга.

— Вы уже однажды были у меня в руках, Джон Браун Осоватоми. Это было в Канзасе, — говорит Стюарт надменно.

— Да, но вы тогда не смогли меня одолеть. Я был сильнее вас, — отвечает спокойно Браун.

— Вы сдаетесь теперь, здесь?

— Нет, я предпочитаю умереть, но не сдаться.

Джеб Стюарт взмахивает шляпой. Перо чертит в воздухе широкую плавную линию.

— Вперед! — кричит солдатам Израэль Грин. — Вперед!

Джон Браун в последний раз оглядывает своих бойцов. Их всего пятеро.

Черное лицо Императора отликает синевою. Запачканная кровью повязка перерезает лоб. У остальных хмурые, закопченные и сосредоточенные лица. В углу, как груда тряпья, валяются скорченные от страха заложники. В эту, казалось бы, неподходящую минуту Браун вдруг вспоминает себя мальчиком. Вот он, конец Аннибаловой клятвы! Что же, он честно прошел свой путь! Но люди... такие молодые, такие восторженные храбрецы! Он морщится от охватившей его жалости.

— Друзья, постараемся как можно дороже продать нашу жизнь, — говорит он. — Своей жизнью мы добудем свободу угнетенным! Мужайтесь, люди!

Грохот прерывает его слова. Со стен сыплется штукатурка. Густая известковая пыль смешивается с синим дымом.

Это молоты морской пехоты бьют в дверь. Дверь трещит, несколько планок отскакивает от нее.

— Долой рабство! — кричит в каком-то исступлении Коппок. — Стреляй, ребята!

Трещат выстрелы. Дым затемняет небо. Вой, крики, гром — все смешивается.

— Да здравствует свобода! — кричат бойцы сквозь грохот залпов, — Да здравствует свободная республика!

— Смерть неграм! Долой аболиционистов! — доносится к ним из-за стены..

Бешено бьет набат. Император, стиснув зубы, сторицей оплачивает за убитых товарищей. Капитан и негр стреляют почти не целясь, но каждая их пуля укладывает кого-нибудь из синих. Волосы Джона Брауна, как дымное облако, поднялись над лбом, борода растрепана. Император крепко обмотал вокруг шеи красный шарф, лицо его осунулось, глаза воспалены. Он механически взводит курок, не чувствуя своего левого локтя и правого плеча и обжигая пальцы о раскалившийся ствол ружья.

Лицо капитана принимает величаво-торжественное выражение.

— Последняя минута близка. Спаси, господи, наши души!

Последняя минута близка.

Двери подаются. Сквозь щели уже видны погоны офицеров и потные лица солдат.

— Сейчас конец, капитан.

Только одна пожарная машина сдерживает дверь. Три оставшихся в живых бойца стреляют наугад. Наконец дверь раскалывается и в машинную вливается синяя река мундиров. И сразу утро превращается в ночь. Теперь уже никто не стреляет. Идет беспорядочная свалка, мелькают сабли и кулаки. Исступленно кричат заложники, они рвут из рук солдат оружие, они тоже хотят расправиться с этими проклятыми ворами негров, которые двое суток держали их в плену!

Император заслоняет своим телом капитана. Он мечется в распахнутой

рубашке, из которой выглядывает широкая черная грудь. Прищурив один глаз, он стреляет почти в упор в офицера, но десятки рук вышибают у него револьвер, и синие мундиры повисают на нем со всех сторон. Императору удается сбросить с себя четверых, но еще десять наваливаются на него. Синий барахтающийся клубок долго катается по земле, прежде чем солдатам удастся связать негра.

Джон Браун бросается к нему на помощь, но перед ним вырастает Вашингтон. Аристократ хочет свести счеты с этим узурпатором, захватившим саблю его предка. Он зовет лейтенанта Грина:

— Сюда! Сюда! Вот он, Осоватоми! Вот он!

— На, получай, старый бродяга!

И лейтенант с размаху ударяет Брауна саблей по голове. Офицер увлекается, злоба ослепляет его, и он уже без разбору колотит и колотит по этой старой, белой голове.

— Долой рабство! — кричит Браун и падает липом в землю.

Льюис Вашингтон наклоняется над упавшим и, стиснув зубы, вырывает из его безжизненных рук драгоценную реликвию — саблю Фридриха II.

33. «СЫНЫ ВИРГИНИИ»

Очнувшись, Браун увидел над собой свинцовое октябрьское небо. Он был неприятно поражен: разве он не мертв?

Мысли увязали в тумане, мучительно болела голова. Тотчас же над ним склонилось несколько чужих лиц — холодно любопытных или злорадных.

— Мистер Браун, отвечайте на вопросы: кто послал вас сюда?

Губернатор Уайз, седой и щуплый, вытянул шею, чтобы лучше слышать ответ. Убитых и раненых брауновцев сложили на земле у наружной стены арсенала. Моряки, взявшись за руки, с трудом сдерживали напор толпы. Любопытные старались прорваться, чтобы увидеть вблизи этого легендарного Брауна. Сквозь плечи и спины моряков им видны были только спутанные свинцовые волосы и кровь, запекшаяся на белой бороде лежащего. Перед зрелищем распростертых тел передние ряды замолчали. Между тем задние продолжали напирать, и хриплые голоса «сынов Виргинии» озверело ревели:

— Линчевать их! Линчевать!

Внутри цепи стояла кучка «властей»: губернатор Уайз, стряпчий штата Эндрю Хэнтер, сенатор Мэйсон, Вашингтон и множество журналистов, почуявших сенсацию. Все нетерпеливо ждали, чтобы к Брауну вернулось сознание.

Но вот капитан остановил вполне осмысленный взгляд на губернаторе, и все тотчас же подались вперед. В руках журналистов появились блокноты.

— Никто не посылал меня сюда, — сказал Браун тихо, но явственно произнося каждое слово, — я сам организовал все это дело...

Тут он добавил, что будет рад, если все ясно поймут его побуждения.

— Вы все, джентльмены, виновны перед человечеством; поэтому я считал своим долгом освободить тех, кого вы держите в угнетении.

Карандаши замелькали по бумаге. Старый Браун, известный молчальник, заговорил. Надо было пользоваться минутой, и журналисты старались изо всех сил. Корреспондент «Трибуны» уселся на корточках перед капитаном. Джон Браун тяжело перевел дух:

— Я хочу, чтоб вы поняли одну вещь, джентльмены. Всю жизнь я уважал последних цветных бедняков больше, чем самых богатых и могущественных белых. Только эта идея руководила мной. Я хочу сказать

еще, чтоб все вы на Юге готовились. Чем скорее вы приготовитесь, тем лучше для вас. Я говорю об оплате негритянского счета. Это еще не конец. У меня много сторонников на Севере...

Голос капитана постепенно слабел. Ему было трудно говорить, голова горела как в огне. Никто не догадывался дать ему воды. Слова его перешли в невнятный шепот, и корреспондент «Трибуны» напрасно тормозил раненого: Джон Браун снова потерял сознание.

Губернатор Уайз и его свита собрались в гостинице. Президенту была послана успокоительная телеграмма, но «сыны Виргинии» были явно напуганы. Что хотел сказать старый бунтовщик, предупреждая их о том, чтоб они готовились? Что ожидает Юг в ближайшее время? Уж не готовится ли новое восстание? Браун говорил о сторонниках на Севере. А вдруг янки уже поднялись?!

Объединение белых с неграми — это была грозная опасность, которая заставляла трепетать всех рабовладельцев. Джон Браун был первый белый, руководивший восстанием в пользу негров. Но за ним, быть может, стоят еще сотни и тысячи белых, которые подымут всех черных рабов против угнетателей?

Послали в Кеннеди-Фарм — сделать обыск и захватить все бумаги, какие найдутся в доме.

Между тем смеркалось. Вышли вечерние газеты с описанием гражданской войны в Харперс-Ферри. На улице бушевали пьяные «ричмондские серые», страсти расходились, слышались выстрелы, кто-то пел национальный гимн, из боковой улочки доносились крики и звон разбитого стекла: там храбрые патриоты громили лавчонку свободного негра. Губернатор счел необходимым сказать речь, дабы успокоить взволнованные умы. Он вышел на веранду гостиницы. Однако крикуны там, на улице, никак не хотели успокоиться, и губернатор трижды зывал к ним:

— Славные сыны Виргинии!..

Он поздравил виргинцев с победой над внутренним врагом и заверил их, что впредь никто не посягнет на законы Соединенных Штатов. В глубине души губернатор был далеко не уверен в этом.

Из Кеннеди-Фарм привезли кодовый чемодан, полный писем и документов. При свете оплывающих свечей губернатор и стряпчий Эндрью Хэнтер просмотрели часть бумаг. Тут были карты штатов с обозначением числа черного и белого населения, текст Временной конституции и письма многих, лично известных присутствующим почтенных людей. Сомнения быть не могло: позади Брауна стояла большая, сплоченная конспиративная

организация.

Утром 19 октября Джона Брауна, находившегося все еще в беспамятстве, повезли под усиленной охраной моряков на станцию. Рядом с ним на телеге лежал тяжело раненный Стевенс. Связанные Император Грин и Коппок шагали позади, в цепи солдат. Угрюмая, молчаливая толпа провожала арестованных до поезда. Их везли в чарльз-таунскую тюрьму, где через неделю оставшиеся в живых брауновцы должны были предстать перед судом Соединенных Штатов.

Раны Джона Брауна еще не успели затянуться, когда начался суд над «бунтовщиками из Харперс-Ферри». Столь лихорадочная спешка была понятна: властям Виргинии, всему Югу да, наконец, самому президенту Бьюкенену было необходимо как можно скорее покончить с этим опаснейшим «безумцем» Брауном, вытравить из памяти людей всякое воспоминание о нем и о событиях в Харперс-Ферри, стереть с лица земли всех последователей Брауна.

Америка и на Севере и на Юге была охвачена сильнейшим волнением. Впервые белый выступил с оружием в руках на защиту негров. Он взял с собой сыновей, и два из них погибли в борьбе за свободу черных. Имя Брауна склонялось на все лады. Одни видели в нем пророка, чуть ли не Мессию, посланного освободить негров, другие утверждали, что он честолюбец, преследующий свои личные цели. В сенате и палате представителей при имени Брауна республиканцы и демократы лезли друг на друга с кулаками.

Общественные страсти подогревались газетами. Журналисты Юга вопили о попустительстве аболиционистам, напоминали о восстании Ната Тернера и предрекали новые кровавые мятежи. Джона Брауна они рассматривали как представителя мощной организации, готовящейся ниспровергнуть существующий строй. Газеты северян были склонны отдавать должное личной храбрости капитана Брауна, но расценивали выступление в Харперс-Ферри как безумную и никчемную затею. Между тем ходили угрожающие слухи о брожении среди негров. За несколько дней в Чарльз-Тауне и других местах штата произошло несколько пожаров. Один раз сгорела рига богатого плантатора, в другой — склады табака и сахара, принадлежавшие крупному торговцу. Жители были настроены панически и убеждены, что негры жестоко отомстят за своего вождя.

Все это заставляло правительство Соединенных Штатов торопиться с судом. Кроме того, через несколько дней заканчивалась судебная сессия, и до следующей сессии пришлось бы ждать шесть месяцев. А держать

Брауна полгода в тюрьме — это значило бы держать динамит, который каждую минуту мог взорваться. Ни один из «сынов Виргинии» не хотел рисковать этим.

Судья штата, Ричард Паркер, получил секретное предписание вести следствие и суд в ускоренном порядке.

25 октября Джон Браун и его бойцы предстали перед следственным судом Чарльз-Тауна.

Весь путь от тюрьмы до здания суда был оцеплен войсками.

Несколько пушек были направлены на толпу, запрудившую улицы. Все эти предосторожности принимались якобы для того, чтобы не допустить расправы народа с арестованными; на самом же деле власти штата боялись нового выступления и того, что друзья захотят силой освободить Брауна из тюрьмы.

С лязгом отворяются железные двери тюрьмы, толпа подается вперед, неясный гул пробегает по рядам. На пороге появляются двое: высокий, весь обвязанный бинтами белый и молодой негр, заботливо поддерживающий его за плечи. Так вместе они спускаются по ступенькам на улицу, и белый громко стонет от боли. За ними следует еще один негр, стройный и подтянутый, и позади всех, об руку с бледным юношей, идет тот, на кого устремлены взоры всей толпы: старый человек с окровавленной белой повязкой на лбу.

Зал суда тонул в сизом дыму бесчисленных трубок и сигар. В невытые окна виднелись куски серого неба и такого же серого двора. В этом суде обычно разбирались мелкие земельные тяжбы фермеров, долговые дела, пьяные драки... Впервые стены суда увидели такое собрание государственных чиновников, представителей печати и адвокатуры.

Казалось бы, зачем вести следствие, назначать судебное разбирательство, если все дело и без того ясно и конец Брауна заранее известен последнему мальчишке в стране? Но Америка хотела утвердить за собой славу самой демократической и либеральной страны в мире. Здесь каждый человек имел право быть судимым судом Союза и казнимым главным палачом штата.

Капитана и его бойцов встретили гробовым молчанием; только изредка слышались громкие плевки: это жующие табак упражнялись в своем искусстве.

Клерк зачитал имена подсудимых: Джон Браун, Аарон Стевенс, Эдвин Коппок — белые... Шильдс Грин, Джон Копленд — негры...

Здесь не было еще Кука и Хэзлета, которых искали по всем ближним штатам, так как полагали, что они не могут бежать далеко. Власти считали

их одними из главных заговорщиков. Через несколько дней Кука и Хэзлета нашли в Пенсильвании и привезли в ту же чарльз-таунскую тюрьму.

Поднялся секретарь суда.

— Имеют ли подсудимые защитников, или хотят, чтобы защиту назначил суд?

Все подсудимые устремили глаза на своего капитана. Браун встал, крепко держась за спинку скамейки. Но он сказал не то, чего от него хотели.

— Виргинцы, — начал он, — я не просил пощады, когда меня взяли, я не просил вас тогда пощадить мою жизнь. Но губернатор штата Виргинии заверил меня, что надо мной будет честный суд. Если вы жаждете моей крови, вы можете в любой момент получить ее без этого издевательства, именуемого судом. У меня нет адвоката, я не в силах с кем-либо советоваться, я ничего не знаю о состоянии моих арестованных товарищей и не могу заботиться о своей собственной защите. Память изменяет мне, здоровье мое еще не восстановилось. Существуют обстоятельства, говорящие в нашу пользу. Я привел бы их, если б нас судил честный суд. Но если все сводится к простой форме — суд для казни, — вы можете избавить себя от хлопот. Я готов к моей судьбе. Я не требую суда. Я прошу даже, чтоб не было ни этой карикатуры на суд, ни оскорблений — ничего подлого и бессовестного. Я настаиваю, чтобы меня избавили от судебного издевательства.

Я не знаю, для чего ведется это следствие и какую пользу извлечет из него страна. Хуже этого издевательства ничего нельзя было выдумать. Только трусливые варвары так оскорбляют тех, кто попал к ним в руки...

Браун, тяжело дыша, опустился на скамейку. — Полное молчание встретило его слова. Он говорил перед глухой, враждебной стеной. Капитан обвел глазами публику. Синие фраки, военные мундиры, золотые цепочки на жилетах, модные клетчатые панталоны — он был во власти правящего класса Юга, и его речь — горячая, возмущенная, живая — оставила этих людей равнодушными, как будто он говорил на мертвом языке.

Судья бесстрастным голосом предложил назначить двух защитников от суда — мистера Ботса и мистера Томаса Грина. Оба были виргинцы, добросовестные и лишенные всякого таланта. Во всяком случае, их прежде всего интересовали те доллары, которые они получают за свое выступление в суде.

Четверо подсудимых без возражений согласились передать им свою защиту. Они просили лишь о том, чтобы каждого из них судили порознь. Один Джон Браун остался безучастным; он сидел, низко опустив голову, и,

казалось, дремал.

К вечеру следственный суд представил свои заключения главному судье. Паркер подтвердил все три главных пункта обвинения: измена государству, заговор и подстрекательство рабов к восстанию и убийство мирных граждан. Даже одного из этих обвинений было достаточно, чтобы послать подсудимого на виселицу. Не могло быть и тени сомнения в той судьбе, которая ожидала Джона Брауна.

Пушки, направленные на чарльз-таунскую тюрьму в день суда над Брауном, были отнюдь не лишней предосторожностью. Едва весть об аресте Брауна достигла Бостона, аболиционисты — и белые и негры — пришли в сильнейшее волнение. Все понимали, что капитана ждет виселица и что вместе с ним погибнут все мечты об освобождении негров, все лучшие надежды и упования.

Нет, друзья свободы не могут допустить смерти Брауна!

Канзасские негры взывали к своим братьям на Севере: нужно любой ценой спасти капитана!

Через день после начала суда к судье Паркеру явился очень молодой человек и представился: Джордж Хойт, адвокат из Массачусетса, прибывший для защиты обвиняемого. «Я подозреваю, что это шпион», — написал прокурор Хэнтер одному из друзей в Вашингтон. Он настаивал, чтобы Паркер потребовал у юноши документы, удостоверяющие его юридическое звание, но судья огрызнулся:

— И так уже весь Север кричит о нашем пристрастии, — и ввел Хойта в состав суда.

Между тем прокурора не обманул его тонкий нюх. Юный Хойт был действительно послан бостонскими аболиционистами с тайным поручением разведать все обстоятельства дела и переговорить с Брауном о побеге. В качестве официального защитника молодой аболиционист мог свободно посещать тюрьму и общаться с арестованными.

Спустя несколько дней бостонские друзья Брауна получили от Хойта обескураживающее письмо:

«...Он категорически отказывается от нашего плана. Ничто из того, что я говорил, не могло поколебать его решения. Он говорит, что не ушел бы из тюрьмы, даже если бы дверь была открыта. Иногда я не совсем его понимаю, но знаю только, что он меня глубоко трогает. Этот человек, один среди лагеря врагов, под угрозой смерти держится так достойно и умно, что рядом с ним все прочие кажутся ничтожными.

Вы не можете себе представить здешнего волнения: весь округ

наводнен вооруженными патрулями, и большие отряды войск постоянно находятся под ружьем. Один он спокоен. Люди здесь жаждут его смерти, но даже и они не могут не признать его исключительного мужества и величия...

Итак, главной помехой в задуманном аболиционистами плане побега был сам Браун. Капитан категорически отказался от насильственного освобождения.

— Весь Юг, вся страна скажут, что я трус и побоялся ответить за мои поступки, — сказал он Хойту, когда тот попробовал настаивать.

Юрист передал эти слова бостонцам, но аболиционисты возмутились. «Он не думает о нас, о том, что он нужен нам и нашему движению. Пусть он противится, мы все-таки спасем его вопреки его желанию!»

Хиггинсон, Барнс, Хинтон и другие пишут друзьям в Канзас. Надо торопиться, дорог каждый день, каждый час! Перебирают десятки способов, строят самые фантастические планы побега. Наконец негр Спунер из Бостона предлагает план, который принимается с воодушевлением.

Надо похитить губернатора Виргинии Уайза, вывезти его на быстроходном судне в море и держать там в качестве заложника, а потом предложить властям штата освободить Брауна в обмен на губернатора. Аболиционисты нашли верного человека — капитана быстроходного парохода, который в случае погони брался обогнать даже ричмондскую канонерку^[9].

На все это предприятие требовалось свыше десяти тысяч долларов. Собрать такую сумму в немногие остающиеся дни было очень трудно, и от этого плана пришлось отказаться. К тому же разнесся слух, что под командой Джона Брауна-младшего в Огайо вооружается несколько отрядов. Говорилось, что эти отряды намереваются в день казни ворваться в город, захватить арестованных и, посадив их на лошадей, увезти в свободные штаты, к друзьям.

Однако этот слух оказался ложным: никто и нигде не вооружался для спасения Брауна, и аболиционисты с отчаянием видели, как приближается день расправы над их вождем.

Впрочем, думать о спасении капитана и предаваться горю могли только рядовые члены организации, оставшиеся неизвестными властям: рабочие, негры, мелкие фермеры, ремесленники.

Такие крупные фигуры, как Фредерик Дуглас, Сенборн, Геррит Смит, Гарриэт Тэбмэн и другие, понимали, что им грозит немедленный арест и необходимо думать о спасении. Власти заявили во всеуслышание, что в

ковровом чемодане, найденном в Кеннеди-Фарм, обнаружены бумаги, подтверждающие участие многих видных северян в подготовке брауновского восстания. Назывались имена Хиггинсона, Дугласа, Сенборна, Смита и Стирнса. Из этих людей правительство Виргинии, представлявшее целиком интересы плантаторов-линчевателей, более всего жаждало расправиться с Фредериком Дугласом. В Дугласе видели выдающегося деятеля аболиционизма, он был наиболее опасен как оратор и руководитель негритянского движения. Однако Дугласу удалось спастись: он бежал в Канаду, откуда потом перебрался в Англию. Дуглас оставался в Европе до мая 1860 года, а потом вернулся в Соединенные Штаты для продолжения борьбы, которая приняла в то время уже массовый характер.

Но в описываемый нами 1859 год так называемые «почтенные» янки, которые чувствовали, что они могут быть хотя бы косвенно заподозрены в связи с Брауном, спешили публично и в печати отмежеваться от него, назвать его «конокрадом», «убийцей», «старым безумцем». Паника охватила тех, кто жертвовал деньги в пользу негров.

Геррит Смит, неуравновешенный, нервный и слабый, узнав о провале восстания и о том, что над участниками его будет суд, заболел от страха манией преследования, и его вынуждены были отправить в лечебницу для душевнобольных.

34. СУД

— Введите подсудимого Джона Брауна.

— Простите, сэръ, арестант лежит и утверждает, что не может встать.

— Тогда внесите обвиняемого на носилках.

Стевенс уже лежал на матрасе в углу зала заседания. Четыре тюремщика внесли носилки. Под серым тюремным одеялом только угадывалась человеческая фигура. В этот день подсудимых вызвали для того, чтобы они прослушали обвинительное заключение и ответили на вопросы сторон.

Тюремщик отдернул одеяло. Показалось лицо Брауна — бледное, с закрытыми глазами и плотно сомкнутым ртом. Клерк гнусаво читал постановление суда о вызове свидетелей, причем свидетелей в пользу Брауна в списке не было. Внезапно Браун сел на своих носилках и резко обратился к суду. Он не в таком состоянии, чтобы выдержать это бесконечное судоговорение. У него глубокая рана в спине, несколько сабельных ран на голове, и он плохо слышит, потому что кровь шумит у него в ушах. Пусть суд поторопится и ускорит ход дела.

Паркер не обратил никакого внимания на его слова и начал читать обвинительное заключение: измена, тайный заговор, убийство.

Признают ли подсудимые себя виновными? Нет, не признают. Один за другим поднимаются обвиняемые. Нет. Нет. Нет.

Прокурор Хэнтер предъявил суду бумаги, найденные в кофре Брауна: карты, текст Конституции, письма. Затем начался допрос свидетелей.

Перед судом прошли плантаторы, которых Браун держал заложниками в арсенале, — полковник Льюис Вашингтон, Бруа, кондуктор балтиморского поезда. Все это были свидетели обвинения, охотно докладывающие суду о том, где, когда и при каких обстоятельствах посягнул на них подсудимый. Свидетели в пользу Брауна, знавшие о его благородных побуждениях, не были вызваны, хотя капитан просил об этом. Наконец перед судом предстал сын прокурора Хенри Хэнтер, убивший беззащитного Томсона. Молодой южанин не без удали рассказал об этом «подвиге».

Браун поднялся на своем ложе. Это неслыханно! Отец молодого убийцы здесь, в зале, и занимает должность прокурора. Больше того — судьба его, Брауна, зависит от отца убийцы!

Но то был голос вопиющего в пустыне. Ни судья, ни публика, ни сам прокурор Эндрю Хэнтер не обратили ни малейшего внимания на слова обвиняемого. Судоговорение продолжалось обычным порядком. Защитники, беспомощные перед таким количеством уличающих фактов, были смущены и растеряны. Кроме того, виргинцы по рождению, они были не слишком заинтересованы в сохранении жизни своему клиенту.

Они могли бы потребовать перенесения судебных заседаний в дальний округ, где страсти были менее возбуждены и где настроение толпы не влияло бы на решение суда. Но они не сделали даже и этого.

Однако в руки защитников попал важный козырь в пользу их клиента — телеграмма, полученная утром из Экрона, Огайо. Они огласили ее текст:

«Вторник, октября 27 1859 года. Экрон, Огайо. Лоусону Боте. Джон Браун, вождь восстания в Харперс-Ферри, и некоторые члены его семьи много лет жили в здешнем округе. В этой семье наследственны душевные болезни. Сестра его матери умерла сумасшедшей, а дочь ее провела два года в лечебнице для умалишенных. Эти факты могут быть подтверждены свидетельскими показаниями, если пожелает суд».

В зале поднялся насмешливый гул. Так, значит, он просто сумасшедший, этот величественный герой?! Значит, его высокие идеи — просто навязчивые идеи маньяка?! О, как злорадствовали «сыны Виргинии»! Угроза смерти не сломила старика, так теперь его проймет издевка! Он захочет спасти свою жизнь и для этого предпочтет прослыть сумасшедшим!

Но капитан недолго позволил им торжествовать. Он с бешенством откинул одеяло и, негодующий, обратился к своим судьям.

— Ваша честь, я категорически протестую против того, чтобы этим документом пользовались для моей защиты. Я публично заявляю, что телеграмма написана с целью опорочить меня перед моими сторонниками. Все время я действовал в здравом уме и твердой памяти и несу полную ответственность за мои поступки!

Среди присутствующих пронесся шепот: никто не ожидал от Брауна такой выходки. Доказанное сумасшествие — ведь это был его единственный шанс избежать казни!

Окончательно обескураженные защитники начали упираться на благородство побуждений Брауна и на его гуманное обращение с заложниками, которых он мог бы уничтожить, если бы хотел отомстить за смерть двух своих сыновей.

На заседание суда явились новые адвокаты, только что прибывшие с Севера: Гризуольд из Кливленда и Чилтон из Вашингтона, посланные

аболиционистами защищать капитана Брауна. Оба юриста считали, что важней всего выиграть время, оттянуть суд до следующей сессии. Тогда страсти поулягутся, возбуждение, вызванное делом, спадет и легче будет добиться для Брауна более мягкого приговора.

Капитан окончательно ослабел за время суда, и два новоприбывших адвоката настаивали на болезненном состоянии своего клиента.

— Он может лежать, стало быть, лежа присутствовать на суде, — отвечал Паркер.

В понедельник 1 ноября суд заслушал выступления сторон. Чилтон и Гризуольд говорили об идейных мотивах, руководивших подсудимым, напоминали присутствующим о суровой школе жизни, пройденной Брауном, об его честных помыслах и потере трех сыновей. Но что значили эти лирические подробности для людей, которые сидели здесь и смотрели на Брауна глазами собак, готовых вцепиться в наконец-то затравленного зверя?!

Поднялся Эндрю Хэнтер, тучный мужчина в тугом, накрахмаленном галстуке.

Он даже не трудился полемизировать со своими противниками, он просто изложил факты. Браун захватил город Харперс-Ферри, который был ему нужен как основной пункт для сбора всех восставших. Здесь он хотел сосредоточить вооруженные силы и выступить против Союза. Его «временное правительство» — вполне реальная вещь, стало быть, Джон Браун виновен в государственной измене.

Кроме того, совет может быть подан не только словами, но и действием. Если вы вкладываете в руки раба пикку и арестовываете его хозяина, это есть призыв к восстанию, караемый смертью.

— Выносите свое суждение соответственно вашим законам, — сказал Хэнтер, обращаясь к присяжным. — Оправдайте подсудимого, если найдете возможным. Но если правосудие требует от вас смертного приговора, не дрогните. Если он виновен, пусть карающая рука правосудия отправит его к творцу, который раз и навсегда решит этот вопрос.

И прокурор, отдуваясь, отер платком вспотевшее толстое лицо.

Присяжные заняли свои места. Было сумрачное утро 2 ноября. Присутствующие сосредоточенно жевали табак. К услугам желающих были плевательницы, но люди предпочитали плевать куда вздумается, поэтому пол, стены и даже скамьи были густо усеяны плевками, скорлупой каштанов, окурками.

— Виновен или невиновен подсудимый Джон Браун? — громко

спрашивает судья.

— Виновен, — отвечает старшина присяжных, плантатор Бойс, — виновен в измене Союзу, в заговоре и подстрекательстве рабов к восстанию и в убийстве.

Джон Браун чуть приподнял одеяло и снова опустил голову на носилки. Казалось, не о нем говорили присяжные и не его жизнь висела сейчас на весах американской Фемиды.

Клерк гнусавым голосом спросил, что подсудимый имеет сказать суду до произнесения приговора.

Браун с трудом приподнялся, пристально поглядел на хмурого судью, на прокурора, заготавливавшего перочинным ножом новую порцию табачной жвачки. Никто не ответил на его взгляд, все угрюмо смотрели в пол, словно он был обвинителем, а они подсудимыми.

— Я скажу немного, — начал Браун. — Если нужно заплатить моей жизнью за то, чтобы скорей воцарилась справедливость, если нужно смешать мою кровь с кровью моих детей и миллионов других в этой стране рабов, права которых попираются так несправедливо и жестоко, я говорю: да будет так.

Челюсти на минуту перестали жевать. Старый человек с окровавленной повязкой на лбу сказал свое последнее слово — твердое слово мужественного, неподкупного борца за справедливость. Судья Паркер заторопился читать приговор.

Джон Браун, пятидесяти девяти лет от роду, фермер из Северной Эльбы, белый, приговаривался к повешению за шею ровно через месяц от сего дня, то есть 2 декабря 1859 года.

«Моя дорогая жена и дети и все вы, должно быть, уже успели узнать, что две недели тому назад от сегодняшнего дня мы сражались за свою жизнь в Харперс-Ферри, что во время этого боя Ватсон был смертельно ранен, Оливер убит, Вильям Томсон убит и Дофин убит. Что на следующий день я был ранен саблей в голову и штыком в спину. Ватсон умер от своей раны в среду или в четверг, на третий день после того, как я был взят. За это время меня судили и признали виновным в измене и в убийстве первой степени. Несмотря на эту ужасную беду, я чувствую себя вполне бодро в уверенности, что господь бог восторжествует надо всем во славе своей.

Я не чувствую никакого сознания вины за все это дело. Ни даже какого бы то ни было унижения из-за того, что меня заключили в тюрьму. Я совершенно уверен, что вскоре ни один член моей семьи не будет краснеть за меня. Когда и в какой форме приходит смерть — имеет самое малое

значение. Я чувствую себя готовым умереть за страждущее человечество и за вечную божью истину на эшафоте так же, как и во всяком другом месте, говорю это не из бахвальства. Нет, я с готовностью признал бы свою неправоту, если бы думал, что не прав. В своем заключении я имел время взглянуть на все это прямо и просто и теперь испытываю самую большую признательность за то, что меня сочли достойным пострадать за правду. Мои дорогие, любимые, не расстраивайтесь. Эти превратности скоропреходящи и в конце концов принесут нам вечное сияние славы. Надеюсь, что смогу снова написать вам. Мои раны заживают хорошо. Перепиши это, Рут, и пошли своим опечаленным братьям Джону и Джезону, чтобы успокоить их. Скажи моим бедным мальчикам, чтобы они ни на одну минуту не огорчились из-за меня. И если они доживут до того времени, когда им не придется стыдиться своего родства со старым Джоном Брауном, пусть они не удивляются. Напишите мне несколько слов, как здоровье всех вас, как вы поживаете. Благослови вас господь бог всемогущий. Ваш любящий муж и отец Джон Браун.

Р. С. Вчера, ноября 2-го, я был приговорен к повешению 2 декабря след. мес. Не горюйте обо мне. Я по-прежнему совершенно бодр. Бог да благословит вас всех. Дж. Браун».

Тяжелые железные кандалы загремели на ногах узника, когда он встал, чтобы позвать тюремщика.

— Я должен просматривать все ваши письма, — заявил тот.

— Просмотрите. Я не пишу ничего такого, чего не мог бы прочесть каждый.

И белобородый узник вернулся к столу, на котором оплывала и коптила свеча. Соломенный матрац в углу, грубый табурет и цепи на ногах — все это было как бы вне его сознания. Для Джона Брауна не существовало этой убогой и уродливой действительности. Другое занимало его мысли в эти немногие остающиеся дни. Сейчас или никогда он должен быть услышан и понят, сейчас или никогда он должен сказать людям единственную правду. Его слова, слова смертника, слова обреченного, дойдут до сознания людей и привлекут тысячи сторонников к его делу.

Браун стал внезапно расчетлив и предусмотрителен. То, чего ему не хватало когда-то, в дни торговли шерстью, вдруг выплыло теперь, в камере № 18.

Он до мелочей учитывал, какую пользу принесет его смерть и какой это будет благодарный материал для революционного движения, какое агитационное значение могут иметь его письма перед казнью, сколько денег для помощи неграм может он собрать, написав тому-то и тому-то из

северян.

Капитан писал редакторам крупных газет, известным проповедникам, парламентским деятелям, журналистам, иностранцам... Поздно ночью тюремщик, заглядывая в «глазок», видел все ту же согнутую над столом фигуру и огромную колеблющуюся тень на стене.

В месяц, последовавший за приговором, узник чарльз-таунской тюрьмы был в центре внимания всей Америки. Капиталистическая печать Юга и Севера устраивала над приговоренным к смерти пляску каннибалов. Юг не мог простить Брауну того, что двадцать два бойца привели в панику целый округ. Теперь, когда враг был обезврежен, помещики Юга издевались над его мучениями, изощрялись в придумывании самой оскорбительной смерти.

Даже буржуазия Севера не верила теперь в мирные договоры. Среди передовой интеллигенции, рабочих и фермеров выступление Брауна рассматривалось как подвиг, о нем говорили с восхищением.

В Нью-Йорке и Бостоне состоялись многочисленные митинги, с трудом разгоняемые полицией.

Брауна провозгласили новым святым, который прославит эшафот, как распятие. Хорэйс Грили, редактор газеты «Нью-Йоркская трибуна», оценивал положение более трезво:

«Восстание в Ферри ускоряет назревающий конфликт, и я думаю, что конец рабства в союзе теперь на десять лет ближе, чем это казалось несколько недель тому назад».

Браун быстро превращался в одного из величайших народных героев Америки. Его поведение на суде, зверская расправа, которую подготовили над ним сторонники рабовладения, вызвали бурю негодования и в самой Америке и в других странах. Народные массы приветствовали в Брауне борца за благородное дело.

Камеру № 18 осаждали посетители. Тут были юристы, военные, квакеры, священники. Одни глазели на Брауна, как на диковинного и опасного зверя в клетке, другие хотели научиться от него мужеству, третьи ждали от него поучений, четвертые сами хотели поучать и обращать этого старого грешника. Люди специально приезжали из других штатов; некоторые, верные американской страсти, просили у знаменитого человека автографы и совали ему сквозь тюремную решетку свои альбомы.

Браун все сносил терпеливо. Он считал, что и это может принести пользу движению. И только однажды, когда к нему явился священник-южанин и начал его увещевать, Браун вдруг вспылал и чуть не выгнал почтенного пастыря.

«Я не могу считать священнослужителями людей, которые имеют рабов и защищают рабство, — писал он в тот же вечер Хиггинсону, — я не хочу преклонять мои колени с теми, чьи руки обагрены кровью негров».

На имя Джона Брауна приходили со всех концов страны многочисленные письма: восхваления и проклятия, издевательства и восторженные похвалы его мужеству.

В течение месяца, когда Джон Браун томился в тюрьме в ожидании казни, весь штат напоминал пороховой погреб.

Губернатор Уайз был в бешенстве. Его канцелярия была завалена письмами и телеграммами. Советы, жалобы, прямые угрозы. Одни требовали немедленной казни Брауна, другие грозили расправиться с самим губернатором, если он не добьется помилования капитана.

Страна была в неслыханном волнении. Отовсюду прибывали сообщения о готовящихся восстаниях и набегах для спасения осужденных.

Губернатор отправил срочное донесение президенту Соединенных Штатов Бьюкенену:

«Я располагаю достоверной информацией. Мне сообщают, что будет сделана попытка освободить арестованных. Несколько округов Мэриленда, Огайо и Пенсильвания упоминаются как место сбора головорезов. Мы непрерывно опасаемся пожаров и грабежей, могущих вспыхнуть на наших границах».

Два дня спустя полковник Роберт Ли, победитель Джона Брауна, прибыл в Чарльз-Таун с тремя сотнями артиллеристов из форта Монро. Тысяча солдат милиции из соседних городков расположилась лагерем возле Чарльз-Тауна.

Чарльз-Таун сделался похожим на осажденный город. В церквах и школах были расквартированы войска. На всех улицах виднелись ружья, составленные в козлы. Вооруженные патрули рыскали по всему штату. Часовые были расставлены за много миль от города. Почти каждую ночь вспыхивали таинственные пожары. При невыясненных обстоятельствах сгорели амбары трех чарльз-таунских помещиков, которые были присяжными в деле Брауна и участвовали в вынесении смертного приговора.

Весь ноябрь продолжались пожары, и на зимнем небе то и дело появлялись розовые отблески огня. Несколько выстрелов было сделано по окнам наиболее богатых жителей. Мэр Чарльз-Тауна приказал всем приезжим, под страхом ареста, покинуть город.

Маленький городок, казалось, съезжился в ожидании каких-то

страшных событий. Малейшего пустяка, случайного выкрика, ребячьего плача было достаточно для того, чтобы вспыхнула тревога. По тихим ночным улочкам стучали тяжелые сапоги солдат и проносилась на своих лошадях кавалерия.

Официально власти заявили, что крупные военные силы приведены в боевую готовность, чтобы помешать попыткам линчевать Брауна и его сподвижников; народ, мол, так возмущен, что жаждет расправиться с брауновцами. В действительности же войска, пушки, чрезвычайные предосторожности — весь этот пышный реквизит государственной власти был вызван паническим страхом перед пятидесятидевятилетним человеком с белой ниспадающей бородой. И страх был не напрасен, ибо за этим человеком стояла сама справедливость.

Несмотря на то, что Виргиния была наводнена войсками, аболиционисты все же не теряли надежды на спасение капитана. Бостонские друзья во главе с Хиггинсоном собрали небольшой хорошо вооруженный отряд молодежи и намеревались напасть на тюремную стражу в тот момент, когда арестованного повезут к месту казни. Однако Браун не соглашался на это, и Хойт сообщил в Бостон, что, по его мнению, единственный человек, который может подействовать на Брауна, уговорить его, — это его жена Мэри Дэй Браун.

Хиггинсон тотчас же отправился в Северную Эльбу. Он нашел всю семью в большом и темном бревенчатом доме. Сэлмон Браун был здесь единственным мужчиной — дом населяли женщины семейства Браун. Хиггинсон отметил про себя общую для всех Браунов суровую сдержанность, почти величие.

Здесь не рыдали и не причитали от горя. Энни, приехавшая недавно из Кеннеди-Фарм, качала ребенка только что овдовевшей Бэлл. Некогда беспечная и насмешливая Руфь низко склонила над шитьем золотоволосую голову: Руфь была вдовой убитого Вила Томсона.

Но вот вошла слегка сутуловатая женщина, и все в комнате словно подтянулись, словно перед лицом ее великого горя захотели забыть о своих собственных горестях. Мэри Дэй, жена капитана, только что потеряла двух сыновей и теперь готовилась потерять мужа.

Хиггинсон осторожно приступил к цели своего приезда. Миссис Браун должна поехать вместе с ним в Чарльз-Таун и уговорить капитана бежать. На нее вся надежда.

— Если отец не соглашается бежать, не нужно настаивать. Это бесцельно, — вмешалась вдруг Энни. Хиггинсон поглядел на нее, и ему

внезапно почудилось за ее чертами другое лицо, старое и мужественное.

— Джон не зовет меня к себе, значит он не хочет, чтоб я приезжала к нему, — сказала жена капитана.

Но тут выступил Сэлмон. Он подошел к матери и погладил ее по гладко зачесанной голове.

— Ты должна поехать, ма, — сказал он твердо. — Мы должны испробовать все, чтобы спасти отца.

В эту ночь Мэри Дэй позже обычного сидела за вязаньем. Она вязала шерстяные носки мужу, чтобы взять их с собой в чарльз-таунскую тюрьму.

— Я всегда молилась, чтобы Джон был убит в бою и не попал в руки рабовладельцев, — сказала она Хиггинсону, — но теперь, когда я вспоминаю благородные слова о свободе, которые он произнес на суде, я не могу жалеть о том, что случилось...

У меня было тринадцать детей, мистер Хиггинсон, большую часть я похоронила, когда они были маленькими. После смерти Оливера и Ватсона их осталось только четверо. Но если мне суждено видеть гибель моего дома и моей семьи, то пусть бог сделает так, чтобы это принесло хоть какую-нибудь пользу бедным рабам.

Хиггинсон невольно преклонился перед этой женщиной: из какого же материала была создана она и вся ее семья?

Каким-то образом слух о готовящемся приезде жены достиг узника № 18. Мэри Дэй, прибывшей с Хиггинсоном в Бостон, передали его телеграмму:

«Ради бога, не допускайте приезда м-с Браун сюда».

Вслед за телеграммой пришло письмо, адресованное Хиггинсону:

«Дорогой друг, если моя жена приедет сейчас сюда, это только расстроит ее, прибавит мне горя и никак не может подействовать на меня хорошо. Убедите ее остаться дома, хотя бы до тех пор, пока я не дам ей знать о себе. Дома она найдет в тысячу раз больше утешения, чем где бы то ни было. Ее присутствие здесь только увеличило бы мои страдания. Я прошу ее быть спокойной и послушной и не поступать опрометчиво в отношении меня. Я ни в чем не нуждаюсь и чувствовал себя вполне бодрым, пока не услышал, что она собирается сюда. Я прошу ее сдерживаться и оставаться на месте до последних дней этого месяца, не поддаваясь чувству жалости. В этом деле я лучший судья, чем кто бы то ни было. Пожалуйста, перешлите это письмо при первой же возможности моей жене. Ваш друг Джон Браун».

— Все погибло, — сказал Хиггинсон, передавая письмо Мэри Дэй.

Сутулая женщина молча прочла то, что написал ее непреклонный муж.

Рот ее вздрагивал, и тяжелая, не женская морщина перерезала ее лоб.

— Видите, я лучше всех знаю Джона, — сказала она почти неслышно, — он не хочет, чтобы его что-нибудь отвлекало в последние минуты. Но он еще позовет меня, я уверена в этом.

И Мэри Дэй поехала в Филадельфию, чтобы оказаться поблизости, когда муж позовет ее к себе.

Этот день наступил. Она получила письмо, помеченное чарльз-таунской тюрьмой, со следами пальцев тюремщика.

«Мэри, если ты готова перенести свидание со мной перед моим концом и приехать сюда, чтобы собрать останки наших дорогих сыновей и твоего мужа (виргинцы позволят тебе это), прошу тебя, приезжай».

Что-то сдавило ей горло, когда она писала прошение на имя губернатора Уайза: «Прошу о выдаче мне смертных останков моего мужа и сыновей для приличествующего погребения их среди их родственников. Мэри Браун».

Утром 1 декабря будущая вдова капитана приближалась уже к Чарльз-Тауну. Рядом с ней в карете сидел капитан милиции, по бокам и сзади скакали десять кавалеристов. Так приказал губернатор. Даже одинокая женщина, погруженная в свое горе, казалась ему опасной.

В конторе тюрьмы ее обыскали. Руки тюремщиков скользили по ее Платью, по волосам. Она покорно поворачивалась, безучастная ко всему, кроме одного, — мысли о нем. Наконец длинный серый коридор. Тюремщик останавливается перед дверью № 18. Поворачивается ключ, и Мэри Дэй видит своего мужа.

На нем незнакомая ей куртка, и борода его стала еще длиннее. Он делает два шага ей навстречу, звенят кандалы, он неловко подхватывает их рукой.

— О Джон!

— Мэри!

Они держатся за руки, едкие слезы мешают им глядеть друг на друга.

Браун бережно усаживает жену на табурет, он говорит ей, что совсем спокоен.

— Я прожил долгую жизнь, Мэри. Все, что случилось, — к лучшему...

Голос мужа доносится до нее словно сквозь глубокую воду.

— Я привезла тебе теплые носки, — говорит она машинально.

Браун радуется этому проявлению жизни в ней. Он расспрашивает ее о доме, о детях. Оставили ли они под паром восточное поле? А изгородь исправлена? Когда пойдет в школу Нэл? Он хотел бы, чтобы все его дети получили хорошее образование.

Мэри Дэй трогает рукой его кандалы.

— Это будет завтра, Джон?

Он уклоняется от ответа.

— Скажи, Мэри, ты проклинаешь меня за ту жизнь, которую я тебе создал?

Дуэна качает головой. Нет, она с самого начала знала, что свобода требует от нее многих жертв...

— Это будет завтра, Джон? — настойчиво повторяет она.

Он не успевает ответить. За дверью раздаются шаги.

— Свидание окончено. Карета ждет вас, миссис Браун.

— Подождите, — возбужденно говорит капитан, — разве жена не останется со мной всю эту последнюю ночь?!

— Нет, губернатор не разрешил этого, — отвечает за дверью равнодушный голос, — есть распоряжение губернатора отправить миссис в Ферри.

Внезапное бешенство овладевает Брауном.

— Распоряжение! Распоряжение на эту ночь!! — кричит он в исступлении. — Какой дьявол хочет разлучить меня с женой!.. Я не позволю этого!..

Он кричит и бьет кулаками в железную дверь. Кандалы впиваются ему в ноги, кулаки разбиты, но он ничего не чувствует, он слепо бьет и бьет по железу, одна из ран на голове вдруг открывается, и кровь заливает ему глаза.

— Джон, — Мэри Дэй кладет ему руку на плечо.

Этого достаточно. Так же внезапно, как пришло бешенство, приходит спокойствие.

Он целует жену.

— Иди, Мэри. Все хорошо. Прощай.

— О Джон... прощай.

— Зачем ты едешь в Ферри?

Мэри Браун бледнеет. Капитан зорко смотрит на нее.

— Зачем ты едешь туда?

— Там... я буду ждать... тело, — запинаясь, говорит женщина, и Джон Браун понимает, что «тело» — это он.

35. КАЗНЬ

Прижавшись к решеткам камер, пять заключенных слушали шаги своего капитана. Около каждой из дверей шаги на секунду замедлялись, и ясный голос говорил:

— До свидания, друзья...

Они все верили, что встретятся после смерти там, где не будет ни рабства, ни злобы, ни несправедливости. Через две недели казнят Императора Грина и «студента» Копленда, тонкого темноволосого Кука и молодого квакера Эдвина Коппока. Через шесть месяцев отправят на эшафот Стевенса, которому предварительно залечат раны, и Хэзлета, пойманного в горах Пенсильвании. У властей не было никаких доказательств, что Хэзлет находился с восставшими. До последнего дня осужденные и сам Джон Браун твердили, что он им не известен, что он не был с ними. И все-таки его уличили и казнили. Пока Хэзлет и Стевенс находились в чарльз-таунской тюрьме, северные аболиционисты Хиггинсон и Монгомери подробно разработали план их освобождения. Но план этот потребовал бы множества человеческих жертв, и оба смертника самоотверженно отказались от него.

Давно уже не было такого солнечного утра. Горы сияли, чуть окутанные голубой дымкой. Слегка морозило, и солдаты топали ногами, чтобы согреться. Их было много в этот день в Чарльз-Тауне, так много, будто предстояла не казнь одного старого человека, а большое сражение.

Майор Талиаферро, командующий виргинскими волонтерами, получил письменный приказ губернатора:

«2 декабря с. г. выставьте часовых по всей линии границы от Мартинсбурга до Харперс-Ферри. Предупредите жителей, чтобы они вооружились и были наготове в этот день и за несколько дней перед этим. Не разрешайте отдельным лицам, и особенно группам приезжих, ехать в Чарльз-Таун 2 декабря.

Железнодорожной охране в Ферри прикажите контролировать пассажиров в поездах с Востока и Запада. Будьте готовы, если потребуют обстоятельства, разобрать рельсы. Пошлите верховых охранять заставы. Нужны два отряда для того, чтобы сдерживать толпу на месте казни. Сформируйте два замкнутых караула вокруг эшафота. Пошлите особенно сильную охрану в тюрьму и для сопровождения к месту казни. Не

допускайте толпу так приближаться к арестованному, чтобы слышать речь, если он вознамерится такую сказать».

Майор Талиаферро в точности выполнил приказ. Полторы тысячи войск были выстроены на пути от тюрьмы до площади, где стоял эшафот.

Выйдя из тюрьмы, Джон Браун удивленно повел глазами:

— Я не ожидал, что губернатор Уайз обставит мою казнь так торжественно, — сказал он сопровождавшему его шерифу.

Руки Брауна были скручены и привязаны за спиной. Кроме шерифа, его сопровождали офицер караульных войск и тюремщик. Он шел, хромая, в домашних шлепанцах и белых шерстяных носках, тех самых, которые связала ему жена. За рядами солдат стояла телега, запряженная парой белых лошадей. На телеге стоял сосновый чистый гроб. Браун обратился к сопровождавшему его офицеру:

— Возьмите у меня из кармана записку, сэр.

Офицер исполнил его просьбу.

— Что это такое?

— Несколько слов. Если хотите, мое завещание.

Шериф помог Брауну взобраться на телегу. Старик сел на гроб. Теперь он возвышался над всеми, и все видели его спокойное лицо и белую бороду, которую шевелил утренний ветерок. Офицер поднес к глазам листок:

«Я, Джон Браун, теперь вполне уверен, что преступления этой греховной — страны никогда не смыть ничем, кроме крови. Как я думаю теперь, я напрасно обольщал себя надеждой, что это может быть сделано без колоссального кровопролития».

Джон Браун с наслаждением вдохнул свежий воздух, поглядел на горы.

— Какой прекрасный-день сегодня! — заметил он, обращаясь к шерифу.

— Вы храбрый человек, капитан, — сказал шериф.

— Таким воспитала меня мать.

— Вы гораздо храбрее меня, капитан, — снова сказал шериф.

— Все-таки жаль расставаться с друзьями, — отозвался Браун.

Они подъехали к главной площади. Их встретили барабанным боем. Вся площадь была оцеплена солдатами.

Полк чарльз-таунской милиции стоял в полной боевой готовности. Белые лошади кавалерии, красные и синие мундиры военных выглядели так празднично, что черный силуэт эшафота казался нелепостью в этот солнечный день.

Однако настроение людей на площади было далеко не праздничное.

Всех — от майора Талиаферро до последнего жителя Чарльз-Тауна — мучил неопределенный страх. А что, если вот сейчас, вот сию минуту последует что-то ужасное, какой-нибудь взрыв, внезапный бунт негров, налет вооруженных аболиционистов? Даже крупнейшие плантаторы штата, съехавшиеся поглядеть на казнь своего злейшего врага, испытывали сейчас не радость, а тревогу. Тут были Вашингтон, Бруа, Олстэд и другие. Им отвели лучшие места, откуда виселица была видна как на ладони. Позади, теснимые солдатами, стояли менее именитые виргинцы. В стороне жалась кучка негров с хмурыми, настороженными лицами.

Капитана ввели на помост и набросили ему на голову белый колпак.

Джон Браун неловко шагнул вперед, но не попал на люк. Шериф закричал ему:

— Вы не туда ступаете, капитан! Сделайте еще шаг вперед!

Раздался спокойный голос капитана:

— Я ничего не вижу, джентльмены. Подведите меня сами к моей смерти.

Палач слегка подтолкнул его.

— Хотите, сэр, чтобы я дал вам знак, прежде чем опустить люк? — тихо спросил шериф.

— Все равно. Только, пожалуйста, не так долго, — послышался голос из-под белого колпака.

Тонкая смоляная веревка была накинута на шею прямой неподвижной фигуры. Но солдаты еще долго маршировали, строились, делали повороты. Прошло двенадцать бесконечных минут. Джон Браун все так же прямо стоял у люка.

Но вот, наконец, раздался звон оружия — это солдаты встали стройным каре. Полковник Престон взмахнул саблей, и над толпой мелькнули ноги в белых шерстяных носках.

— Долой рабство! Слава Брауну! — прокричал чей-то истошный голос.

Поднялась суматоха. Солдаты бросились на голос.

Они продирались сквозь толпу и каждого спрашивали:

— Кто кричал? Где кричали?

Но никто не знал. Каждому казалось, что кричали где-то на другом конце площади. Пользуясь суматохой, палач закончил свое страшное дело.

«День второго декабря 1859 года станет великим днем нашей истории, датой новой революции, столь же необходимой, сколь была прежняя. Когда я пишу это, в Виргинии за попытку освободить рабов ведут на казнь

старого Джона Брауна. Это значит сеять ветер, чтобы пожать ураган, который вскоре налетит».

Так писал в своем дневнике Лонгфелло, предвидевший судьбы Америки и глубоко потрясенный казнью Брауна.

Весь мир с негодованием следил за ходом процесса, за холодным и лицемерным американским «правосудием».

Не осталось почти ни одного выдающегося, передового человека в Старом и Новом Свете, который не высказал бы в печати или публично своего возмущения.

«Взоры всей Европы устремлены на Америку, — писал Виктор Гюго. — Повешение Джона Брауна обнаружит скрытую трещину, которая приведет к окончательному расколу Союза.

Присужденный к смертной казни Джон Браун должен быть повешен второго декабря (как раз сегодня).

Осталось очень мало времени. Успеет ли донестись отсюда призыв к милосердию?

Все равно! Наш долг поднять голос.

Америка — благородная страна. Чувство гуманности быстро пробуждается среди свободного народа. Мы надеемся, что Браун будет спасен.

Какой ужас, если случится обратное, если Браун умрет на эшафоте!

Палачом Брауна — заявляем об этом во всеуслышание (ибо короли уходят, а народы остаются, и народы должны знать истину) — палачом Брауна будет не прокурор Хэнтер, не судья Паркер, не губернатор Уайз, не маленький штат Виргиния: палачом Брауна будет — дрожь пробегает по телу при одной мысли об этом, страшно даже произнести — вся великая Американская республика.

Когда поразмыслишь над тем, что предпринял Браун, этот освободитель, и вспомнишь, что он должен умереть, умереть от рук Американской республики, — преступление увеличивается до размеров нации, его совершающей. Когда говоришь себе, что эта нация составляет славу рода человеческого, что она является одним из органов цивилизации, что часто она даже превосходит Европу своими смелыми и возвышенными мероприятиями в деле прогресса, что она является вершиной целого отдельного мира, что она носит на своем челе лучезарный светоч свободы, — то начинаешь уверять себя, что Джон Браун не умрет, ибо в ужасе отступаешь перед мыслью о столь великом преступлении, совершаемом такой великой нацией.

С точки зрения политической убийство Брауна было бы непоправимой

ошибкой: оно произвело бы в Союзе скрытую трещину, и эта трещина повела бы к его распаду. Возможно, что казнь Брауна будет иметь своим последствием укрепление рабства в Виргинии, но не подлежит сомнению, что она нанесет непоправимый удар всей американской демократии. Вы спасаете свой позор и убиваете свою славу.

С точки зрения моральной, это было бы затемнением светоча гуманности; самое понятие о справедливом и несправедливом покрылось бы мраком в тот день, когда Освобождение было бы убито Свободой.

Я не больше, чем атом, но, как все люди, я ношу в себе частицу общечеловеческой совести. Вот почему я со слезами преклоняю колени перед великим, усеянным звездами знаменем нового мира, сложив руки, с глубоким сыновним почтением умоляю я славную Американскую республику позаботиться о спасении универсального нравственного закона, спасти Джона Брауна, низвергнуть эшафот и не допустить, чтобы на ее глазах и — прибавлю с трепетом — почти по ее вине совершалось нечто более преступное, чем первое братоубийство.

Отвилль-Хауз, 2 декабря 1859 г.

Виктор Гюго».

День казни Брауна был отмечен во многих городах Севера массовыми траурными собраниями, речами, выражениями скорби. Люди собирали деньги, чтобы помочь семье казненного. В некоторых городах — Конкорде, Плимуте, Бирмингеме — звонили траурные колокола и был произведен прощальный пушечный салют — сто выстрелов. Эмерсон и Торо выступали с речами о Джоне Брауне.

Борьба Джона Брауна и его маленькой героической армии за освобождение негров, а главное, его мужественное поведение на эшафоте сыграли огромную роль в дальнейшей истории Америки. После казни Брауна все аболиционистские силы на Севере и Западе пришли в движение, воодушевились, стали стремиться к объединению. Фермер из Северной Эльбы стал символом благородной борьбы за права черного народа. Вскоре на борьбу против южных плантаторов-рабовладельцев поднялись армии Севера. Они шли в бой с песней:

Спит Джон Браун в могиле сырой,
Но память о нем ведет нас в бой!

Война Севера с Югом окончилась победой северян и освобождением

негров.

11 января 1860 года, то есть спустя полтора месяца после казни Брауна, Карл Маркс писал Фридриху Энгельсу:

«Величайшее, по моему мнению, из происходящего сейчас в мире — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся смертью Джона Брауна, с другой стороны — движение крепостных в России».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЖОНА БРАУНА

1800 — год рождения Джона Брауна.

1802 — принятие конституции нового штата Огайо (запрещение рабства).

1807 — закон о запрещении ввоза негров-рабов.

1812–1814 — война с Англией, так называемая вторая война за независимость. Джон Браун в качестве гуртовщика отправился с полком к месту военных действий.

1815 — Джон Браун поступает в обучение в школу преподобного Мозеса.

1820 — «Миссурийский компромисс» (установление географической границы распространения рабства).

1822 — восстание свободного негра Вези в Чарлстоне.

1828–1830 — деятельность Джона Брауна в качестве просветителя негров в Крофорде и Огайо.

1831 — Гаррисон основал аболиционистский журнал «Либерейтор» («Освобождение»),

1835 — начало организации аболиционистских обществ.

1849 — поездка Джона Брауна в Европу.

1850 — принятие закона о беглых неграх. Начало движения переселенцев в бывшие индейские резервации Канзае и Небраску.

1854 — билль Канзас — Небраска. Начало гражданской войны в Канзасе.

Отмена «Миссурийского компромисса».

1855 — первая поездка Джона Брауна в Канзас.

1855–1856 — выступления Джона Брауна в Канзасе.

1857 — решение верховного суда по делу негра Дреда Скотта.

1857–1858 — Джон Браун собирает силы и средства для борьбы с рабовладельцами.

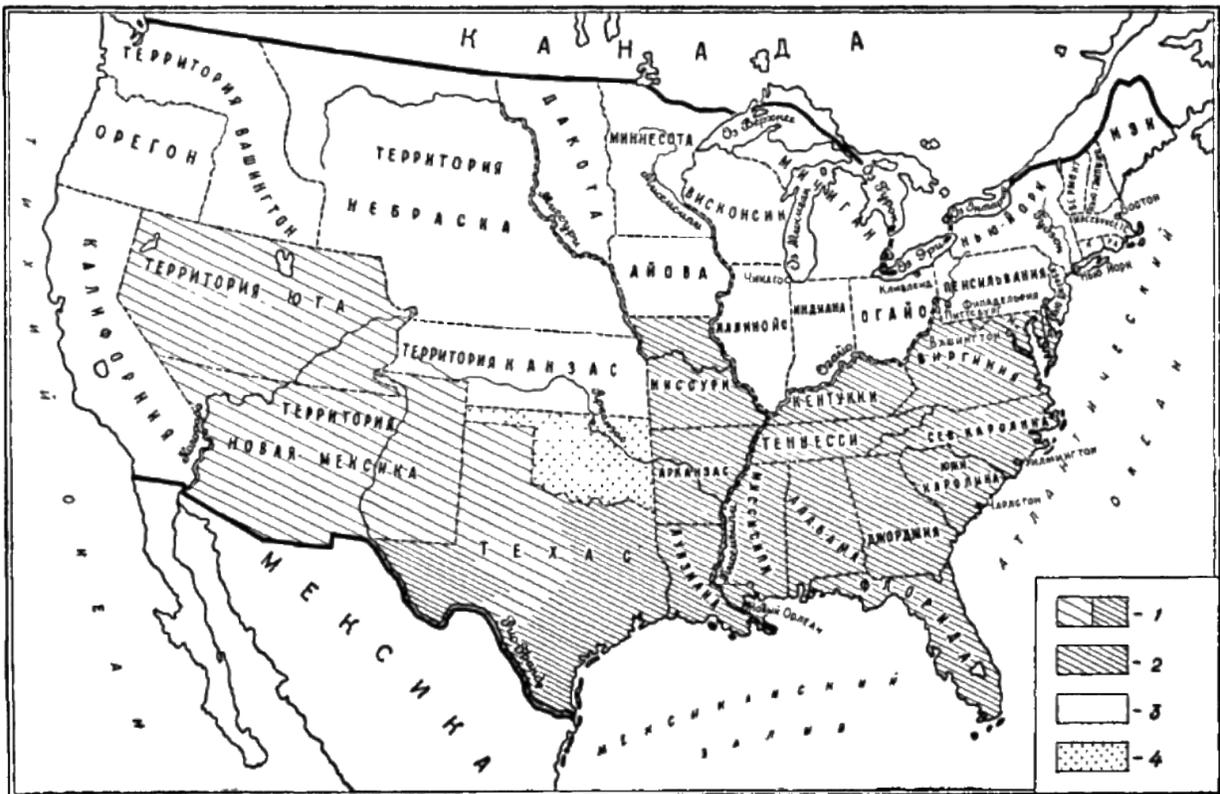
1859, июль — появление Джона Брауна в Виргинии. 17–18 октября — восстание Джона Брауна в Харперс-Ферри. 2 декабря — казнь Джона Брауна.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Голд М. и Блэнкфорт М.*, Джон Браун. М., 1937.
Диккенс Ч., Американские очерки. М., 1955.
Ефимов А., Очерки истории США. М., 1955.
Заславский Д., Очерки истории СевероАмериканских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв. М., 1931.
Ратнер-Штернберг С., Черные и белые в США. М.—Л., 1936.
«Соединенные Штаты Америки». М., 1946.
Фостер Уильям З., Негритянский народ в истории Америки. М., 1955.
Aptheke H. A. Documentary History of Negro People in the United States. N. Y. 1951.
Avey E. The Capture and Execution of John Brown. Elgin, III, 1905.
Brandt J. History of John Brown. 1895.
Brewerton G. The War in Kansas. N. Y. 1856.
«*Chicago Tribune*», N N October and november 1859.
Congressional debate: 1-st session doc. N 278. «John Brown's raid on Harper's Ferry 1857–1859». Washington.
Foner P. S. Life and Writings of Frederick Douglass. N. G 1950–1955. v. I–IV.
Hart A. Slavery and Abolition 1831–1841. N. Y. and Ld.
Hinton R. John Brown and his Men. N. Y. 1894.
Hovenden, T. Last Moments of John Brown. Philadelphia. 1884.
Leech, S. The Raid of John Brown at Harper's Ferry as I saw it. Washington, 1909.
Pate, H. John Brown as Viewed by Henry Clay Pate. N. Y. 1859.
Penn Warren. R. John Brown. The Making of a Martyr. N. Y. 1929.
Redpath, J. The public life of Captain John Brown. Boston, 1860. '
Redpath, J. Echoes of Harper's Ferry. Boston, 1860.
Sanborn, F. The life and Letters of John Brown. Boston. 1885.
Sanford, F. Memoires of John Brown. Concord. 1878.
Siebert, W. The Underground Railroad. N. Y. 1898.
«*Tribune*» 1859 October 18-th, 19-th, november, december 2 de.
Villard, O. John Brown 1800–1859. A Biography Fifty years After. Boston and N. Y. 1910.
Webb, R. Life and letters of Captain John Brown. London, 1861.
Williams, G. History of the Negro Race in America from 1680–1880. N. Y.

1883.

Winkley, J. John Brown the Hero. 1910.

Распространение рабства в США к 1860 году:

1 — рабовладельческие штаты и территории, 2 — районы плантационно-рабовладельческих хозяйств, 3 — штаты и территории, свободные от рабства, 4 — район индейской резервации.

К — Коннектикут, Р.-А. — Род-Айленд, М — Мериленд, Д — Делавер.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция серии «Жизнь замечательных людей» просит вас присылать краткие отзывы о книгах серии, а также свои предложения по улучшению их содержания и оформления

Напишите нам, о ком еще из замечательных людей вы хотели бы прочесть книги

Наш адрес Москва, А-55, Сущевская ул, 21, изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел

INFO

Н. Кальма
ДЖОН БРАУН

Редактор *Е. Грушко*
Оформление я линогравюры художника *В. Носкова*
Художественный редактор *А. Степанова*
Технический редактор *Э. Петрова*

*

A06170 Подп. к печати 16/VIII 1957 г.
Бумага 84 X 108 1/32=4,25 бум. л. = 13,94 печ. л.
12,5 уч. — изд. л. Тираж 15 000 экз. Заказ 893
Цена 5 р. 25 к.

*

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.

**В серии «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ»
в 1956 и 1957 годах вышли следующие
книги:**

Л. Островер, Петр Алексеев. 224 стр., цена 5 р. 15 к.
М. Губельман, Лазо. 277 стр., цена 5 р. 80 к.
Н. Богословский, Чернышевский. 408 стр., цена 8 р. 20 к.
А. Морозов, М. В. Ломоносов. 926 стр., цена 12 р. 80 к.
В. Лебедев, И. В. Мичурин. 253 стр., цена 5 р. 65 к.
Л. Воронцова, Софья Ковалевская. 344 стр., цена 7 р. 15 к.
М. Яновская, Вильям Гарвей. 176 стр., цена 4 р. 35 к.
К. Андреев, Три жизни Жюль Верна. 310 стр., цена 5 р. 80 к.
М. Морозов, Шекспир. 214 стр., цена 4 р. 95 к.
А. Тимашев, Воейков. 286 стр., цена 5 р. 80 к.
А. Яковлев, Руал Амундсен. 222 стр., цена 4 р. 75 к.
А. Рыбасов, И. А. Гончаров. 376 стр., цена 7 р. 40 к.
Л. Позднеева, Лу Синь. 285 стр., цена 6 р. 10 к.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

П. Березов, Куйбышев.
В. Лебедев и К. Ананьев, Фрунзе.
Леонид Хинкулов, Шевченко.
Г. Ревзин, Риэго.
Н. Кочин, Кулибин.
А. Дживелегов, Микельанджело.

notes

Примечания

1

Так назывались в Америке сторонники освобождения негров.

В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр 44.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XII, ч. 2-я, стр. 176.

4

Территория — Канзас.

Демократическая партия в США была в то время партией рабовладельцев.

6

Free soil — свободная земля.

Так назывались шесть штатов США, образовавшиеся из наиболее старых английских колоний, заселенных английскими пуританами и шотландцами.

Семинолы — индейцы папалахского племени, вели длительную партизанскую борьбу с белыми за свои земли во Флориде.

В 1859 году в Америке еще живы были пиратские традиции первых поселенцев Новой Англии. Впрочем, и в наше время мы знаем случаи похищения людей в Европе и Соединенных Штатах.